

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ

ФИЛОСОФИЯ, САЯСАТТАНУ
ЖӘНЕ ДІНТАНУ ИНСТИТУТЫ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ
И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Сборник научных трудов

Часть 3

Алматы
2022

УДК 323/324(574)
ББК 66.0 (5 Каз.)
Э 91

*Рекомендовано к печати Ученым Советом Института философии,
политологии и религиоведения КН МНВО РК*

Ответственный редактор
Шайкемелев М.С.-А. – доктор философских наук,
ассоциированный профессор

Редакционная коллегия:
Курганская В.Д. – доктор философских наук, профессор
Дунаев В.Ю. – доктор философских наук, профессор
Булуқтаев Ю.О. – доктор политических наук

Э 91 Этносоциальные процессы в Республике Казахстан. Сборник научных трудов. – Алматы: ИФПР КН МНВО РК, 2022. Часть 3. – 262 с.

ISBN – 978-601-304-125-4

В сборнике научных трудов представлены доклады участников ежегодной международной конференции в рамках грантового проекта КН МНВО РК «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан».

В работах ведущих казахстанских и зарубежных ученых анализируются особенности состояния этносоциальных процессов в Казахстане на современном этапе его развития, проблемы интеграции этносов в социум, адаптации кандасов, этнокультурного воспитания и образования, гражданской и этнической идентичности и др. Особое внимание было уделено анализу этносоциальных процессов в этноареалах юга страны, где летом 2022 года было проведено социологическое исследование межэтнических взаимодействий.

Сборник рекомендуется ученым, преподавателям, магистрантам, докторантам, представителям органов управления, Ассамблеи народа Казахстана, этнокультурных объединений, также широкой общественности, интересующейся этнополитическими процессами.

Сборник научных трудов подготовлен и опубликован в рамках научного проекта №АР09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан».

УДК 323/324(574)
ББК 66.0 (5 Каз.)

ISBN – 978-601-304-125-4

© Институт философии, политологии
и религиоведения КН МНВО РК, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое двадцатилетие XXI века поставило все страны мира перед большими испытаниями. Экономические кризисы, пандемия, экологические бедствия, массовые миграции вследствие внутренних катаклизмов в отдельных странах, религиозная радикализация населения, война между еще недавно братскими народами, входившими в состав СССР – далеко не весь перечень острых проблем, которые становятся общими для всех государств планеты. Но даже самые успешные и стабильные страны не избавлены от проявлений ксенофобии, межэтнических и межрасовых противоречий, вспышек коллективного насилия.

В странах с догоняющей модернизацией кризисы отражаются на социальном благополучии населения ещё острее, а, следовательно, ещё больше углубляют внутренние проблемы. В полиэтнической среде эти проблемы легко переходят на уровень конфликта между этническими группами.

Этнополитика Республики Казахстан за 30 лет независимого развития государства достигла несомненных и общепризнанных успехов в консолидации полиэтнического казахстанского общества, в формировании единой общенациональной, гражданской идентичности всех этнических групп. В этих процессах заметную роль сыграли мониторинговые исследования казахстанских социологов, предоставляющие эксклюзивную социальную

информацию и выверенные научно-практические рекомендации органам управления этносоциальными отношениями в республике.

Наборы параметров в моделях мониторинга различаются. Эти различия неизбежны ввиду нелинейного характера исследуемого объекта. Для сложных систем весьма вероятно получение в «штатных» и «кризисных» ситуациях разных наборов параметров порядка, что не позволит описывать их с единых позиций. Кроме того, сложность предполагает наличие у системы свойств, отсутствующих у составляющих её частей, т.е. не только выделение параметров порядка из числа старых переменных, но и формирование в процессе самоорганизации новых управляющих параметров и параметров порядка.

Единой модели мониторинга быть не может. С точки зрения современного понимания оснований политической рациональности невозможно претендовать на абсолютное знание процедур, способных обеспечить единственно правильное решение, соответствующее некоему абсолютному стандарту. Тем не менее, мониторинг этносоциальных процессов в Республике Казахстан должен стать обязательным элементом управления внутриполитическими процессами в стране. Проведение мониторинговых исследований способствует укреплению государства, являясь действенным механизмом борьбы за преодоление дисбалансов в этносоциальной, этнополитической, этнокультурной сферах общественной жизни.

Исследование этнополитической ситуации показало, что Казахстан находится на переходном этапе от традиционного к модернистскому проекту национальной поли-

тики, предполагающего переход к гражданской нации. В стране сохраняются элементы традиционного проекта и уже реализуются принципы нового, модернистского, но для успешного продвижения к гражданской нации необходимо неукоснительно соблюдать следующие условия, и мониторинг здесь может оказать неоценимую помощь:

- обеспечить эффективную реализацию конституционно-правовых принципов регулирования этносоциальными процессами;
- добиваться выполнения государственных программ и поддержки общественных инициатив в достижении целей этнической политики;
- наладить плодотворный партнерский диалог между органами государственной власти и этнокультурными объединениями.

Разумеется, задачи национальной политики в зависимости от ее эффективности и достигнутых результатов на каждом из этапов ее выполнения должны подвергаться коррекции, но изменения общей ситуации в экономической, политической, социокультурной и т.д. сферах жизни общества не должны влиять на цели политики.

Локальные конфликты на этнической почве, имевшие место в нашей стране, свидетельствуют о том, что для Казахстана изучение этносоциальных процессов является актуальной задачей, а развитию этносоциологии, которая изучает межэтнические отношения в контексте социального взаимодействия этнических групп, необходимо уделять усиленное внимание.

Наши исследования показывают, что в проведении стратегического курса государственной этнополитики

администрации регионов зачастую ориентируются преимущественно на сиюминутные конъюнктурные задачи, на декларативное участие этносов в принятии стратегически важных решений, запаздывают при разработке и реализации необходимых для региона программ.

Чтобы ликвидировать такое запаздывание, вовремя найти и реализовать наиболее действенные способы управленческих воздействий на этносоциальные процессы, необходима разработка эффективных политических и социальных технологий повышения и реализации интеграционного потенциала субъектов межэтнического взаимодействия. Разработка этих технологий должна проводиться при участии учёных на основе такого механизма управления этническими общностями как этносоциологический мониторинг.

Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки МНВО РК с 2000 года в рамках различных грантов и программно-целевых программ исследует состояние межэтнических отношений в Республике Казахстан через отслеживание социально-экономических, политических, духовно-нравственных и организационно-управленческих параметров консолидации полиэтнического казахстанского общества.

В задачи мониторинга входит определение основных социальных факторов, способствующих возникновению межэтнических противостояний в регионах Казахстана; выявление конфликтогенных зон в межэтнических взаимодействиях; определение с учетом новых вызовов и угроз новых трендов этнополитической сферы РК; выявление дискриминационных практик в масс-медиа; за-

мер уровня толерантности различных этнических групп, проживающих в Казахстане; выявление степени интеграции различных этнических групп в казахстанский социум и др.

Ученые ИФПР исходят из того, что межэтнические и этногосударственные отношения, представляя собой сложно организованную систему, вместе с тем являются частью (подсистемой) общих социальных, политических, хозяйственно-экономических, культурных процессов. Синтез аксиологического и функционального подходов, инструментально-утилитарного и философско-культурологического понимания сущности национальных процессов, преодоление крайностей технократического редукционизма и абстрактно-гуманистической риторики позволяет получать достоверные научные результаты и разрабатывать практические рекомендации для органов управления в соответствии с актуальными вызовами и угрозами в сфере межэтнических отношений.

С 2021 года в ИФПР реализуется грантовый проект «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан». Цель данного НИП – содействовать снижению уровня межэтнической напряженности в межэтнических взаимодействиях в Республике Казахстан через оптимизацию этнополитического менеджмента; разработка прогноза динамики этносоциальных процессов на основе анализа: концептуально-проблемного поля этнополитики, установок общественного сознания казахстанцев, деятельности институтов образования, СМИ, Ассамблеи народа Казахстана (АНК), этнокультурных объ-

единений (ЭКО), органов управления/самоуправления, факторов интеграции этносов в казахстанское общество.

Проект имеет большую значимость в национальном масштабе, поскольку в улучшении межнационального климата в стране заинтересованы, прежде всего, все граждане Казахстана. В условиях углубляющейся социальной поляризации населения, распространения радикальных настроений в обществе, геополитических разломов, проявлений различного рода преступных посягательств на интересы личности, общества и государства (коррупции, целенаправленной подрывной деятельности, неконтролируемой миграции и пр.) необходима разработка такого режима управленческих решений, который бы с необходимостью включал в себя учет мнений и устремлений различных слоев общества и своевременно реагировал на новые, опасные для Казахстана вызовы.

Мониторинг является именно тем способом и каналом информации, по которому новые потребности передаются руководящим органам (Макс ван дер Стул, Верховный Комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств с 1993 по 2001 гг.).

Для этого в соответствии с календарным планом НИП летом 2022 г. было проведено социологическое исследование (анкетный опрос, интервью с экспертами, фокус-группы) в этноареалах трех южных областей Казахстана (Туркестанская, Жамбылская и Алматинская области). Основной целью исследования стало получение ответов на вопросы «снизу», относительно социального самочувствия сельчан; наличия «обратной связи» с местной властью; соблюдения языковой политики и овладение

населением государственным языком; состояния межэтнических отношений и влияния на него различных внутренних и внешних факторов, таких как межгрупповая и межэтническая дистанцированность – закрытость, изолированность, открытость; наличие этнических стереотипов, конфликтогенность; влияние на качество жизни языковой политики, трудовых отношений, социальных тревог и ожиданий.

Результаты исследования были использованы сотрудниками НИП при подготовке докладов и выступлений на международных и республиканских научно-теоретических и научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах, научных публикаций, интервью, заметок в отечественных СМИ.

Данный сборник научных трудов представляет результаты научных изысканий сотрудников проекта, а также ученых из других регионов Казахстана и международных исследователей, принимавших участие в ежегодной научной конференции ИФПР КН МНВО РК «Этносоциальные процессы в Республике Казахстан: вызовы и решения».

МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЫЗОВОВ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Сейдуманов Серик Турарович

Для полиэтнического общества Казахстана тема межэтнических отношений является одной из главных системообразующих основ социальной стабильности в государстве. В этой связи, анализ изменений этносоциальной среды и актуальных трендов ее развития, выявление и ясное понимание возникающих в связи с этим рисков и вызовов этой проблемы позволяет госорганам эффективно «модерировать» процессы взаимодействия людей разных этнических групп и становление общенациональной идентичности в Казахстане. Появление скрытых, «латентных» факторов в идентификации самих этнических групп и их взаимодействии между собой, игнорирование уполномоченными государственными органами страны объективных тенденций этой «чувствительной сферы» представляет серьезный риск для социальной стабильности в стране.

Теоретические вопросы межэтнических отношений в Казахстане

Объективные данные демографии показывают, что за последние 30 лет в стране произошло существенное изменение этнокультурного состава населения. На перед-

ний план вышла проблематика «казахизации» социального пространства, которая, являясь в целом объективным трендом национального строительства в Казахстане, вместе с тем становится достаточно уязвимым фактором социального самочувствия других, «неказахских» групп населения. Существует до сих пор непреодоленная проблема адаптации и интеграции в общеказахстанскую идентификационную матрицу вновь прибывших в страну қандасов. Этот процесс, инициированный и поддерживаемый государством, вместе с позитивными стратегическими задачами увеличения населения за счет переселенцев из других стран, представляет и определенные риски, связанные с привносимым иным кодом социальных отношений, присущим странам исхода. Так, к примеру, қандасы, прибывшие из мусульманских стран, привносят в социокультурное пространство Казахстана элемент «повышенного индекса религиозности» и связанную с этим отчужденность и замкнутость этих общин от в целом атеистического или нерелигиозного социального окружения в стране. Определенными особенностями социальной мобилизации обладают қандасы, прибывшие в Казахстан из Китая, Монголии, Каракалпакстана.

К тому же Казахстан по истечении тридцати лет современного суверенного развития вступает в новый этап социальной модернизации, когда объективно меняется социальный, этнокультурный состав нации, ее языковая и ценностно-мировоззренческая картина мира. Проходит испытание на прочность традиционная политика государства, нацеленная на сохранение единства и согласия

полиэтнического и многоконфессионального населения Казахстана под воздействием как внутренних факторов, так и внешних геополитических и геоэкономических вызовов.

Настоящая статья фокусирует внимание на проблемах скрытых, латентных процессов в сфере этнокультурного развития страны, *казахизации* социального пространства и ряда деструктивных факторов ее влияния на социальное самочувствие граждан и существующую модель общественного согласия.

Социологические исследования показывают, что жизнь значительной части населения стала определяться этнокультурными границами и дистанциями. Как известно, идеология этноцентризма, социальной замкнутости и отчуждения, независимо от ее связи и принадлежности к титульной нации или к этническим меньшинствам, является серьезным вызовом и зачастую препятствует развитию единой гражданской самоидентификации. Многие государства «позднего старта» в процессе модернизации социального пространства, сталкиваясь с подобными проблемами, разрушаются, попадая в группу *failed states* (несостоятельных государств), выбрав в новых условиях неверную стратегию межэтнического взаимодействия и в конечном счете – всей государственной этнополитики.

Существует несколько потенциальных сценариев развития ситуации в межэтнических отношениях в Казахстане. Первый сценарий связан с консервацией, сформировавшейся в стране в постсоветский период системы над- и внеэтнической гражданской, казахстанской иден-

тичности. Этот сценарий связан с «патерналистским удержанием» со стороны государства интернационального характера идентичности. Второй сценарий предполагает изменение стратегии государства с большим уклоном, сориентированным на растущий объективный процесс «казахизации» социального и политического пространства, расширением сферы применения казахского государственного языка, роста численности и качества казахского населения в целом в структуре всего социума страны, необходимостью однозначного выбора вектора и содержания идентичности нации как казахской. Третий сценарий предусматривает дистанцирование государства от «модерирования» процессами этнокультурной социализации граждан, ее либерализацию, т.е. «невмешательство» в выбор населением своей модели самоидентификации. Последняя модель с нашей точки зрения вызывает огромные риски и издержки, поскольку открывает «ящик Пандоры» стихийного волеизъявления граждан, способного привести к перерастанию локальных межэтнических конфликтов на «бытовой основе» к серьезным деструктивным процессам, угрожающим целостности государства.

По нашему мнению, казахстанскому государству необходимо выработать интегрированную стратегию «мягкого направления» модерирования этносоциальными процессами, способную как поддержать растущий казахский фактор идентичности, как системообразующий и объединяющий нацию, так и минимизировать его возможное деструктивное влияние на существующие потребности и формы самоидентификации этнических меньшинств Ка-

захстана. Необходимо пристально следить за тем, чтобы особое внимание как к этническим меньшинствам, так и к титульной нации не использовалось как повод для обособленности и фрагментации современных полиэтнических сообществ, препятствуя их интеграции в единую политическую гражданскую нацию.

Практика межэтнической сферы в Казахстане

В 2021 г. информационными поводами, деструктивно повлиявшими на этносоциальные процессы, стали высказывания ряда российских государственных и общественных деятелей по поводу территориальной целостности Казахстана, истории происхождения казахов, об исключительно «русскоговорящем Казахстане» и т.д., которые естественным образом вызвали неоднозначные чувства казахстанцев. Достаточно чувствительной оказалась тема, так называемых «языковых патрулей». Негативно отреагировала значительная часть казахстанского общества и на их деятельность. «Языковые патрули» вызвали активное обсуждение в социальных сетях, и по комментариям стало ясно, что общество разделилось на два лагеря – сторонников и противников «языковых рейдов». Очевидно, что такой «внешний фон» и «чувствительная реакция» в самом обществе вносит ненужное напряжение в межэтнические отношения, разделяет граждан страны и провоцирует непонимание в межгосударственных отношениях.

Столкновения между казахами и различными этническими группами (меньшинствами), такими как уйгу-

ры, дунгане, курды, таджики, к сожалению, становятся достаточно регулярными в Казахстане. На фоне высказываний российских политиков и политологов многие общественные деятели, журналисты, ученые как в России, так и в Казахстане высказывают резонные опасения, что напряженность по поводу языка, представленности во властных структурах и т.д. может привести к аналогичным вспышкам насилия, но уже между титульными казахами и этническими русскими [1].

Пол Гобл, аналитик Jamestown Foundation (США), отмечает: «Русские особенно обеспокоены тем, что многие представители политической элиты Казахстана, похоже, обвиняют своих жертв, утверждая, что поведение самих этнических меньшинств в стране является причиной нападений» [2].

Показательной и вызвавшей обсуждение в соцсетях и прессе стала фраза акима Панфиловского района Алматинской области: «Шаңыраққа қара!», – произнесенная им на собрании общественности села Пиджим, состоявшемся по горячим следам событий октября 2021 г. Эта фраза высветила соглашательскую позицию местной власти по отношению к популярному в казахской среде мнению, высказанному на том же собрании, о доминирующем положении титульной нации в этнической иерархии, в которой уйгуры «должны знать свое место»¹, поскольку

¹ В социологических исследованиях Серика Бейсембаева отмечается, что «после инцидента в Кордае 90 процентов пользователей в соцсетях написали комментарии в поддержку конфликта. «Да, правильно, казахи на своей земле», «другие народы должны знать свое место», «их надо поставить на место» — так писала основная масса пользователей». См.: Аян Калмурат. Делимся на «мы» и «они». Почему Казахстану не удастся сохранить межнациональное согласие? Радио Азаттык. 29 октября 2021 г. – <https://rus.azattyq.org/a/31534899.html>

находятся на ступень ниже казахов. Такие деформации самосознания части титульного населения генерируют ощущение ущемленности в правах у малых этнических групп, заранее ставя их в неравное с казахами положение. Эта идеологема неравенства по этническому происхождению может в перспективе стать одним из реальных рисков формирования у значительной части населения искаженных социальных моделей, разрушающих ценностные основания национального единства народа Казахстана.

Характерным является то, что казахским властным элитам местного уровня приходится заигрывать с титульным большинством – казахской аудиторией и ее лидерами, транслирующими в информационное пространство собственные оценки и интерпретации, которые готово и хочет услышать большая часть титульного сообщества. Те же социологические исследования фиксируют факты, что местной властью и малыми областными Ассамблеями Юга Казахстана фактически не проводится повседневная работа по идеологическому, поликультурному просвещению и образованию, предотвращению и профилактике конфликтных ситуаций и т.д.

Объективный рост казахского населения на фоне сфокусированности правительства на решении первоочередных задач социально-экономического характера не позволили вовремя осмыслить и оценить процессы и масштабы казахизации национально-культурного пространства и самоотчуждения малых этнических групп страны, латентного развития процессов социального и ценностного «расхождения» и «отчуждения» между казахами и другими этносами. Стихийность и непод-

контрольность этого процесса со стороны государства в новейших условиях, когда казахи стали большинством, у значительной части нового поколения, состоящего по большей части из сельских казахов и кандасов¹, стал популярен нарратив о том, что Казахстан – страна исключительно казахов и власть должна служить в первую очередь интересам казахов. Объективный процесс этнокультурного возрождения, ставший возможным благодаря независимости, вылился в попытки форсированного внедрения казахского языка во все сферы общественной жизни, ономастические перегибы на местах и, что самое важное, стал достаточно регулярно приводить к деструктивной этнической мобилизации казахского населения, приводящей к межэтническим конфликтам и насилию.

Некоторые казахи стали рассматривать все эти процессы как восстановление исторической правды и справедливости, компенсацию за прежние страдания и социокультурные травмы, а большинство этнических русских, напротив, стали рассматривать такие действия как прямое или косвенное нападение на русских и их историческую родину – Россию. В условиях латентного и замалчиваемого противостояния «казахоязычных» и «русскоязычных» групп «существует риск того, – что ответ властей может только повысить вероятность будущих межэтнических столкновений» [2].

У нового молодого поколения Независимости, традиционно воспитанных казахов, очень силен авторитет старших, которые транслируют в молодежную аудито-

¹ Увеличение численности казахского населения за счет сельчан и их урбанизация – это закономерный процесс в силу того, что рождаемость в сельской местности традиционно выше, чем в городах.

рию разного рода нарративы, мнения и толкования тех или иных событий, как правило, с этноцентристской точки зрения, четко разделяющей население или конкретную аудиторию на «своих» и «чужих». В самой казахской среде наблюдаются определенные линии «раскола» по принципам региональной («жерлес»), родовой («рулас»), социально-статусной идентичностей, что создает ситуацию внутренней раздробленности и идеологической разобщенности казахского этноса. В этой ситуации, нация оказывается уязвимой с точки зрения воздействия деструктивных идеологических течений радикального религиозно-экстремистского и ультранационалистического толка, имеющих достаточный потенциал влияния на умы населения и способность к организации этнической мобилизации.

Причины конфликтов также зачастую кроются в неработающих принципах неотвратимости наказания для совершивших преступления и равенства всех граждан перед законом; в отсутствии доступа к финансовым и социальным программам государства у населения отдаленных аулов; в коррупции на местном уровне среди силовиков и широкого круга уполномоченных лиц, причастных к проведению государственных тендеров; в общей неустроенности и отсталости отдаленных аулов и поселков, в которых, как правило, происходят все резонансные конфликты последних двадцати лет.

Отсутствие целостной и научно обоснованной общенациональной идеологической доктрины, понятной и принятой большинством населения Казахстана, как своеобразных «правил игры» в чувствительной сфере межэт-

нических отношений, представляется одним из самых существенных рисков в процессе социальной и политической модернизации страны.

Анализ информации, полученной из различных источников в ходе мониторинга 2021-2022 гг., проводимого ИФПР КН МНВО РК, позволил выделить целый ряд нерешенных проблем, свидетельствующих о том, что за фасадом внешнего благополучия, демонстрирующего «успокаивающие» данные массовых опросов, можно просмотреть негативные тенденции. Представляется особо важным проводить постоянный мониторинг межэтнической ситуации, способный уловить тревожные предвестники назревающего конфликта и зоны межэтнического напряжения.

Респонденты проведенных интервью и фокус-групп выделяют наиболее эффективные факторы укрепления межнационального согласия в стране. Главными факторами, по мнению респондентов всех этнических групп, являются: повышение жизненного уровня казахстанцев; укрепление и соблюдение законности; оперативно действующая обратная связь с местной администрацией; объективность и взвешенность идеологической позиции местных органов власти; действенная система воспитания культуры межэтнического общения через СМИ и систему образования; неуклонная представленность интересов всех этнических групп в органах управления; сохранение государственного курса на межэтническое единство и согласие в казахстанском обществе.

Выводы и рекомендации

Системные меры по улучшению правового воспитания, повышению уровня общей правовой культуры, преодолению искажений правового сознания, как и правосознание населения страны в целом, должно стать предметом пристального внимания государства и общества. Объективные процессы дальнейшего расширения казахосферы нуждаются в адекватном и пристальном внимании со стороны органов управления, гражданского и научного сообществ. Намечаемые меры в сфере межэтнических и субэтнических отношений должны опираться на взвешенные идеологические оценки и объективные экспертно-аналитические материалы, быть поддержаны специальными социально-экономическими программами, а модерирование процесса гармонизации межэтнических отношений в отдельно взятых населенных пунктах должно стать одним из важнейших индикаторов эффективности деятельности местных властей. Сомнения казахского населения в собственном морально-правовом и государствообразующем статусе, традиционное легкоеверие и зависимость от мнения местных авторитетов – этнических предпринимателей (аксакалов – «родовых старшин», уважаемых представителей творческих профессий – певцов, поэтов, айтыскеров и др.), а также неуверенность неказахского населения в защите их собственных прав и моделей культурной самоидентификации на местах становятся благоприятной почвой для манипулирования общественным сознанием и основой для потенциальных конфликтов. Одной из потенциаль-

ных линий деструктивного развития является проблема адаптации «қандасов». Прогрессирующий рост бытовой ксенофобии и продолжающиеся очаговые конфликты требуют решительных действий со стороны местных властей. В связи с этим, на наш взгляд, соответствующим ответственным структурам, регулирующим переезд казахов на историческую родину, следует озаботиться не только административным и социально-экономическим обустройством людей на новом месте, но, прежде всего, осуществлять своеобразную «идеологическую опеку», разъясняя особенности государственной политики и модели межэтнического согласия в Казахстане, развивать программы полиязычной компетенции, культурной адаптации в новых условиях.

Необходимо расширять разнообразные формы творческого моделирования государством новых сценариев межкультурного взаимодействия, внедрять в средние общеобразовательные школы страны систему поликультурного образования, изобретать и внедрять новые традиции, работающие на сближение и единение общих ценностей нации.

Последние конфликты с участием коренного населения и этнических меньшинств происходили в основном в сельской местности. Следует повысить эффективность и качество информационно-разъяснительной работы касательно содержания государственной политики в сфере межэтнических отношений, коррекции государственных программ, направленных на помощь населению отдаленных аулов. Очень важен равный, насколько это возможно, доступ всех групп населения как к финансо-

во-экономическим ресурсам, выделяемым государством конкретным регионам, так и к политическому участию, доступу к назначаемым должностям, представительству в местных выборных органах.

Решение большинства проблем межэтнической сферы лежит в плоскости экономического развития на региональном и местном уровнях, так как нехватка земельных ресурсов, отсутствие рабочих мест, социальная напряженность являются благоприятными факторами возникновения конфликтов между представителями разных этнических групп на бытовой почве. Проявления ксенофобских настроений более вероятны именно в таких этноареалах. В этой связи, при разработке государственных бюджетных программ одним из критериев должны стать требования по улучшению гармонизации условий жизни для всех этнокультурных групп населения.

Список использованных источников:

1. «Эвакуировать» русских и обложить казахов данью. Qmonitor, 30.11 2021 – <https://qmonitor.kz/politics/3063>
2. Paul Goble. Violence Spreads in Kazakhstan, and Now Involving Attacks on Ethnic Russians. Eurasia Daily Monitor Volume: 18; Issue: 180. December 2, 2021 05:58 PM

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: ПЕРСПЕКТИВА ЗАПАДНОЙ НАУКИ

Агарин Тимофей

Статья посвящена тому, как западные ученые изучают этничность и этнические конфликты, какие тенденции проявляются в межэтнических процессах и политике западных либеральных демократий в отношении прав этнических меньшинств.

В российских университетах в свое время образовательные курсы на тему межэтнических отношений учили смотреть на возможности урегулирования конфликтов с точки зрения их практического разрешения как урегулирование неравноправных отношений между этническими группами, соседствующими друг с другом на территории одного государства. Однако с точки зрения западного исследователя изучение межэтнических отношений и возникающих при этом конфликтов обретает смысл только в том случае, когда мы исследуем и пытаемся понять корни этих конфликтов, т.е. проще говоря, с чего все началось [1]. Таким образом, как таковых конфликтов на этнической почве не бывает, а то, что в ежедневной речи называют «этническим конфликтом» – это конфликт за ограниченные ресурсы, имеющиеся на какой-либо территории, конфликты, в которые вовлечены группы, самоидентифицирующиеся по одному из множеству воз-

можных критериев: этническому или, как чаще говорят по-русски, на основе национальности [2].

Вот с этого момента можно начать указывать на фундаментальные отличия аналитического подхода к анализу, которого мы ожидаем от так называемой западной социальной науки: мы говорим не о национальных конфликтах или идентичности акторов, участвующих в них; речь идет об именно этнических группах и конфликтах между ними [3].

Термин «национальные» подразумевает сосуществование национального государства или территориального образования, на котором этническая группа находится в привилегированном положении по сравнению с другими группами, населяющими эту территорию, и имеющая особый доступ к ресурсам этого территориально-политического образования [4]. Таким образом, группы, имеющие свою территориально-политическую «родину», не только получают возможность самоопределяться в культурно-социальном плане, но также получают возможность определять возможности для развития или отсутствия того же для представителей всех других, не титульных групп на территории, принадлежащей титульному народу государства [5].

Неравенство между группами, которое является результатом государствовоительства, приводит к соревнованию между этносоциальными группами на территории всех государств и очень часто может приводить к конфликтам между группами, одна из которых является этнической (обычно меньшинство на территории государств), другая – большинством (обычно титульная груп-

па, не обязательно большинство на территории государства).

С этой точки зрения конфликты между группами, по сути, являются конфликтами между индивидуальными членами групп за ресурсы, которые доступны им как членам групп, ресурсы, которые изначально обещаны всем в равной мере, но переданы на усмотрение одной группе в большей мере, чем членам других групп [6]. И поскольку группы могут быть самоопределяющимися по различным критериям, то и конфликты между группами обычно называют по определяющему критерию групп, в нем участвующих, а не по сути конфликта [7]. Например, конфликт в Северной Ирландии часто называют религиозным конфликтом, так как в нем участвовали религиозно дефинированные группы, но суть конфликта заключалась и продолжает заключаться в возможности равного доступа к ресурсам государства [8].

Итак, фундаментальное методологическое отличие западного подхода от того, который, к примеру, преподают в российских ВУЗах, заключается в том, что мы принимаем аналитическую позицию и выясняем, в чем же заключается суть самого конфликта. Послушав выступления коллег на данной конференции, я услышал много вещей, которые у нас в Белфасте, разделенном этническим конфликтом обществе, исследуются научными сотрудниками и постоянно муссируются в СМИ. На самом деле то, что происходит в Казахстане, в Северной Ирландии и других частях света имеет одну фундаментальную подоплеку, а именно то, что в большинстве государств, которые мы рассматриваем как дающих примеры кон-

фликтов между этническими меньшинствами и большинством, связанными с межгрупповым неравенством, которое формально установлено и продвигается рядом политических инструментов: можно с уверенностью сказать, что конфликт и политические распри между группами появляются в тех государствах, которые не являются титульными для этих этнических меньшинств [9].

Суть в том, что государственный подход к национальному строительству в большинстве современных государств является нациестроительным подходом [10]. Что это значит? Во-первых, нациестроительство, с точки зрения аналитической, подразумевает то, что есть какая-то нация или этническая группа, которая «первая среди равных» в данном политическом объединении [11]. Во-вторых, что политический статус этой этнической группы или нации, для которой строится это государство, отличается от статуса остальных проживающих в этом государстве групп, и соответственно, и в экономическом, и в социальном, и в культурном плане у меньшинств возникает множество проблем, которые создаются самим государством, чтобы быть недовольными своей позицией меньшинства [12].

Вспомним тот факт, что у большинства государств прописан государственный язык, на котором обязан уметь говорить каждый гражданин, на котором предпочтительно проходит делопроизводство и без знания которого трудно добиться истинного равноправия членам (языковых) меньшинств в государственном аппарате. В этом смысле особенно важно и интересно, что кроме того, что данное конкретное меньшинство, является меньшин-

ством в численном отношении, регионально сконцентрировано, оно исследуется коллегами с точки зрения его связи с соседним государством, где лояльность меньшинства не ставится под вопрос, и где это (казахстанское) меньшинство является де-факто большинством [13].

Ответом на многие дискуссии об этничности в Западной Европе было бы предоставление людям больше демократии, потому что чем больше людей сможет участвовать в политическом процессе и чем больше их мнений учитывается в этом формальном политическом процессе – даже если это в контексте национального государства – тем меньше вероятность того, что они выберут насилие, то есть насилие на этнической почве, для достижения своих целей [14]. Поскольку это был предпочтительный способ достижения государственных целей в начале 20-го века в Западной Европе, в научных дебатах можно найти новый набор нарративов: поскольку демократия оказывает большее давление на национальные государства, поэтому все демократии подразумевают разногласия между отдельными гражданами и группами и, следовательно, требуют институционального посредничества для учета разнообразия мнений, интересов и, наконец, идентичностей [15]. Если этого приспособления не происходит, то мы обычно наблюдаем протесты граждан против государства, очень похожие на то, что мы видели в Северной Ирландии в целом и, в частности, во всех случаях, когда происходят гражданские войны.

Однако остаются вопросы. Во-первых, какая политическая структура необходима для того, чтобы уладить конфликт и предотвратить его перерастание в насилие,

и, во-вторых, могут ли все группы, вовлеченные в политическую борьбу, быть приспособлены к либерально-демократической структуре и, таким образом, не допустить кровопролития [16]. Это вопрос о природе «демократии», и вопрос ключевой для понимания того, что происходило в Европе и Западном мире после Первой мировой войны [17].

С одной стороны, демократию можно рассматривать как тип принятия решений, некоторые из которых носят процедурный характер, коллективно обязывающий людей осуществлять совместный контроль над государством. Итак, это власть людей, которые создают общие правила для мирного сосуществования. Это, в свою очередь, требует определения того, кто такие эти люди, и, как мы видели в большинстве европейских случаев, именно этническая принадлежность определяет этих людей чаще всего [18].

В то же время демократию можно рассматривать исключительно как формальную совокупность правил и институтов, обеспечивающих соблюдение этих правил. С этой точки зрения, тот, кто определяет эти институты, должен иметь коллективную поддержку и коллективное согласие общества, прежде чем он это сделает. Таким образом, даже такое понимание демократии как структурное требует от нас определения того, кто такие эти люди, и кто будет иметь доступ к этим институтам [19].

Наконец, если мы посмотрим на определение демократии, популяризированное после распада социалистического блока, предполагается, что демократия является формой смягчения сложных правил [20]. Судя по инсти-

туциональному определению, мы предполагаем, что все акторы, участвующие в подтверждении обоснованности институционального устройства, считаются сторонами конфликта за ресурсы, находящиеся в рамках национального государства. Эти группы людей определяются – и разделяются – по их внутренней общинной солидарности и воспринимаемым различиям между группами, чаще всего основанными на этнических принципах, которые были признаны основополагающими для восстановления национального государства.

Это должно поднять вопрос, могут ли национальные государства быть демократическими, могут ли они работать демократическим путем на благо всех людей? [21]. Короткий ответ заключается в том, что они могут быть демократическими при определенных условиях, но не тогда, когда национальное государство продвигает концепцию общественного пространства с этническим доминированием. Формальные процессы, с помощью которых демократическая модель управления может быть обеспечена, реализована и воплощена в политику, могут быть справедливыми для всех граждан только тогда, когда гарантируется и поддерживается представительство интересов всех слоев общества, и те «значимые» слои общества, то есть большинство или титульные группы, должны разделить власть над решениями, затрагивающими всех людей на территории этого государства [22].

Именно поэтому, большинство государств, которые пытаются применять и защищать права меньшинств, особенно в Западной Европе, в настоящее время отходят от практики предоставления специальных прав эт-

ническим меньшинствам: особые права для меньшинств могут быть восприняты членами большинства данного государства как дискриминационная политика, которая дает меньшинствам больше возможностей и прав в сравнении с тем, что имеет большинство [23]. В то же время, возможности поддерживать культурное разнообразие обществ и в особенности этнокультурных сообществ в Европе можно и другим путем, который в равной мере может учитывать особенности и большинства, и меньшинства. Но об этом немного ниже.

Но почему происходит отход от предоставления особых прав меньшинствам в западных либеральных демократиях? Это происходит по той причине, что основной упор в государственной политике ставится не на равенство групп, а на равенстве людей [24]. Все без исключения люди считаются равными и равноправными гражданами в данном государстве; в рамках Европейского Союза – все граждане стран-членов ЕС являются равноправными гражданами, как раз равноправными гражданами ЕС во всех странах ЕС [25]. На примере любой из стран постсоветского пространства мы видим, что не только на практике, но и в принципе такой подход очень сложно обеспечить. Несмотря на то что все граждане страны равны, и все их права – языковые, культурные, экономические и политические – должны быть соблюдены в равной мере вне зависимости от идентичности конкретного человека, они должны быть в равной степени защищены законодательством. Если какой-то субъект не может использовать все обещанные ему права, то ему именно государство его гражданства обязано помочь. Европейские государства

в этом смысле намного более либерально-демократические, они помогают индивиду, личности, а не группам, достичь равенства в общественной сфере не только в отношении к тому, что уже доступно группе большинства, но и потенциально может стать недоступно группам, которые еще не облеклись в форму как меньшинства в государстве [26]. Итак, когда позитивная дискриминация осуществляется на уровне принадлежности к группе, тогда может появиться то, что мы часто видим и в Западной Европе, и в постсоветском пространстве, и во всем мире, а именно, - ответ большинства, который говорит, что меньшинству доступны больше прав, чем большинству той нации, которая должна быть первой и главной в национальном государстве [27]. Если способствовать равноправию между индивидуальными членами общества, то вопрос групповой принадлежности не ставится в политической плоскости, а задается как результат восприятия неравного подхода к ресурсам, обеспечиваемых государством всем тем, кого касаются политические решения: всех тех, в том числе неграждан – иммигрантов или меньшинств – не имеющих возможности участвовать в формальном политическом процессе (например, из-за отсутствия права голоса в случаях другого гражданства).

В такой ситуации важно, с моей точки зрения исследователя, занимающегося этнически-окрашенными конфликтами с позиции сравнительной политологии, подчеркнуть в глобальном масштабе, что подход государства к защите прав меньшинств, который сейчас мы наблюдаем в либеральных демократиях, тоже достаточно проблематичен [28]. Проблематичен он потому, что

государство на данный момент декларирует, что ему права меньшинств как групповые права не интересны и в соответствии с этим редуцируется и поддержка обучению языку в школах для меньшинств, и признание их культурных прав, как например, признание праздников меньшинств государственными праздниками или их официальный статус на всей территории страны. Или, например, из каких-то религиозных соображений все жители государства следовали бы практикам, которые не дискриминируют, уважают культурные и религиозные права меньшинств, как примеры с кошерной едой или едой халяль. Все это может привести к тому, что меньшинства в отдаленной перспективе ассимилируются в большинство государства в языковом, культурном и социально-экономическом плане, но не в результате группового поведения, а вследствие индивидуального выбора членами группы [29].

В завершении хотелось бы подчеркнуть, что то, что мы наблюдаем на постсоветском пространстве, все еще отражает подход раннего советского руководства, когда нациестроительство в первую очередь подразумевало под собой право наций на самоопределение [30]. В то время это означало право на территориальную единицу, в которой демографическое, этническое большинство могло само себя чувствовать хозяином в своём доме. Этот пример мы рассматриваем не только на постсоветском пространстве, но во всем мире, где был социалистический строй, в том же Вьетнаме или Мозамбике [31].

Но тот подход, который фактически работает в Западной Европе, когда меньшинства используют и наслаж-

даются равными правами, мы видим в результате более эффективным для предотвращения межгрупповых конфликтов, воспринимающихся как межэтнические конфликты. Это происходит потому, что государство в первую очередь исключает себя из спора о том, кому или каким группам предоставлено больше политического веса и экономических возможностей, или социального признания в рамках трудных и очень часто конфликтных, но по сути неэтнических социальных процессов, к примеру, на рынке труда или о правах использования земель и подлежащих ей ресурсов [32]. Как раз с этой точки зрения фокус на этническом аспекте конфликтов нам не помогает в их разрешении. Если мы видим конфликты между людьми как конфликты между группами или как между людьми, принадлежащими к различным этническим группам, тогда мы фактически репродуцируем эти конфликты в нашем анализе [33]. Но если мы рассматриваем конфликты между людьми как конфликты между людьми, даже если они принадлежат к разным этническим группам, которые пытаются достичь одного сравнимого образа или уровня жизни, тогда предотвращение и даже разрешение конфликта происходит намного более проще. Как раз в этом и заключается роль нас как учёных, исследующих этнические группы и разницу в их социокультурном и политическом статусе [34]. В этом же заключается обязанность государства и обязательство общества в целом – помочь разглядеть в этнических группах тех же людей, которые заинтересованы в сотрудничестве и поддержке друг друга в нашем случае – всего мультиэтнического общества [35]. А далее, заинте-

ресованность людей в сотрудничестве между, например, Казахстаном и соседними государствами – в трансграничном сотрудничестве с Китаем, Российской Федерацией и другими соседями.

В этом контексте, конечно, легитимен вопрос: не получится ли так, что в результате рассмотрения прав индивидов как фундаментальных мы перестанем учитывать групповые права этнических меньшинств? На поверхности это может быть и так. Обывателю может показаться, что сдвиг в сегодняшней политике – это ответ на неудавшуюся ранее политику мультикультурализма. Тем не менее, глубокий анализ показывает, что все права индивидуума, на которых настаивают либерально-демократические государства, все равно остаются правами групп. То есть, если мы подумаем о праве человека не быть дискриминируемым на рынке труда, если он не говорит на государственном языке, это конечно будет дискриминация индивидуума, которую государство пытается остановить, но дискриминация как раз происходит по критерию знания языка. Понятно, что язык существует не потому, что человек как индивид говорит на нем один, а поскольку язык – явление коллективное, обладание языком подразумевает существование группы носителей языка. Даже принимая решение не дискриминировать человека, который говорит на языке какого-то меньшинства, государство все равно показывает всему обществу, что дискриминация по языковому признаку касается представителей меньшинств, которые не говорят на государственном языке. А это значит, что всех людей, которые не говорят на государственном языке нельзя дискриминировать, к примеру, на рынке труда или в образовании, когда

они могли бы получать образование в национальной школе и в дальнейшем чувствовать себя полноценными членами всего сообщества.

Таким образом, то, что мы пытаемся анализировать с западной точки зрения в западных государствах, это политика государств, направленная на недискриминацию индивидуумов как частей каких-то коллективов, т.е. коллективность и групповость всегда остается частью нашего анализа [36]. Мы до сих пор исследуем последствия восприятия позиции человека как части группы на субъективные возможности этого человека: группа она всегда присутствует в наших исследованиях, даже если в политике государства групповость не присутствует. Она, конечно, присутствует в законодательстве и политических решениях, но не так ярко и заметно. В практическом плане то, что происходит на улице, в реальности – это совсем другое дело. Там все воспринимают людей, которые не говорят на государственном языке, как представителей меньшинства [37]. Люди воспринимают мусульман, которые носят в обществе знаки отличия своей религии тоже как представителей меньшинства, потому что большинство здесь не мусульманское. В этом отношении в практическом плане проблемы наших исследований всегда начинаются и рефлектируют то, что происходит в реальной жизни, на улице. Если появляются моменты, когда конфликты воспринимаются как межэтнические конфликты, тогда мы о них так и говорим, как о межэтнических конфликтах, вне зависимости от того, хочет ли государство упоминать этничность как принцип дискриминации или, реже, недискриминации.

В государстве, которое озабочено нациестроительством для большинства этого государства или той этнической группы, имя которой государство носит, и соответственно для меньшинств, основной проблемой, которую мы можем идентифицировать через т.н. западный подход - это неравенство граждан различных этнических групп национального государства. Из этого вытекает дополнительный вопрос – как себя ведет национальное государство, в котором этническое меньшинство находится? Здесь необходимо также отметить роль переписи населения в урегулировании этнических вопросов. Так, перепись населения всегда отражает глобальные политические намерения государства, и каждая страна решает для себя вопрос о данных идентичности, которые необходимы для формирования политики недискриминации. То есть даже если данные об этничности и языке не собираются в переписи населения, то данные о гражданстве первого, второго, третьего поколения все равно есть, также как и информация о родном языке, на котором люди разговаривают дома. Таким образом, информация о том, кто проживает на территории государства, может способствовать созданию политики, нацеленной на улучшение равноправия всех членов общества. И соответственно, корректировать цель государственностроительства: консолидировать в многоэтническом обществе восприятие межгрупповой иерархии, либо способствовать разглаживанию этих неравенств на уровне личностном.

Список использованной литературы:

1. Stefan Wolff, *Ethnic Conflict: A Global Perspective* (Oxford: Oxford University Press, 2006); Donald L. Horowitz, *Ethnic Groups in Conflict* [1985] (Berkeley London: University of California Press, 2000).

2. Leo A. Depres, *Ethnicity and Resource Competition in Plural Societies* (Paris: Mouton Publishers, 1975); Tim C. Wegenast and Matthias Basedau, 'Ethnic Fractionalization, Natural Resources and Armed Conflict', *Conflict Management and Peace Science* 31, no. 4 (1 September 2014): 432–57, <https://doi.org/10.1177/0738894213508692>.

3. K. Chandra, 'What Is Ethnic Identity and Does It Matter?', *Annu. Rev. Polit. Sci.* 9 (2006): 397–424.

4. Nazila and Alexandra Xanthaki Ghanea, *Minorities, Peoples and Self-Determination* (Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2005); Karen Knop, *Diversity and Self-Determination in International Law* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002); David Raic, *Statehood and the Law of Self-Determination* (The Hague: Kluwer Law International, 2002).

5. Kristin Henrard, 'The Interrelationship between Individual Human Rights, Minority Rights and the Right to Self-Determination and Its Importance for the Adequate Protection of Linguistic Minorities', *Ethnopolitics* 1, no. 1 (2001): 41–61; Mária M. Kovács, 'Standards of Self-Determination and Standards of Minority-Rights in the Post-Communist Era: A Historical Perspective', *Nations and Nationalism* 9, no. 3 (1 July 2003): 433–50, <https://doi.org/10.1111/1469-8219.00105>; Ilan Peleg, *Democratizing the Hegemonic State. Political Transformation in the Age of Identity* (Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2007).

6. Lars-Erik Cederman and Julian Wucherpennig, 'Inequalities Between Ethnic Groups, Conflict, and Political Organizations', *Ethnopolitics* 16, no. 1 (1 January 2017): 21–27, <https://doi.org/10.1080/17449057.2016.1235342>; Steve Fenton, 'Beyond Ethnicity: The Global Comparative Analysis of Ethnic Conflict', *International Journal of Comparative Sociology* 45, no. 3–4 (7 January 2004): 179–94, <https://doi.org/10.1177/0020715204049592>.

7. Barbara F. Walter, 'The Extremist's Advantage in Civil Wars', *International Security* 42, no. 2 (1 November 2017): 7–39, https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00292; Monica Duffy Toft, 'Getting Religion? The Puzzling Case of Islam and Civil War', *International Security* 31, no. 4 (1 April 2007): 97–131, <https://doi.org/10.1162/isec.2007.31.4.97>.

8. Jennifer Todd, 'Northern Ireland: From Multiphased Conflict to Multilevelled Settlement', *Nationalism and Ethnic Politics* 15, no. 3–4 (2009): 336–54, <https://doi.org/10.1080/13537110903346643>.

9. Ted Robert Gurr, *Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflict* (Washington D.C.: United States Institute of Peace, 1994); Lars-Erik Cederman, Andreas Wimmer, and Brian Min, 'Why Do Ethnic Groups Rebel? New Data and Analysis', *World Politics* 62, no. 01 (2010): 87–119.

10. Andreas Wimmer, *Nationalist Exclusion and Ethnic Conflict. Shadows of Modernity* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002); Stathis N. Kalyvas and Laia Balcells, 'International System and Technologies of Rebellion: How the End of the Cold War Shaped Internal Conflict', *American Political Science Review* 104, no. 3 (August 2010): 415–29, <https://doi.org/10.1017/S0003055410000286>.

11. Rico Isaacs and Abel Polese, *Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space: New Tools and Approaches* (Routledge, 2016); Pal Kolstø, *Political Construction Sites: Nation-Building in Russia and the Post-Soviet States* (Boulder, Colorado: Westview Press, 2000).

12. Harris Mylonas, *The Politics of Nation-Building: Making Co-Nationals, Refugees, and Minorities* (Cambridge University Press, 2013); Yves-Marie Davenel and Eusnil Yim, 'Minority Assimilation and Nation-Building in Kazakhstan', in *Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space* (Routledge, 2016), 46–64.

13. V. Gel'man, 'Regime Changes despite Legitimacy Crises: Exit, Voice, and Loyalty in Post-Communist Russia', *Journal of Eurasian Studies* 1, no. 1 (2010): 54–63.

14. Guido Schwellnus, 'Reasons for Constitutionalization: Non-Discrimination, Minority Rights and Social Rights in the

Convention on the EU Charter of Fundamental Rights', *Journal of European Public Policy* 13, no. 8 (2006): 1265–83; Nadya Nedelsky, 'Constitutional Nationalism's Implications for Minority Rights and Democratization: The Case of Slovakia', *Ethnic and Racial Studies* 26, no. 1 (2003): 102–28; Ephraim Nimni, 'Nations, Territorial Minorities, Democratic Theory and National Self-Determination', *Minority Self-Government in Europe and the Middle East*, 29 June 2019, 32–61, https://doi.org/10.1163/9789004405455_003.

15. Hans Agné, 'A Dogma of Democratic Theory and Globalization: Why Politics Need Not Include Everyone It Affect', *European Journal of International Relations* 12, no. 3 (2006): 433–58; Dimitry Kochenov and Eline De Ridder, 'Democratic Conditionality in Eastern Enlargement: Ambitious Window Dressing', *European Foreign Affairs Review* 16, no. 5 (2011): 589–605.

16. Max Bergholz, *Violence as a Generative Force: Identity, Nationalism, and Memory in a Balkan Community*, *Violence as a Generative Force* (Cornell University Press, 2016), <https://doi.org/10.7591/9781501705885>; Matthew Isaacs, 'Sacred Violence or Strategic Faith? Disentangling the Relationship between Religion and Violence in Armed Conflict', *Journal of Peace Research* 53, no. 2 (1 March 2016): 211–25, <https://doi.org/10.1177/0022343315626771>.

17. Alan Patten, *Equal Recognition: The Moral Foundations of Minority Rights* (Princeton University Press, 2014).

18. Andreas Wimmer, *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks* (Oxford: Oxford University Press, 2013).

19. David D. Laitin, *Nations, States, and Violence* (New York: Oxford University Press, 2007); Ashutosh Varshney, 'Ethnic Conflict and Civil Society: India and Beyond', *World Politics* 53, no. 3 (2001): 362–98.

20. Christian W. Haerpfer, *Democracy and Enlargement in Post-Communist Europe: The Democratisation of the General Public in 15 Central and Eastern European Countries, 1991-1998* (Routledge, 2002); A. Neundorff, 'Democracy in Transition: A Micro Perspective on System Change in Post-Socialist Societies', *The Journal of Politics* 72, no. 04 (2010): 1096–1108; Juan J. Linz and Alfred Stepan, *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern*

Europe, South America, and Post-Communist Europe (Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press, 1996).

21. Alfred Stepan, 'When Democracy and the Nation-State Are Competing Logics: Reflections on Estonia', *European Journal of Sociology* 35 (1994): 127–41; Roland Axtmann, *Liberal Democracy into the Twenty-First Century: Globalization, Integration and the Nation-State* (Manchester University Press, 1996).

22. Robert A. Dahl, 'A Democratic Dilemma: System Effectiveness versus Citizen Participation', *Political Science Quarterly* 109, no. 1 (1994): 23–34; Pascal Lupien, 'Participatory Democracy and Ethnic Minorities: Opening Inclusive New Spaces or Reproducing Inequalities?', *Democratization* 25, no. 7 (3 October 2018): 1251–69, <https://doi.org/10.1080/13510347.2018.1461841>; Kristin Henrard, 'Participation, Representation and Autonomy in the Lund Recommendations and Their Reflections in the Supervision of the FCNM and Several Human Rights Conventions', *Int'l J. on Minority & Group Rts.* 12 (2005): 133.

23. F. De Varennes, 'Equality and Non-Discrimination: Fundamental Principles of Minority Language Rights', *International Journal on Minority and Group Rights* 6, no. 3 (1999): 307–18; unlike, Terry Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939* (Ithaca: Cornell University Press, 2001).

24. Timofey Agarin and Malte Brosig, eds., *Minority Integration in Central Eastern Europe. Between Ethnic Diversity and Equality* (Amsterdam, New York: Rodopi, 2009); Alberto Alesina, Reza Baqir, and William Easterly, 'Public Goods and Ethnic Divisions', *The Quarterly Journal of Economics* 114, no. 4 (1 November 1999): 1243–84, <https://doi.org/10.1162/003355399556269>; Nancy Fraser and Axel Honneth, *Redistribution or Recognition?: A Political-Philosophical Exchange* (London: Verso Books, 2003).

25. Juan M. Delgado-Moreira, *Multicultural Citizenship of the European Union* (London: Ashgate, 2000); Kalypso Nicolaidis, *Democratic Theory and Europe's Institutional Architecture in Times of Crisis*, 2015, <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198716273.003.0007>.

26. European Commission, 'Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 Establishing a General Framework for Equal Treatment in Employment and Occupation', 2000, <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32000L0078:en:HTML>; European Commission, 'Council Directive 2000/43/EC of 29 June 2000 Implementing the Principle of Equal Treatment between Persons Irrespective of Racial or Ethnic Origin', 2000, <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32000L0043:en:HTML>.

27. 'The (Not So) Surprising Longevity of Identity Politics: Contemporary Challenges of the State-Society Compact in Central Eastern Europe', Routledge & CRC Press, accessed 9 October 2022, <https://www.routledge.com/The-Not-So-Surprising-Longevity-of-Identity-Politics-Contemporary-Challenges/Agarin/p/book/9781032222622>; Timofey Agarin, 'The (Not so) Surprising Longevity of Identity Politics: Contemporary Challenges of the State-Society Compact in Central Eastern Europe', *East European Politics* 36, no. 2 (2020): 147–66, <https://doi.org/10.1080/21599165.2020.1714598>.

28. Timofey Agarin, 'The Limits of Inclusion: Representation of Minority and Non-Dominant Communities in Consociational and Liberal Democracies', *International Political Science Review* 41, no. 1 (2020): 15–29, <https://doi.org/10.1177/0192512119881801>.

29. Timofey Agarin and Ada-Charlotte Regelman, 'Status Quo Multiculturalism: The Crux of Minority Policies in Central Eastern Europe's EU Member-States', *Journal of Minority Studies* 5, no. 3 (2011): 69–98.

30. Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*; Francine Hirsch, *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge & the Making of the Soviet Union* (Ithaca, New York: Cornell University Press, 2005); Yuri Slezkine, 'The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism', *Slavic Review* 53, no. 2 (1994): 414–52.

31. John F. McCauley, *The Logic of Ethnic and Religious Conflict in Africa* (Cambridge University Press, 2017).

32. Michael Banton, *Racial and Ethnic Competition* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983); Walter A. Kemp, 'Best Interests: Reconciling Competing Claims in Multi-Ethnic States', *Helsinki Monitor* 13, no. 1 (2002): 52–61.

33. Rogers Brubaker, 'Ethnicity, Race, and Nationalism', *Annual Review of Sociology* 35 (2009): 21–42.

34. K. Chandra and S. Wilkinson, 'Measuring the Effect Of "Ethnicity"', *Comparative Political Studies* 41, no. 4/5 (2008): 515; John F. McCauley, 'Disaggregating Identities to Study Ethnic Conflict', *Ethnopolitics* 16, no. 1 (1 January 2017): 12–20, <https://doi.org/10.1080/17449057.2016.1235348>; Reyko Huang, 'Religious Instrumentalism in Violent Conflict', *Ethnopolitics* 19, no. 2 (14 March 2020): 150–61, <https://doi.org/10.1080/17449057.2019.1676525>.

35. Sigrun Skogly, *Beyond National Borders: States' Human Rights Obligations in International Cooperation* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006); Patrick Thornberry, *International Law and the Rights of Minorities*, vol. 41 (Oxford: Clarendon Press, 1991).

36. Virginie Guiraudon, 'Equality in the Making: Implementing European Non-Discrimination Law', *Citizenship Studies* 13, no. 5 (1 October 2009): 527–49, <https://doi.org/10.1080/13621020903174696>; Alexander Osipov, 'Soviet Parity of Nations or Western Non-Discrimination', in *Institutional Legacies of Communism: Change and Continuities in Minority Protection*, ed. Timofey Agarin, Karl Cordell, and Osipov, Alexander (London, New York: Routledge, 2013), 59–73.

37. Rogers Brubaker, *Ethnicity without Groups* (London: Harvard University Press, 2004).

**ҚАЗАҚСТАНДА ЭТНОСАРАЛЫҚ
ҚАРЫМ-ҚАТЫНАС САЛАСЫНЫҢ ДАМУЫНЫҢ
НЕГІЗГІ МӘСЕЛЕЛЕРІ
(ҚР ҒЖБМ ҒК ФСДИ ЗЕРТТЕУЛЕРІ НЕГІЗІНДЕ)¹**

*Айтымбетов Нүркен Ысқақұлы
Беркинбай Ибрахым Ордабекұлы*

XIX-XX ғғ. Еуропа елдерінде саяси ұлттардың қалыптасуы белсенді түрде өте жылдамдықпен іске асты. Бұл үрдістің сол кезеңде өте шапшаң жүруі алдыңғы қатарлы бірқатар елдердің капитализм дәуіріне аяқ басуымен басталған жер асты және үсті байлықтарды бөлісу арасындағы бәсекелестік, жаңа жерлерді игеру мен артта қалған елдерді отарлаумен тығыз байланысты қарастырған жөн. Ұлттардың пайда болуының келесі бір өте ауқымды кезеңі отарлық зорлық-зомбылыққа қарсы күрес, азаттық пен еркіндікке ұмтылу. Бір сөзбен айтқанда артта қалған әлеуметтік-экономикалық жағдайы төмен елдердің отарлық езгіден ұлт ретінде жер бетінен жойылып кетудің алдын алуға қарсы, өзін-өзі сақтап қалу жолындағы күрес. Ұлттардың жойылуына алып баратын қауіп-қатерлерді жоюға қарсы – этностар мен олардың мүшелерінің ортақ жауына деген күресі олардың басын біріктіріп біріккен қауымдастыққа айналуына жол ашты. Оған мысал Африка және Азия елдерінде 1950-1960

¹ Мақала ҚР ҒЖБМ гранттық қаржыландыру шеңберінде орындалды, ЖТН №AP09259790

жылдары отарлықтың ыдырауы мен халықтардың өз бостандығына қол жеткізуі жаңадан ұлттар мен ұлттық мемлекеттердің іргетасының қалануына жол ашты.

Ал посткеңестік кеңістіктегі бұрынғы одақтас елдердің өздерінің тәуелсіздігіне қол жеткізуі, ұлттық мемлекетін құруы мен ұлттық бірегейлігін қалыптастыруына жол ашты. Қазіргі таңда Кеңестер одағын ресейлік империяның отаршылдық саясатының жалғасы деген көзқарастар басым. Дегенмен де қаншалықты кеңестер одағында буржуазиялық үстемдікке қарсы, қарапайым бұқара халықтың теңдігі мен құқы дәріптелгенмен, құрамындағы одақтас елдердің еркіндігі мен бостандығы шектелгендігі тарихта ақиқат. Сонымен Кеңес одағы құлағаннан кейін оның құрамындағы он бес одақтас елдер өздерінің армандаған тәуелсіздіктеріне қол жеткізді. Олар ең алдымен кеңестік тарихтың көлеңкесінде ұмыт қалған өздерінің ұлттық төл тарихын қайта жаңғырту, ұлттық болмысы мен бірегейлігін қайта құруға бет бұрды.

Социалистік жүйенің қираған уақытынан кейін бұрын қалыптасқан екі полярлы әлемнің орнына жаңадан бір полярлы әлем орнықты. Осы тұста батыс елдерінде қалыптасқан құндылықтар жүйесімен әлем мемлекеттері, әсіресе посткеңестік елдер тікелей бетпе-бет келді. Соған орай посткеңестік елдерде қоғамның бұрыннан қалыптасқан құндылықтар жүйесі қайта қаралып, азаматтардың саяси санасы күрделі және түбегейлі өзгеріске ұшырады. Ең алдымен посткеңестік елдердің алдынан басқаға ұқсамайтын өзіндік ерекшелігі бар ұлттық бірегейліктің қайта қалыптасу үрдісін жан-

дандыру мәселесі өте күрделі қарама-қайышылықтарға тап болды. Атап айтқанда жаңадан ғана құрылып жатқан ұлттық мемлекеттердің сын көтермейтін әлеуметтік-экономикалық жағдайының төмендігі бірінші кезекте тұрғандығын ешкім жоққа шығара алмайды.

Алайда жиырмасыншы ғасырдың тоқсаныншы жылдарында орын алған әлеуметтік-экономикалық саладағы өзгерістер нарықтық экономиканы құруға негіз болды, қоғамның әлеуметтік құрылымын тереңдете түсті, сондай-ақ саяси плюралды қоғамның қалыптасуына жол ашты. Посткеңестік елдер әлемдік демократиялық жүйе мен ішкі қоғамындағы әлеуметтік-экономикалық саланың мүддесінен шыға отырып саяси-экономикалық реформалар жүргізуге алғашқы қадамдар жасауға тырысты. Дегенмен бұрынғы саяси жүйе ыдырап, аталмыш елдерде жаңа қоғамдық қарым-қатынастар дүниеге келді.

Посткеңестік елдердің бірі саналатын Қазақстан Республикасы тәуелсіздік жылдары іргесі қаланған этносаралық келісімнің тиімді қазақстандық моделінің қалыптасуы – нақты этносаралық интеграция, ҚР азаматтарының конституциялық құқықтары мен міндеттерін жүзеге асыру мақсатындағы тиімді этносаясат, этносаралық қақтығыстарға жол бермеу, заңнамалық тұрғыда барлық азаматтардың нәсіліне, этностық немесе діни ерекшелігіне қарамастан оларды қорғаумен ғана шектелмей, еркін барық этностық топтардың өзара келісімі кезінде мүмкін екендігін дәлелдеп берді. Осы сияқты заңдардың үлгілері басым шетелдердің көпшілігінде Конституциясында бекітілгенімен тәжірибе

жүзінде көп жағдайда орындала бермейді. Заңнамада бекітілген мемлекеттің саяси еркі халықтың еркімен өзара біріккен этносаралық келісім мен татулықтың қазақстандық моделін көрсетеді [1, б. 78].

Қазақстанның ұлттық саясатының басым бағыты ретінде елімізде әртүрлі ұлт өкілдерінің басын қосып, біртұтас ұлт құру екенін айтуға болады. Бұл тұрғыда, Қазақстанның полиэтносты құрамының ерекшеліктерін ескере отырып, мемлекет басшысы халықтың барлығын бірдей күшпен бір тілге, бір идеологияға біріктіру арқылы оларды ассимиляциялау одақтас елдердің тарихи тәжірибесі көрсеткендей болашағы жоқтығын тәуелсіздіктің бастапқы кезінен байқалды. Сондықтан, бірегейліктің этностық түрі туралы қазақстандық қоғамда нақты іс-қимылдарға көшу ерте екендігін көрсетті. Керісінше, қоғамда азаматтық бірегейлікті дамыту қолдау қажеттігін туындатты. Ал, сонымен қатар бір мезгілде басқа ұлттарға қысым көрсетпей демократиялық мемлекет үлгісінде ассимиляциялау эволюциялық жолмен жүргізілгендігін қалады.

Ұлттық мемлекеттердің құрылуы үрдісінде табысты іске асуы мен ұлттық бірегейліктің қалыптасуына әлеуметтік-экономикалық факторлардың айтарлықтай ықпалы бар екендігі анық. Әсіресе, көпэтносты күрделі қоғамдарды бір орталыққа топтастыру бәріне бірдей ортақ мемлекеттің әлеуметтік саясаты негізінде іске асады. Егер этностық қауымдастықтар арасына әлеуметтік теңсіздік пайда болған жағдайда қоғамда ортақ бірегейлік пен бірлік қалыптастыру мүмкін емес. Ол міндетті түрде олардың арасында түрлі әлеуметтік және

этносаралық қарама-қайшылықтар, наразылықтар мен қақтығыстарға жол ашатыны анық. Оған мысал соңғы жылдары еліміздің түрлі өңірлерінде, атап айтқанда Жамбыл облысы Бурыл (2016 ж.), Масанчи (2020 ж.) ауылдарында қазақтар мен түріктер, дүнгендер, одан ертеректе Қарағанды (2018 ж.) қаласында болған қазақтар мен армяндар арасындағы қақтығыс этносаралық наразылықтарға түрткі болатын себептер бар екендігін көрсетті.

Елімізде этносаралық саланы зерттеп, этностардың әлеуметтік жай-күйін бақылауда ұстап және наразылықтардың алдын алу үшін елімізде түрлі ғылыми зерттеу институттары мен орталықтары жұмыс жасайды, соның ішінде ҚР ҚХА жанындағы Қолданбалы этносаяси зерттеулер институты, ҚР ҒЖБМ Философия, саясаттану және дінтану институты Саяси зерттеулер орталығы. ҚР ҒЖБМ Философия, саясаттану және дінтану институтында «Мониторинг Қазақстан Республикасындағы этноәлеуметтік үрдістердің динамикасын зерттеу мен болжаудың әдісі ретінде» (2021-2023 жж.) ғылыми зерттеу жобасы іске асырылады. Аталмыш зерттеу жобасы шеңберінде тұрақты түрде Қазақстанда өмір сүретін этностардың тұрмыс-тіршілігі мен көңіл-күйіне мониторинг жасап, этносаралық салада орын алуы мүмкін қауіп-қатерлерді алдына ала анықтап, тиісті органдарға ұсыныстар беріліп келеді.

Осы мақсатта еліміздің оңтүстік өңірлерінде, атап айтқанда Оңтүстік Қазақстан, Жамбыл облысы, Алматы облысы және Түркістан қаласында мекен ететін түрлі этнос өкілдері мен шетелден көшіп келген

қандастарымыздан сұрақ-жауап, интервью түрінде сауалнамалар алынып тұрады. 2021-2022 жылдары Алматы облысында орналасқан Шелек, Есік, Ұзынағаш, Қаскелең, Жаркент, Талғар елді-мекендерінде далалық зерттеулер ұйымдастырылды. Далалық зерттеу нәтижесі көрсеткендей елімізде соңғы жылдары этносаралық қарым-қатынас саласын тұрақты деп бағалауға болады. Дегенмен де еліміз тұрғындарын алаңдататын мәселер жоқ емес екендігін көрсетті.

Респонденттердің берген жауаптарын талдау нәтижесінде этносаралық саладағы шиеленістің бірқатар белгілерін бөліп көрсетуге мүмкіндік алдық. Оларды жіктеп көрсетер болсақ, мыналар:

- әлеуметтік-экономикалық мәселелер;
- тіл мәселесі;
- этникалық оралмандар мен ішкі мигранттардың бейімделу мәселелері;
- елдегі этностардың қалыптасуы.

Көпэтносты Қазақстан қоғамының шиеленісуіне ықпал еткен негізгі фактордың бірі әлемде орын алған пандемия аясында экономиканың дағдарысты жағдайына байланысты қазақстандықтардың күрделі қаржылық-экономикалық әл-ахуалы болып табылады. Тұтыну бағасының күрт өсуіне байланысты тұрғындар арасында кедейлер саны жылдан-жылға артып келеді. Халықтың табысының шығындары негізінен күнделікті тұрмыстық тауарларды, коммуналды қызметтерді сатып алу кетеді. Сонымен қатар жұмыспен қамту, жұмыссыздық және инфляция проблемалары да белгілі бір деңгейде наразылық деңгейінің артуына ықпал етіп отыр.

Жоғарыда айтылғандай ескере отырып қоғамның әлеуметтік жағдайы этностық топтар арасындағы топтасу мен бірігуге ерекше ықпал ететіндігін ескерген жөн. Егер қоғамда әлеуметтік жағдай тұрақты немесе өте жағымды деңгейде сақталынып тұрған болса, онда қоғам ішінде әр түрлі топтарды топтастыруға және ортақ бірегейлікті қалыптастыруға бағытталған қадамдар мен іс-шаралар әрдайым қолдауға ие болады. Ал қоғам ішіндегі әлеуметтік жағдай көңіл толарлықтай күйде болмаған жағдайда кез-келген ұсыныстар мен бастамалар әрқашан қарама-қарсылықтарға тап болады немесе жаппай қолдауға ие бола алмайтыны анық. Сондықтан этностық топтарды табысты әлеуметтік негізде бір орталыққа жұмылдыру тек тұрақты экономикалық өсімнің көрсеткіші артқан кезде ғана мүмкін болмақ.

Ұлттық экономика қазіргі таңда ұлттық және әлеуметтік саясатпен өте тығыз байланысты. Қазіргі әлемде ғаламдық экономикалық дағдарыстың тереңдеп орын алуына байланысты әлеуметтік-экономикалық саясат саласындағы негізгі бағыттардың нақтылығын жоғалтуының кең таралуы себепті мемлекеттер сыртқы саяси, мәдени-тарихи, этносаяси қырларды есепке алуға мәжбүр болып отыр. Осыған орай егемендік идеясы мен мемлекетті топтастыруды жүзеге асыру тек табысты әлеуметтік-экономикалық саясат арқылы ғана іс жүзіне аспақ. Әсіресе жаһандық экономикалық дағдарыс кезінде жағдайды тұрақтандыратын мемлекеттің тиімді әлеуметтік саясаты мен халықтың әл-ауқаты шешуші факторға айналады [2, б. 47].

Алайда қоғамның барлық маңызды саласын жан-жақты қамтыған жаһандану үрдістері топтасу мен ин-

тернационализация, мәдени және тілдік мәселелерді, кеңістік және басқа шекараларды барынша әлсіретіп, ұлттық бірегейлік мәселесін күрделіндіріп отыр. Бір жағынан бұл жағдай еңбек және капитал қозғалысын, сондай-ақ, жаңа нарықтың дамуына еркін жол ашып берді [3]. Екінші жағынан күнтәртібіне экономикада ғана емес, сонымен қатар саясатта, құқық пен әлеуметтік қарым-қатынастарда ойын ережесін анықтау мәселесі алға шықты. Әрбір ұлт өзінің жеке болмысын сақтауға ұмтыла отырып, әлеуетте өзінің басым ұстанымын сақтауға мақсат қояды. Оның салдары сыртқы экономикалық табыста қарама-қайшылықтарды қиындататыны сөзсіз. Осыған байланысты жаһандану мен тұратылық мәселесін өзара бір-бірімен байланыстыра қараған өте ұтымды және тәжірибелік жағынан тиімді болып табылатыны даусыз [4, б. 282].

Адамдар еңбек ету үшін ірі мемлекеттің ішінде дамыған қалаларға ағылуы қазіргі таңда қала өмірінде өзімен бірге күрделі проблемаларды туындатып отыр. Әсіресе, бұл көші-қон үрдісі әлемнің ең ірі дамыған қалаларында ең маңызды бірінші кезектегі шешуін таппай отырған мәселеге айналып отыр десек қателеспейміз. Сондай-ақ, бір мемлекеттің азаматтары жұмыс іздеп көрші елдерге ағылуы үрдісі де өз кезегінде заңсыз еңбек күшінің артуына алып келді. Ол өз кезегінде заңсыз жұмысшылардың сапасыз әрі арзан қызмет түрін ұсынуына жол ашады. Қосымша еңбек ресурстарының артуы экономикалық өсімнің мүмкіндіктерінің толық қолданбағандығының белгісі. Еңбекпен қамтудың өсуі қоғамның өнімінің артуына сөзсіз алып келетін үрдіс.

Шын мәнінде мемлекет тарапынан этносаралық қарым-қатынас саласын жақсарту, этностар арасындағы келісім мен татулықты күшейту, бірлік пен ынтымақтастықты нығайтуға байланысты ұлттық саясаттың қарқынды жүргізілуіне қарамастан, елде кей жағдайда наразылықтар мен келіспеушіліктер көрініп қалады. Әсіресе, тәуелсіздік алған жылдары үздіксіз бұқаралық ақпарат құралдары мен қоғам өкілдері назарынан қазақ тілінің елдегі шынайы көңіл толмайтын дәрежеде қалуы, оралмандардың елдегі әлеуметтік-экономикалық жағдайы, елдегі шетел компанияларында жұмыс істейтін жергілікті қазақтардың құқығының шектелуі түскен емес. Сонымен бірге түрлі этностар бірігіп мекен ететін кейбір жергілікті жерлерде тұрмыстық қақтығыстардың орын алуы, соңынан ұлтаралық жанжалға ұласып кету жағдауы жиі орын алып отыратындығын айту керек. Осы айтылғандарға дәлел болатын оқиғалар жалпы Қазақстан деңгейінде алып қарасақ жетіп жатыр.

Қорыта келе жоғарыда айтылғандарды ескере отырып, Қазақстандағы этносаралық қарым-қатынас саласында ұлттық саясатты әлі де болса да жетілдіру керек деп санаймыз. Қазіргі кезде қазақстандық қоғам тарихи және ұлттық сананың қайта жаңғыруына байланысты терең өзгерістер бастан кешуде. Еліміз үшін бүгінгі күні ең маңызды тақырып болып отырған саяси тұрақтылық мәселесі, мемлекет басқару органдары бар күш-жігерін «Қазақстан-2050» Стратегиясында көрсетілген азаматтық бейбітшілік пен ұлтаралық татулықты сақтауға аянбай қызмет етуде. Оның себебі көрші бұрынғы посткеңестік

елдерде орын алып отырған оқиғалар біздің ел үшін көрнекті мысал бола алады.

Қазақстанның кебір өңірлерінде уақыт санап көрініс беріп отыратын этносаралық негізде пайда болатын қақтығыстар басқару органдары үшін күрделі мәселе болып табылады. Өйткені этносаралық кикілжіңдер қай жерде пайда болатынын алдын ала нақты айту қиын. Сонымен қатар наразылықтардың себептері әр кезде әр түрлі болып келеді. Тиісті мемлекеттік басқару органдарына дер кезінде тиісті шараларды қолдану көп жағдайда қиындық туғызады. Сондықтан қазіргі танымал қазақстандық этносаралық қарым-қатынас моделі уақыттың талабына орай жаңа қауіп-қатерлермен бетпе-бет келген жағдайда ешқандай қиындықтарға ұшырамайтындай болу керек. Мұндай жағдайда билік органдары этностық қауымдастықтармен өзара әрекет кезінде тиімді жолдарды тауып, этносаясатты жетілдіріп отыруға көңіл бөлу қажет.

Келесі бір маңызды жайт этносаралық салада кенеттен проблемалар туындаған кезде оны оңтайлы шешуде қақтығыстар туралы арнайы органдардың кәсіби тәжірибесі мен білімінің жетіспеушілігінен көп жағдайда қателікке бой алдыратын асығыс шешімдер қабылданып жатады. Бұл жағдайда қоғамдық-саяси салада орын алатын оқиғаларға баға берместен бұрын оны терең зерттеп алу қажет. Сонда ғана этностық саладағы оқиғалар туралы нақты мәлімет алынып, қақтығысты болдырмауға бағытталған тиісті шаралар қолдануға негіз бола алады.

Қазақстанда азаматтық пен құқық теңдігіне негізделген ұлттық саясатты жүргізуде басты рөл мемле-

кетке тиесілі. Мемлекеттің ұстанымы бәріне ортақ құндылықтарды насихаттайтын азаматтық қоғамды құру. Ал этностық элиталар қоғамға ұлтты қалыптастырудың этностық нұсқасын ұсынып келеді. Яғни, қазақстандық қоғамда ұлтты анықтауда азаматтық және этностық парадигмалар арасындағы қарама-қайшылық елдің ұлттық саясатында ұзақ уақыттар бойы өзінің өзектілігін жоғалтпайтыны бегілі болып отыр [5]. Сондықтан елде өмір сүретін басым көпшілік этносты құрайтын қазақ халқының мүддесінен шыға отырып, осы мәселені тиімді шешу керек. Азаматтық ұлт моделі титулды ұлт саналатын қазақ халқы тарапынан ешқашан қолдауға ие болмайды. Бұл біздің қоғам үшін тиімді нәтиже бермейтін ұлттық саясат. Сондықтан ұлттық саясаттың осы сияқты халықтың жаппай қолдауына ие болмаған сұрақтарды қайта қарап, оны жетілдіру керек деп ойлаймын.

Алайда қазіргі уақытта жалпы республикадағы жүргізіліп отырған ұлттық саясат халықты басым бөлігінің қолдауына ие болып отыр. Елдегі этносаралық қарым-қатынас саласында наразылықтарға алып баратын мәселелер көп жағдайда этностар арасындағы қарым-қатынастармен байланысты бола бермейді. Мәселен, көптеген қоғамдағы наразылықтардың пайда болуы жиі әлеуметтік-экономикалық сипатты иеленеді: жалақының төменгі деңгейі, тауарлар мен қызметтердің, азық-түліктің қымбатшылығы, экологияның нашарлығы, елдегі жемқорлықтың жоғарғы деңгейі және т.б. Осы сияқты мәселелердің шешілуі елдегі көптеген наразылықтардың алдын алып, қоғамдағы қарым-қатынасты жақсартатын шара ретінде айтуға болады.

Қазақстан тәуелсіз ел ретінде дамуы тарихында этно-саралық қарым-қатынас саласында қысқа уақыттың ішінде өзінің этносаясат саласындағы таңдаған жолы мен саясатының дұрыстығымен күллі әлемге танылып үлгерді. Осы аз уақыт ішінде кейбір салалардың, әсіресе қазақстандық қоғамдағы демократияның дамуы мен әлеуметтік-саяси саладағы кейбір кемшіліктер уақыт өте келе түзеледі деген сенімдеміз. Ең бастысы елдегі тыныштық пен тұрақтылықтың сақталуы, әр түрлі деңгейдегі қақтығыстардың орын алмауы маңызды болып табылады. Ол үшін азаматтардың мемлекеттің болашағына сенуі, өздерін осы елдің болашағымен байланыстыра қарауы мен патриоттық сезімнің әрқашан мығым болуы керек.

Әлемдік экономикалық дағдарыстың күшейіп тұрған кезінде мемлекет тарапынан азаматтардың әлеуметтік-экономикалық жағдайын жақсартуға бағытталған іс-шаралар мен реформалардың жасалуы өте тиімді саясат болып табылады. Мұндай мемлекет тарапынан шыққан қамқорлықтар мен қолдаулар халықтың арасында татулық пен ынтымақты нығайта түсетіні сөзсіз. Сондықтан ұлттық саясат саласында Қазақстан өзінің таңдаған моделін дамытып, уақыт талабына сәйкес үнемі жетілдіріп отыруы қажет деп санаймын. Елді өмір сүретін түрлі этнос өкілдері бір шаңырақ астында топтастыруға бағытталған саясат әрдайым қоғам ішінде қолдауға ие болып отыру қажет. Сонда ғана елде қалыптасқан тұтастық пен бірлік өз нәтижесін беріп, саяси-экономикалық жағдайдың тұрақты дамып отыруына мүмкіндік жасалады.

Қолданылған әдебиеттер тізімі:

1. Кобеева А.О. Опыт структурных подразделений Ассамблеи народа Казахстана в развитии казахстанской модели межэтнического единства и согласия // Вопросы методологии казахстанской модели межэтнического единства и согласия. Мат-лы III городской науч.-практ. конф. Научно-экспертной группы АНК г. Алматы (10 декабря 2014 г., Дом Дружбы). Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2015. 141 с.

2. Садовая Е.С. Социально-экономические фактор этнополитической конфликтности. Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 41-53.

3. Каткова М.А. Влияние глобализации на развитие институциональной структуры рынка информационных технологий: дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2006. 176 с.

4. Каткова М.А. Социально-экономические факторы формирования национальной идентичности в условиях глобализации. Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16, вып. 3. С 281-287.

5. Абишева М.А. Казахстанская модель межэтнического согласия. Казахстанский опыт межэтнического и межконфессионального согласия: предложения для ОБСЕ: материалы международной науч-но-практической конференции (г. Алматы, 25 февраля 2009 г.) / Отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. 160 с.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КАЗАХСТАНСКИХ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ¹

*Александр Николаевич Алексеенко
Жанна Сакеновна Аубакирова*

Последнее десятилетие XX века стало временем не только политических, но и этнодемографических потрясений на постсоветском пространстве. Более остро проблема обозначилась в государствах, полиэтническая структура которых сформировалась еще в середине двадцатого столетия. К таковым относятся страны Центральной Азии, в первую очередь Казахстан (таблица 1). Особенностью Казахстана являлась этнически дифференцированная система расселения, экономической деятельности, демографических показателей. Поэтому быстрое изменение этнического состава привело к новым вариантам демографического развития республики.

¹ Статья выполнена в рамках реализации грантового научного проекта «Региональные особенности репродуктивного поведения городских казашек» (AP09260600), финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Таблица 1. Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., тыс. человек

	1959		1970		1979		1989	
	Чис-ть	%	Чис-ть	%	Чис-ть	%	Чис-ть	%
Все население	9294.7	100	13008.9	100	14684.3	100	16464.5	100
городское	3780.5	100	6077.8	100	7320.6	100	8751.1	100
сельское	5514.2	100	6931.1	100	7363.7	100	7713.4	100
казахи	2787.3	30.0	4234.2	32.5	5289.3	36.0	6534.6	39.7
городское	641.8	17.0	1048.6	17.2	1495.9	20.4	2331.4	26.6
сельское	2145.5	38.9	3185.6	46.0	3793.4	51.5	4203.2	54.5
русские	3942.0	42.7	5522.3	42.4	5991.2	40.8	6227.5	37.8
городское	2190.9	57.9	3624.7	59.6	4222.6	57.7	4613.1	52.7
сельское	1781.1	32.3	1897.6	27.4	1768.6	24.0	1614.4	20.9
другие этносы	2535.4	27.3	3252.4	25.0	3403.8	23.2	3702.4	22.5
городское	947.8	25.1	1404.5	23.1	1602.1	21.9	1806.6	20.6
сельское	1587.6	28.8	1847.9	26.7	1801.7	24.5	1895.8	24.6

Источник: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата. Республиканский информационно-издательский центр, 1991. – С. 19–21 (198 с.)

Роль внешних миграций, оказывавших в конце XX в. большое влияние на изменения этнической структуры, постепенно теряет значение в XXI в. Изменения численности населения государства все более зависят от процессов воспроизводства. Впервые в новейшей истории его определяют казахи, активно перемещающиеся в города и переносящие на новое место жительства элементы

традиционной культуры. В результате современная демографическая ситуация складывается из компонентов, отражающих суть меняющихся социокультурных установок, наиболее адекватно фиксируемых суммарным коэффициентом рождаемости (СКР), характеризующим средний уровень рождаемости в тот или иной период времени¹.

К концу 1980-х годов суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в СССР равнялся 2,34. «Среднесоюзный» коэффициент складывался из многообразия отличающихся друг от друга республиканских показателей. В европейской части страны СКР балансировал в диапазоне между 1,93 (Украина) и 2,90 (Азербайджан) [1, с. 308–315]. Приемлемые средние данные по стране во многом обеспечивали республики Средней Азии, где минимальный СКР равнялся 3,63 (Киргизия), максимальный – 5,09 (Таджикистан). Казахстан находился между условно «европейским» и «азиатским» вариантами (2,79) [1, с. 308–315].

Через 30 лет, в 2020 г. в бывших советских республиках, а теперь суверенных государствах, расположенных в европейской части, показатели СКР стали существенно ниже уровня простого воспроизводства (от 1,22 на Украине до 1,97 в Грузии) [2, с. 73].

Вектор демографического развития постсоветской Центральной Азии в целом схож с европейским вариантом. Несмотря на то, что и в 2020 г. СКР по-прежнему вы-

¹ Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всей ее жизни при сохранении в каждом возрасте существующего уровня рождаемости. Показатель не зависит от возрастного состава населения и характеризует средний уровень рождаемости в данный календарный период.

сок, заметна тенденция к его снижению. В большей мере явление проявилось в Узбекистане (в 2020 г. в сравнении с 1990 г. СКР уменьшился на 40,5%), меньшей – в Кыргызстане (сокращение на 9,1%). И лишь демографическое развитие Казахстана идет по другому сценарию – в 2020 г. СКР стал на 12,2% больше, чем в 1990 г. (см. таблицу 2).

Таблица 2. Суммарный коэффициент рождаемости в странах Центральной Азии, 1990–2020 гг.

Страна	1990	2000	2010	2020	2020 к 1990 (%)
Казахстан	2.79	1.86	2.61	3.13	+12.2
Кыргызстан	3.63	2.40	2.80	3.30	-9.1
Узбекистан	4.20	2.58	2.80	2.50	-40.5
Таджикистан	5.09	3.49	3.40	3.50	-31.1
Туркменистан	4.20	2.90	2.50	3.00	-28.6

Источник: Демоскоп Weekly. № 933–934. 8–21 февраля 2022 г. Приложения: Основные демографические показатели по всем странам мира; Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021): тренды, демографическая политика, перспективы. Аналитический доклад. Отв. ред. С. В. Рязанцев М., ФНИСЦ РАН, 2021. – с. 24, 72–73.

Отличающиеся тенденции демографического развития государств Центральной Азии во многом объясняются тем, что к началу 1990-х гг. здесь в разной пропорции были представлены условно «европейский» и «центральноазиатский» варианты воспроизводства населения. Специфика определялась этническим составом, сложившимся в советский период истории. По данным переписи населения 1989 г., удельный вес узбеков в Узбекистане составлял 71,4%, таджиков в Таджикистане – 62,3%, туркмен в

Туркменистане – 72,0% [3]. При этом коренное население этих республик было важной частью социальной структуры городов и являлось в них абсолютным большинством (туркмены – 53,8% городского населения, узбеки – 53,7%, таджики – 50,5%) [4]. Социально-демографические процессы в Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане еще в советский период истории во многом определяло коренное население. Поэтому глобальных этнодемографических изменений после распада СССР здесь не было.

Иная ситуация сложилась в Казахстане. Так, удельный вес казахов в составе населения Казахстана в конце 1980-х гг. равнялся 39,7%, а в городских поселениях – 26,7% (таблица 1). Поэтому распад СССР и последовавшие за этим изменения этнического состава сказались на волнообразности процессов воспроизводства населения. Но по мере становления этнической однородности все более отчетливо проявляются тенденции, способные определять демографические явления в течение длительного времени (таблица 3). Рассмотрим основные этапы становления этих тенденций.

Таблица 3. Численность и этнический состав населения Казахстана по данным переписей населения 1989, 1999, 2009 гг. и материалов текущей статистики 2019 г., тыс. человек.

	1989		1999		2009		2019	
	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%	Ч-ть	%
Все население	16464.5	100	14955.1	100	15982.4	100	18631.8	100
городское	8751.1	100	8414.5	100	8662.9	100	10698.2	100
сельское	7713.4	100	6540.6	100	7319.5	100	7933.6	100

казахи	6534.6	39.7	7971.6	53.3	10066.3	63.0	12764.8	68.5
городское	2331.4	26.6	3616.3	43.0	4833.1	55.8	6697.9	62.6
сельское	4203.2	54.5	4355.3	66.6	5233.1	71.5	6066.9	76.5
русские	6227.5	37.8	4489.7	30.0	3797.4	23.7	3512.9	18.8
городское	4613.1	52.7	3454.0	41.0	2767.0	31.9	2400.2	22.4
сельское	1614.4	20.9	1035.7	13.0	1030.4	14.1	1112.7	14.0
другие этносы	3702.4	22.5	2493.8	16.7	2118.7	13.3	2354.1	12.7
городское	1806.6	20.6	1344.2	16.0	1062.8	12.3	1600.1	15.0
сельское	1895.8	24.6	1149.6	20.4	1055.9	14.4	754.0	9.5

Источник: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 9; Национальный состав населения РК. Т.1. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Алматы, 2000. С. 6–8; Национальный состав, вероисповедание и владение языками в РК. Итоги Национальной переписи 2009 г. в РК. Статистический сборник. Астана, 2010. С. 4–6; Численность населения Казахстана по отдельным этносам на начало 2019 г. Комитет по статистике Министерства Национальной экономики РК. Нур-Султан, 2019

Поразивший постсоветское пространство кризис 1990-х гг. привел к схожему демографическому следствию во всех Центрально-Азиатских государствах. Суммарный коэффициент рождаемости сократился в каждом из них более чем на треть (таблица 2). В Казахстане, помимо этого, вследствие высокого удельного веса в составе населения европейских этнических групп, весомое влияние на последующее демографическое развитие оказали процессы эмиграции. В результате общая численность жителей республики сократилась на 9,2%, казахи стали абсолютным большинством населения (таблица 3).

Демографические изменения, наблюдаемые в Казахстане в 1990-е гг., явились следствием сложных и противоречивых процессов переходного периода. Быстро

разрушалась полиэтническая советская демографическая основа, параметры постсоветской системы, базирующиеся на социокультурных предпочтениях казахов, еще не сложились.

В последующие два десятилетия ситуация кардинально изменилась. В 2020 г. в сравнении с 2000 г. суммарный коэффициент рождаемости увеличился на 68,3%. Высокие темпы роста показателя наблюдались также и в Кыргызстане (37,5%). В то же время, в Туркменистане коэффициент увеличился лишь на 3,4%, в Таджикистане на 0,3%, а в Узбекистане сократился на 3,1% (таблица 2).

Не следует принимать «взрывные» темпа роста, наблюдаемые в Казахстане, за долгосрочную тенденцию, отражающую особенности суверенной демографической системы. Как свидетельствуют данные таблицы 2, такая динамика была характерна для первого «пост-кризисного» десятилетия (2000–2010 гг.). Причиной изменений стала социально-экономическая стабилизация, более высокий уровень государственных пособий семьям с детьми и т. д. Но ведущим условием, на наш взгляд, было действие эффекта «этнического замещения». Если по данным переписи населения 1989 г. удельный вес русских, украинцев и немцев в составе населения Казахстана составлял 49,4%, то в 2009 г. – 26,9%, удельный вес казахов увеличился с 39,7% до 63,1% (таблица 1). Влияние на процессы воспроизводства европейских этнических групп уменьшается. Характерные для них низкие показатели рождаемости замещаются более высокими показателями казахского населения. Так, в 2005 г. СКР казахов равнялся 2,54, украинцев – 1,73, русских – 1,36 [5, с. 199].

К концу первого десятилетия XXI века эффект «этнического замещения» в основном исчерпал свой потенциал, параметры воспроизводства определяются казахами. Точнее всего становление новой тенденции видно на примере СКР. Наиболее четко суть явления демонстрирует юго-западный регион государства, где удельный вес казахов в составе населения, в том числе и городского, составляет более 70% (см. таблицу 4).

Таблица 4. Суммарный коэффициент рождаемости в областях Казахстана с преобладающим казахским населением в 2010, 2020 гг.

области	2010			2020		
	всего	В том числе		всего	В том числе	
		городское	сельское		городское	сельское
Казахстан	2.61	2.32	3.00	3.13	2.89	3.53
Туркестанская	3.75	3.37	4.03	4.75	7.29	4.24
Мангистауская	3.20	2.97	3.46	4.26	4.67	4.36
Алматинская	2.84	3.00	2.79	4.03	4.74	3.85
Атырауская	3.27	3.38	3.17	3.86	3.78	3.99
Жамбылская	3.34	2.99	3.60	3.96	4.44	3.65
Кызылординская	3.63	3.65	3.62	3.96	4.25	3.70

Источник: Коэффициент суммарной рождаемости в Республике Казахстан. – Демографическая статистика. Динамические таблицы. 13.06.2022. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/8>.

Как видно из таблицы, во второе десятилетие XXI в. СКР быстро растет, при этом тенденцию роста определяет городское население. В результате, в 2020 гг. почти во всех областях с доминирующим казахским населением

СКР в городах был более 4. Наиболее впечатляют показатели Туркестанской области, где на одну городскую женщину в 2020 г. приходилось 7.29 рождений. Фактически, СКР в областях с преобладающим казахским населением фиксирует состояние демографического взрыва, причем процесс развивается на фоне активной урбанизации. В мировой практике рост городского населения обычно ведет к снижению рождаемости. Вполне вероятно, что в перспективе это произойдет и в Казахстане, но пока быстрое обретение городского статуса не стало основанием для изменения репродуктивных установок казахстанских женщин.

В 2020 г. зафиксировано рекордное число рождений в истории Казахстана – 426,8 тыс. человек. При этом темпы роста в городах в 24,7 раза превышали темпы роста в сельской местности. Рост числа рождений определяется появлением на свет третьего, четвертого и более детей. В 2010–2020 гг. таковых стало больше в 1,85 раза: в городских поселениях - в 2,41 раза, в сельских – в 1,47 раза. Число же рождений первого-второго ребенка сокращается как в городах, так и в селах (соответственно на 5,0% и 26,8%). И если в 2010 г. в городских поселениях на долю третьего и более детей приходилось 23,7%, то в 2020 г. – 44,1% [6, с. 115-119; 7, с. 89–92]. Такая же ситуация, но менее выраженная, наблюдается и в сельской местности. Таким образом, динамично формируется тенденция становления многодетности, в первую очередь в городских поселениях.

Современный подъем рождаемости в старших возрастных группах, в которых и формируется тенденция многодетности, не является, на наш взгляд, основой дол-

современной тенденции. Исходя из движения возрастной структуры, следует ожидать, что в течение недолгого времени группа 25–39-летних женщин, определяющая демографические явления в настоящее время, постепенно выйдет из активного репродуктивного возраста. На смену им идут поколения, рожденные в 2000-е годы и пока сложно сказать, какими будут их репродуктивные установки.

Быстрый рост рождаемости в городах также, по мнению авторов, не может служить основой длительного тренда. Налицо прохождение первого, переходного этапа демографического освоения городского пространства. Сложившиеся в аграрный период истории традиции рождаемости вместе с их носителями попадают на «территорию города» и не могут быстро измениться. Инерция традиционных воззрений в состоянии определять демографическое развитие еще некоторое время. Но сам факт массовой урбанизации означает перемещение людей на новую, городскую социально-экономическую основу. И эта основа с течением времени способна оказывать все большее влияние на репродуктивные установки населения.

Список использованных источников:

1. Демографический ежегодник. 1990. Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990.
2. Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021): тренды, демографическая политика, перспективы. Аналитический доклад. ФНИСЦ РАН. 2021. 200 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. Демоскоп Weekly. № 933–934. 22 февраля — 7 марта. 2022.

4. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения по полу и национальности. Демоскоп Weekly. №933–934. 22 февраля — 7 марта 2022 г.

5. Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник / Под ред. Ю.К. Шокаманова. Алматы, 2006.

6. Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Министерство Национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. Астана. 2017. С. 115–119.

7. Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Министерство Национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. Нур-Султан. 2020. С. 89–92.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КАНДАСОВ В ТУРКЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Болганбаева Шолпан Дуйсенбековна

В Республике Казахстан накоплен богатый и уникальный опыт мирного сосуществования народов, цивилизаций, культур и различных вероисповеданий в составе одного государства. Это наследие определяет истоки нашего единства и помогает яснее увидеть свое будущее.

Межэтническая обстановка в Казахстане на сегодняшний день характеризуется в целом как достаточно стабильная. Различные этнические группы оценивают межэтнические отношения в регионах их проживания как спокойные и доброжелательные.

Как и само казахстанское общество, межэтнические взаимодействия в стране за годы независимости претерпели значительные изменения. В ходе проведения экономических и политических реформ сформировались новые социальные группы, в обществе постепенно утверждаются демократические принципы и толерантность. Демократизация общества обеспечила условия для возрождения и развития культуры и языков народов

¹ Данное исследование проводилось в рамках финансирования КН МОН РК грантового научного проекта №АР09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан».

Казахстана. Это развитие происходит на основе формирования гражданской общности всех казахстанских этносов, что способствует гармонизации межэтнических отношений.

Вопросами поддержания межэтнического мира и согласия в нашей стране занимается Ассамблея народа Казахстана. Задачи, которые ставились перед Ассамблеей народа Казахстана в период ее создания, на сегодняшний день в целом выполнены. В стране обеспечено равенство всех этносов, возрождение и развитие их языков и культур. Ассамблея обеспечивает интеграцию усилий этнокультурных объединений, помогает возрождению, сохранению и развитию национальных культур, языков и традиций народов Казахстана. Тем не менее, в настоящее время необходим новый взгляд на место и роль Ассамблеи народа Казахстана в обществе и государстве, на решение тех задач, которые являются результатом как внутреннего развития, так и воздействия внешних факторов.

Для многих государств современного мира, в том числе и Казахстана, межэтнические отношения исключительно важны как фактор устойчивости социальной системы и политической стабильности. Этносоциальный климат межэтнических отношений в Туркестанской области и городе Шымкент в целом имеет позитивный характер, органично включая в себя нормы цивилизованного взаимодействия, добрососедства и человеческого общения и характеризуются как относительно сбалансированные.

Как показывает практика, чаще всего межличностные контакты связаны с производственными интересами,

духовными, культурными, семейно-бытовыми и иными повседневными потребностями людей. Но в том случае, когда в контакты вступают лица разных национальностей, существует возможность восприятия взаимодействующих субъектов не только как работников, партнеров, сослуживцев, товарищей, членов семьи и т.п., но и как представителей той или иной национальности.

В настоящее время межэтнические проблемы в Туркестанской области не являются настолько актуальными как это было совсем недавно. С чем это связано? Ответ на этот вопрос мы пытались прояснить в ходе проведения наших социологических исследований в рамках календарного задания проекта «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан». В Туркестанской области и городе Шымкент межэтнических проблем и конфликтов в течении последних двух лет не наблюдалось. Одной из важнейших причин, на наш взгляд, стали пандемия, повсеместный карантин, изменения социально-экономических аспектов бытия и уровня жизни населения, которые изменили взгляды многих людей на жизнь. Население считает, что здоровье является главным приоритетом в собственной жизни. В ходе пандемии выяснилось, что без крепкого здоровья и хороших социальных условий крайне тяжело адаптироваться к различным переменам:

Казах, 64 года, пенсионер, Туркестанская область, Сайрамский район, село Карабулак: *«У меня недавно невестка родила, врач приходила к ребенку, осматривала. Участковый врач интересуется состоянием здоровья жителей».*

Узбечка, 40 лет, домохозяйка, Туркестанская область, Сайрамский район, село Карабулак: *«Хочу, чтобы пособие по инвалидности повысили. Я инвалид 3 группы. Каждый год прохожу комиссию. Я инвалид с детства. Мне, то вторую, то третью группу дают».*

Межэтнические отношения в Туркестанской области, по мнению значительной части населения, могут быть охарактеризованы как «спокойные». При этом, жителям области и города Шымкент практически не свойственно разноречивое видение межэтнической ситуации как в стране в целом, так и в собственном населенном пункте:

Казах, безработный, 45 лет, Туркестанская область, Сайрамский район, село Карабулак: *«У нас все хорошо. Простому народу делить нечего. У всех уровень жизни одинаковый. Поэтому, разногласий не возникает».*

Крайне важным является вопрос, «насколько респонденты идентифицируют себя в качестве граждан Республики Казахстан». По-прежнему актуален вопрос применения государственного и русского языков в повседневной жизни.

Кандас, уроженка Таджикистана, пенсионерка, 60 лет отметила: *«В нашем ауле все разговаривают на казахском языке, потому что в основном все приехали из Узбекистана, Таджикистана. Как они будут разговаривать на русском? Вот буквально недавно нам на ватсап пришло сообщение, чтобы все мы говорили на казахском языке. Если кто-то говорит на русском, чтобы не отвечали им. И просят разослать всем знакомым это сообщение».*

Кандас, уроженка Узбекистана, пенсионерка, 60 лет: *«Приехавшие из Узбекистана, Таджикистана не говорят*

на русском языке. Здесь на русском языке говорят только местные казахи».

Кандас, уроженка Таджикистана, 60 лет, пенсионерка: *«Наши дети и внуки не знают русского языка. Потому что в школах плохо преподают русский язык... Учебник русского языка вообще не открывался никогда. Значит, не учат. Я сама занимаюсь каждый день с внуком по русскому языку».*

Особое место среди других проблем и аспектов национальной безопасности занимают демографические и миграционные проблемы. В связи с этим большое значение приобретает исследование таких вопросов как: предубеждение городского населения против мигрантов; степень адаптированности мигрантов; увеличение/уменьшение численности какой-либо этнической группы, которое может положительно/отрицательно отразиться на демографической ситуации; степень распространенности эмиграционных настроений; ограничение иммиграции на территорию Казахстана; восприятие местным населением мигрантов казахской / неказахской национальности и др.

Новые тенденции фиксируются и в оценке межнациональных отношений. Хотя большинство респондентов оценивает их позитивно, тем не менее, динамика изменения оценок фиксирует рост напряженности в этой сфере. Серьезного внимания заслуживает и то, что среди опрошенных возрастает число тех, кто в своей оценке межнациональных отношений подчеркивает, что за внешним спокойствием в них ощущается некоторый рост напряженности.

Одной из важнейших проблем, связанных с миграционными процессами, является проблема социально-

экономической адаптации кандасов в зонах поселения. Групповая и индивидуальная социализация всех мигрантов в целом выступает средством овладения навыками поведения в социально-экономическом, а затем и в политическом пространстве общества.

Как показывают результаты исследования, незначительная часть респондентов настороженно относятся к людям других национальностей, кандасам или не доверяют им. Многие кандасы, уроженцы Таджикистана, участвовавшие в фокус-групповых исследованиях возмущены тем, что представителям других этносов легче найти работу: «Все водители автобусов – узбеки, контролеры – узбеки, нет ни одного казаха»; «Для казахов нет работы!».

По результатам исследования, нами было обращено внимание на то, что определенная часть коренного населения выступала ранее и по-прежнему, выступает против того, чтобы кандасы стали их соседями, возражают против того, чтобы кандасы переезжали в их город, поселок или село, покупали и строили рядом жилье, устраивались на «их» территории.

Кандас, уроженец Таджикистана, пенсионер, 67 лет, рассказал свою историю: *«Раньше здесь много было русских, греков и много было конфликтов... Они не давали покоя казахам... Местные жители, которые работали в городе, когда проезжали здесь, кричали, чтобы мы уезжали туда, откуда приехали».*

Кандас, уроженка Таджикистана, пенсионерка, 60 лет дополняет сказанное: *«Нет воспитания в школах. На родительском собрании надо говорить о воспитании. Недавно классная руководительница позвонила и сказала, что мы плохо воспитываем своих детей, потому что мы – «оралманы».*

Этнические казахи, переехавшие в Казахстан на постоянное место жительства, предпочитают селиться в южных регионах страны. По состоянию на 1 октября 2021 года (с начала года) на историческую родину вернулись и получили статус кандаса 14 358 человек. Прибывшие этнические казахи в Туркестанской области составляют 13,5%, в городе Шымкент 10,7% [1].

Кандасы часто сталкиваются с проблемами адаптации на новом месте. Из-за культурно-языковых отличий, отношения кандасов с местными казахами также складываются непросто, особенно в сельской местности. Интеграции кандасов в казахстанское общество препятствует также и довольно слабый уровень владения русским языком, что значительно затрудняет их трудоустройство.

Кандас, уроженец Таджикистана, пенсионер, 67 лет: *«Здесь могут возникнуть конфликты. Здесь много узбеков, таджиков и русских в основном. Таджики, узбеки уже понимают язык. В Сайрамском районе, Жетысае таджики, узбеки уже стремятся разговаривать на казахском языке. А вот русские не признают нас».*

Кандас, уроженка Узбекистана, пенсионерка, 58 лет: *«В Узбекистане мы с мужем работали на хлопковом заводе 30 лет. Но когда мы приехали в Казахстан, нас не брали на работу, не принимали никуда».*

Для объективного осмысления процесса адаптации важным представляется положение о десоциализации и ресоциализации кандасов в контексте социально-экономической адаптации. С одной стороны, социально-экономическая социализация кандасов предполагает отказ от старых норм, стереотипов в связи с изменениями в эко-

номическом статусе – процессе десоциализации. С другой стороны, кандасам для успешного разрешения экономических и социальных проблем необходимо ближе познать протекающие социальные и экономические процессы, что позволит им с минимальными потерями пройти все этапы адаптации, выработать логику экономического поведения, то есть ресоциализацию в новой экономической среде.

Одной из важных проблем социально-экономического характера кандасы называют вопросы трудоустройства. Наличие работы можно считать одним из условий успешной адаптации в новой среде. Тем не менее, на сегодняшний день среди кандасов значителен уровень скрытой безработицы. Эта проблема тесно связана, в первую очередь, с несоответствием требованиям потенциальных работодателей данной группы и отсутствием прописки. В этой связи кандасы вынуждены занимать нишу низкоквалифицированной и малооплачиваемой работы, что, в свою очередь, ведет к люмпенизации этой среды. Надо отметить, что большинство респондентов-кандасов в Туркестанской области на сегодняшний день имеют определенный первоначальный капитал, который дает им некоторые шансы на создание своего дела и успешной адаптации к казахстанскому образу жизни. Для безработных огромную роль играют помощь родственников. Но большинство из них живут на случайный заработок, то есть не имеют стабильного дохода.

Кандас, уроженка Таджикистана, пенсионерка, 60 лет: *«Наши дети живут на съемных квартирах, нет работы. Не могут получить зарплату. Мы хотим, чтобы в Новом Казахстане помогли нашим детям, обеспечили бы*

жильем, дали возможность учиться, выдавали бы зарплату работающим. Наши дети работают чернорабочими в Астане, Алматы, Шымкенте и не могут получить свои заработанные деньги, хотя у них есть специальность».

Высокий уровень безработицы среди кандасов может быть объяснен рядом причин. Во-первых, правовые барьеры, которые в значительной степени влияют на возможность кандасов найти работу.

Кандас, уроженка Таджикистана, пенсионерка, 60 лет: *«Зимой и летом работают наши дети, получают один месяц зарплату, а второй-третий месяц уже не дают деньги».*

Во-вторых, фактором низкого уровня экономической интеграции является незнание русского языка, так как в казахстанском обществе распространен казахско-русский билингвизм. При этом кандасы не одобряют казахов, плохо или совсем не владеющих государственным языком.

Кандас, уроженка Узбекистана, пенсионерка, 58 лет: *«Вот наши соседи приехали из Жетысая, жили на квартире в Астане 10 лет. Разговаривают на русском дома. Внуки учатся в русских классах, вообще не говорят и не понимают на казахском. Я говорю им: «Пусть в школе говорят на русском, но дома надо разговаривать на казахском! Учите детей казахскому!».*

В южных областях повсеместно как в быту, так и в официальной сфере распространен государственный язык. Наличие языкового барьера в южном регионе намного менее проблематично, чем в других регионах страны. Хотя и в южном регионе не исключены языковые трудности, особенно для кандасов, связанные с незнанием кириллицы, так как кандасы из стран дальнего

и ближнего зарубежья используют в письме как латинский, так и арабский алфавиты.

В-третьих, фактором низкого уровня социально-экономической адаптации является различие в системах образования. Многие кандасы не могут трудоустроиться по своей специальности, имея высшее образование, в основном по инженерно-техническим, медицинским, экономическим, юридическим и педагогическим профессиям [2]. В этой связи возникают две проблемы: во-первых, несоответствие профессии, во-вторых, многие кандасы вынуждены были прервать свою карьеру в стране бывшего проживания. Это заставляет их соглашаться на понижение профессионального и социального статуса. Среди кандасов, увеличилось число людей, зарабатывающих на жизнь непостоянным заработком. Многие кандасы, работающие в сфере торговли, в области строительства, сельском хозяйстве и услуг, попадают в категорию «самозанятых». Речь идет, как правило, о тяжелом физическом труде, не имеющем условий и должного материального вознаграждения, что не позволяет им улучшить свой экономический уровень и приводит к вторичной занятости.

Кандас, уроженец Таджикистана, пенсионер, 60 лет: *«Дети разнорабочие. Хоть и учились, есть дипломы, но не могут устроиться на работу».*

Закон «О миграции населения» дает определение статуса кандасов, однако в то же время в законе отсутствуют нормы, закрепляющие характеристику статуса, т.е. какими правами кандас обладает вследствие присуждения ему этого статуса и какие на него возлагаются обязанности [3]. Таким образом, в законе отсутствует закрепление

юридических последствий получения статуса кандаса. Схожее правовое препятствие связано с подтверждением гражданства. Чтобы легально работать в Казахстане, кандасы должны получить гражданство или хотя бы вид на жительство, обретая равные с гражданами Казахстана права. Однако для получения гражданства или вида на жительство должна быть регистрация с места проживания или прописка. Те, у кого нет временного или постоянного жилья, вынуждены искать лиц, согласных зарегистрировать их по месту своего проживания, но далеко не каждый арендодатель согласится на регистрацию.

Очень важно отметить, что кандасы положительно отреагировали на то, что определение «оралман» заменили на «кандас». Кандасы-пенсионеры из Таджикистана единодушно отметили, что термин «кандас», который переводится как «близкий по крови» вызывает у них чувства гордости, радости, надежности, спокойствия и благополучия. В психологическом и моральном аспекте такое определение «соотечественников» является для них более близким по звучанию и по определению в целом. Напомним, что Президент Касым-Жомарт Токаев подписал закон, согласно которому в Казахстане отказываются от слова «оралман» в отношении вернувшихся на историческую родину казахов в пользу термина «кандас», что в переводе означает «соплеменник» [4].

Также на процесс социально-экономической адаптации влияет наличие собственного жилья, что является одной из главных проблем.

Кандас, уроженец Таджикистана, пенсионер, 60 лет: *«У меня до сих пор нет своего жилья. Взяли кредит, а выплачивать нечем. Не хватает. Мы мечтали о своем доме.*

Год жили на аренде. Мы жили на квартирах, боялись, что нас могут в любой момент выселить».

Кандас, уроженец Таджикистана, пенсионер, 67 лет: *«Чем платить кому-то за аренду деньги, мы жили в своих недостроенных домах... Это большая проблема».*

Жилищные условия различаются в зависимости от региона, области и конкретного места нахождения кандасов. В городах они размещались в собственных или арендованных квартирах, в сельской местности кандасам предоставлялось жилье в так называемых «временках», на старых дачах, либо в брошенных домах, хозяева которых оставили жилье при переезде в другой город или страну.

Согласно закону Республики Казахстан «О жилищных отношениях», кандасы, переехавшие на историческую родину и нуждающиеся в крыше над головой, имеют право встать в очередь на получение льготного жилья [5]. С 2002 года такой возможностью воспользовались около полутора тысяч семей. Однако, согласно закону «О миграции населения», кандасов, получивших гражданство Казахстана, места в очереди лишают [6].

В данной проблеме ставится выбор: «или гражданство или крыша над головой». Учитывая, что средний срок ожидания жилища по очереди составляет около 10 лет, статус кандаса за этот период утрачивается, что показывает нецелесообразность включения в очередь.

Мы часто слышим, в том числе и от самих кандасов, что главными побудительными мотивами переезда для них стали «зов крови», стремление связать свою судьбу с землей предков, желание остаться казахами в полном смысле этого слова и прочие чувства, называемые

патриотическими. При этом кандасы с разочарованием отмечают, что понятие патриотизма на практике в Казахстане подверглось сильной девальвации:

Кандас уроженец Таджикистана, пенсионер, 67 лет: *«...Раньше было как: парень, который не служил в армии, – не парень. Парни, отслужившие в армии, были сильными, смелыми, гордыми. Все их уважали. А тех, кто не служил в армии, считали слабыми, больными, списанными, негодными. А сейчас не хотят служить, боятся. Это говорит о том, что нет чувства патриотизма, нет любви к родине. Сейчас прошли те времена, когда стояли за родину, за народ. Идеология другая сейчас. Понятие «Родина, народ, страна» уже в прошлом».*

В том, что превалирующим фактором при переезде является материальный фактор, что к нам едут в основной массе малоимущие, нет ничего зазорного, так как любой человек ищет место, где лучше, переживает за будущее детей и внуков. Это нормальный, рациональный и вполне объяснимый подход. Известно также, что кандасы предпочитают селиться в южных регионах с теплым климатом, с соответствующей (казахской) языковой средой, а также в больших городах.

Но и государство, открывающее перед кандасами свои границы, наверное, вправе, исходя из тех же прагматичных соображений и социально-экономической целесообразности, регулировать вопросы, связанные с их расселением и дальнейшей ресоциализацией и адаптацией [7].

Изменения, внесенные в современную политику репатриации, продиктованы именно прагматичным подходом, о котором говорилось выше. А призывы отдель-

ных общественных деятелей материально стимулировать всех кандасов, вне зависимости от того, в какие регионы Казахстана они собираются приехать, можно расценить как национал-популизм. В настоящий момент важно обратить пристальное внимание не только на материальные и экономические аспекты адаптации кандасов, но и на их социально-психологическую ресоциализацию и интеграцию. Сегодня государство должно заняться повышением качества жизни для всех своих граждан, независимо от того являются ли они старожилами, этническими репатриантами или иммигрантами.

Список использованных источников:

1. Из каких стран возвращаются и где селятся в Казахстане кандасы. 08.09.2021 20:45. <http://inbusiness.kz>.

2. С.А. Амитов. Проблемы социально – экономической адаптации оралман. <https://articlekz.com/article/6814>.

3. Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV «О миграции населения».

4. Закон Республики Казахстан от 13 мая 2020 года № 327-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования миграционных процессов».

5. Закон Республики Казахстан от 16 апреля 1997 года № 94-I «О жилищных отношениях».

6. Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV «О миграции населения».

7. Сания Тойкен. «Если не поедете в Павлодар, вас депортируют». Как расселяют кандасов из Туркменистана. Радио Азаттык. 19 сентября 2022, 08:59. <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-esli-ne-poedete-vas-deportiruyut-kak-rasselyayut-kandasov-iz-turkmenistana/32037462.html>

«ОКНО ОВЕРТОНА» В ДИСКУРСЕ НАЦИОНАЛИЗМА¹

Дунаев Владимир Юрьевич

Как известно, принцип действия «Окна Овертона» заключается в технологии пошагового преобразования невозможного и немыслимого в политически актуальное и в «новую нормальность». Эволюция семантического поля националистического дискурса от неприемлемого в цивилизованном обществе до культурной нормы реальной политики наглядно демонстрирует эффективность технологий, следующих логической схеме, рецептам и приёмам «Окна Овертона».

Если придерживаться традиционного для русскоязычного социогуманитарного дискурса словоупотребления, то следует признать, что национализм в любом его виде и форме не совместим ни с демократизацией общества и государства, ни с утверждением в качестве приоритетных ценностей прав и свобод человека, ни с духовно-нравственным здоровьем нации и индивида. В Толковом словаре русского языка даны следующие значения слова «национализм»: «1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим. 2. Проявление психологии национального превосходства, национального антагониз-

¹ Работа выполнена в рамках финансирования КН МОН РК. Грант № AP09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан».

ма, идеи национальной замкнутости» [1, с. 390]. В статье, написанной для Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, В.С. Соловьёв даёт следующую характеристику национализму: «Превращение живого народного самосознания в отвлеченный принцип, утверждающий «национальное» – как безусловную противоположность «универсального», и «свое родное» – как безусловную противоположность «чужеземного»» [2].

Любой национализм априорно заключает в себе, говоря словами Г.С. Батищева, «самоутвержденчество», «своемерие», «своецентризм», нерасторжимые с жёстким разделением на «своих» и «чужих». Н.А. Бердяев отмечал: «Самоутверждение национальности может принимать формы национализма, т.е. замкнутости, исключительности, вражды к другим национальностям... национальность есть положительная ценность, обогащающая жизнь человечества, без этого представляющего собой абстракцию, национализм же есть злое, эгоистическое самоутверждение и презрение и даже ненависть к другим народам» [3, с. 652-653, 654]. Этой традиции негативной оценки национализма и пейоративной окраски термина следуют научные монографии и учебники, издававшиеся в советское, в перестроечное и даже в постперестроечное время. Например, в учебниках Г.Т. Тавадова [4] и А.П. Садохина [5], изданных в начале 2000-х годов, национализм определяется как идеология, общественная психология, политика и общественная практика, сущностью которых являются идеи национальной исключительности, обособленности, пренебрежения и недоверия к другим нациям и этническим группам. Н.А. Исмуков в статье 2013 г. даёт следующее определение

национализма: «Гипертрофированная форма национального сознания, провозглашающая идеи национальной исключительности, замкнутости, превосходства» [6, с. 114].

Аналогичная традиция оценки национализма сохраняется и в ряде других стран. Например, в политической культуре современной Германии «национализм» является бранным словом, своеобразным маркёром маргинальности, выступая практически синонимом таких малопривлекательных для большинства бундесбюргеров понятий, как «правый экстремизм», «антисемитизм» и «(крипто)нацизм». Эта «дискурсивная диффамация» национализма приводит к тому, что «в Германии находится немного людей, готовых назвать себя немецкими националистами: по понятным причинам мало кто желает получить автоматически предикаты антисемита, ксенофоба и латентного нациста, что равняется краху общественной репутации и политической смерти» [7, с. 35].

В гносеологическом плане национализм является абсолютизацией партикулярных смыслов и ценностей, при недооценке как единичного (индивидуального, личностного), так и всеобщего (наднациональных, универсальных, общечеловеческих ценностей и смыслов). В.С. Соловьёв в цитированной ранее статье из словаря Брокгауза и Эфрона поясняет: «Как отвлечённый принцип, Н[ационализм] основан на ложном разделении того, что в действительности неразрывно соединено. Всё, что производилось ценного в истории, имело всегда тройкий характер: 1) личный, 2) национальный и 3) универсальный. Всякое историческое творчество коренится в личных силах и дарованиях, обуславливается националь-

ной средой и приводит к результатам всечеловеческого значения... национализм, как исключительное утверждение одного из них в ущерб двум другим, есть воззрение прежде всего антиисторическое» [2].

Традиционное понятие национализма с его подчёркнуто негативной окраской сегодня подвергается ревизии. В современных условиях национализм переживает своё «новое рождение». С ним связывают процессы самоопределения народов, образования ими собственных государств, легитимации политических режимов, возрождения традиционных культур и защиты их ценностей и т.д. Широкую панораму современных интерпретаций национализма даёт сборник «Нации и национализм» [8]. Чтобы обрести такую солидную репутацию, понятие национализма должно был пройти через ряд стадий, предписанных культурно-эрозионной стратегией «Окна Овертона».

Один из первых теоретиков национализма К. Хэйес так описывает технологию формирования и распространения национализма:

- разработка доктрины группой интеллектуалов (филологов, историков, антропологов, экономистов, философов и литераторов);
- поддержка этой доктрины группами граждан, находящихся в ней удовлетворение своих духовных запросов;
- закрепление идеи национализма в народных массах через систему образования и СМИ [9, с. 63].

С точки зрения этой схемы обретает ясный предметный смысл утверждение Ж. Деррида о философской структуре дискурса национализма: «Национализм не только входит как акциденция или как некое зло в фило-

софию, которая ему чужда и которая по своему сущностному призванию космополитична и универсалистична, но национализм по существу философичен, он – философия, он – дискурс, структура которого философская» [10, с. 137]. Вместе с тем этой схемой предвосхищается логика дальнейшей эволюции национализма. Классической формой экспликации этой логики является анализ В.С. Соловьёвым исторических метаморфоз русского национализма, представленного в учениях славянофилов. В.С. Соловьёв характеризует славянофилов как людей выдающихся умственных дарований и нравственных качеств, «и если они не могли сделать своего дела лучше, то значит само дело никуда не годится» [11, с. 433]. Первоначальная религиозно-философская доктрина, – пишет В.С. Соловьёв, – уже во втором поколении стала достоянием «семейного и дружеского кружка». На третьем этапе славянофильское направление было унаследовано людьми совсем иного нравственно-практического склада. Идейное содержание национализма на этом этапе падает до минимума. «Возведённое в принцип отрицание всех объективных понятий о добре и истине» – вот «последнее слово» национализма [11, с. 474]. Национализм рассматривается просто как факт. Любое оспаривание националистического дискурса с точки зрения норм нравственности и истинности лишается смысла, ведь дискурсивной формой национализма является оппозиция «своё – чужое». Поэтому нельзя не согласиться с оценкой К. Дойчем национализма как «эпистемологического бедствия», приводящего к «когнитивной депривации и параличу» способности суждения [12, с. 111].

В доктринальной сфере первым важным шагом к легитимации националистического дискурса является перевод однозначно негативного понятия национализма в пары его ценностно амбивалентных разновидностей или типов. С. Хантингтон отмечает: «Исследователи, как правило, выделяют два типа национализма и национальной идентичности, причём дают им различные названия: гражданский и этнический, или политический и культурный, или революционный и трайбалистский, или либеральный и органически-мистический, или гражданско-территориальный и этнико-генеалогический, – или просто патриотизм и национализм. В каждой паре первый её член рассматривается как «хороший», а второй – как «плохой»» [13, с. 62].

Следует обратить внимание на то, что два основных типа понимания нации имеют вполне определённую национальную или географическую привязку. Понимание нации как политической общности или согражданства, безотносительного к этническим, языковым, религиозным коннотациям, ведёт свою родословную от Руссо и характерно для западноевропейской политической культуры (Франция, Великобритания). Понимание нации как дополитического этнокультурного феномена восходит к Гердеру и характеризует своеобразие средневропейской и восточноевропейской политической культуры (Германия, Италия, академическая традиция советского обществоведения). При этом в данной понятийной паре гражданский национализм расценивается как рациональный, универсальный и прогрессивный, а этнокультурный – как иррациональный, партикуляристский и

консервативный [14, с. 41]. Интерпретация национализма через ценностно оппозитивные пары субкатегорий отводит эндемичной политической культуре Казахстана место на «плохой», примитивной и агрессивной стороне диспозитива гражданский национализм - этнонационализм.

Здесь нужно сделать важное отступление. Иррациональностью отличается как раз понятие гражданского национализма, и вот по каким причинам. Существует множество определений понятия национализм. Одной из наиболее точно выражающих сущность национализма дефиниций можно рассматривать его определение как превращённой политико-идеологической формы национальной идентичности. Если в основе национализма лежит этнокультурная идентичность, то термин «гражданский национализм» становится оксюмороном, «жёлтым логарифмом». Ведь гражданская идентичность принципиально надэтнична. Если же в основе национализма лежит идентификация с политической нацией, то есть с нацией как синонимом согражданства, то гражданский национализм становится тавтологией, «маслом масляным». Но этот когнитивный диссонанс ведущие представители либеральной теории гражданской нации и конституционного патриотизма, в том числе Ю. Хабермас, предпочитают обходить молчанием, табуировать.

Вторым важным шагом является создание кластера эвфемизмов и перевод их в предмет серьёзного, академического обсуждения. Национальное и националистические при этом незаметно уравниваются в своём смысловом содержании.

На этом пути в академическую дискуссию вместо традиционного монохромного понятия национализма вовлекаются «50 оттенков серого». Наряду с общепринятым в науке разделением национализма на гражданский (государственный) и этнический, вводятся новые его формы и разновидности: национализм сепаратистский, реформаторский, ирредентистский, лингвистический, паритетный, экономический, защитный, модернизационный, либеральный и т.д. [15, с. 48-49]. Л. Гринфельд выделяет три типа национализма: – индивидуалистический гражданский национализм (Великобритания), коллективистский гражданский национализм (Франция), коллективистской этнический национализм (Германия, Россия). Э. Хаас выделяет либеральный, якобинский, традиционный, синкретический и интегральный национализм. Дж. Комарофф предлагает различать евронационализм, основанный на универсалистских принципах гражданства, и этнонационализм, ставящий во главу угла культурную специфику. С точки зрения евронационализма, этнонационализм представляется примитивным, иррациональным, угрожающим; с точки зрения этнонационализма, евронационализм воспринимается как изначально колониальное по своей природе явление, в котором отсутствует человечность и общественная совесть. Третьей формой является гетеронационализм как их своеобразный синтез, как попытка совместить политику поощрения этнокультурного многообразия с концепцией политической общности.

Наконец, среди всевозможных национализмов возникает такой понятийный кентавр, или, точнее, поня-

тие-химера, как *либеральный национализм* (Д. Миллер, М. Линд, И. Тамир). «Либеральный национализм видится если и не доминирующей формой современного национализма, то наиболее актуальной и перспективной» [16, с. 85]. Под *стать либеральному национализму* подходит и понятие *толерантного фашизма*, использованное У. Эко [17, с. 62]. Возникновение таких понятий-химер симптоматично и выражает самую суть стратегии на инверсию смыслов и ценностей дискурса национализма: доминирующей, наиболее актуальной и перспективной лексической формой этого дискурса выступает *оксюморон*.

Социалисты в целом негативно оценивают национализм, однако национализм в виде национально-освободительных движений был вполне совместим с социалистической идеологией. Классический либерализм, основанный на индивидуальных правах и свободах, противостоит национализму как идеологии коллективного самоопределения. «Для националистов всех времён и народов» ключевой является идея «культурного единства» [16, с. 88]. Соответственно, для либералов всех времён и народов ключевой является идея культурного многообразия, культурного плюрализма, стирания культурных границ и т.д. Результатом теоретической легитимации концепта либерального национализма становится полная утрата смысла понятия национализма.

Но продолжим далее следить за манипуляциями «Окна Овертона».

В.В. Коротеева замечает: в англоязычной литературе понятие «национализм» употребляется в ценностно нейтральном смысле. В соответствии с этой установкой

следует произвести лексико-идеологическую перекодировку понятия «национализм», давая ему определение, свободное от оценки. «Национализм, таким образом – это комплекс идеологических представлений и политической практики, в котором центральное место занимают интересы нации» [18, с. 10]. Аналогичное определение даёт Е.М. Травина: «Национализм – возведение принадлежности к своей нации в политический принцип или программу» [19, с. 231]. О. Кильдюшов полагает, что современные исследования национализма засвидетельствовали его нормативно-нейтральный характер для стран Запада. [7, с. 36]. Крайне сомнительно, что в массовом сознании казахстанцев, да и в научном дискурсе, термин «нация» будет приведён в соответствии с «мировой практикой», то есть с нормами английского языка, в котором в слове «nation» не проводится различия между гражданством и национальностью. Поэтому нужен переход к следующей стадии реализации технологии «Окна Овертона» – наделению понятия национализм однозначно позитивным смыслом.

А.В. Медведев в статье с характерным названием: «Апология национализма» придаёт национализму онтологический статус: «Национализм есть характеристика бытия нации во всей его полноте» [20, с. 435]. Соответственно определяются и ценностно-смысловые характеристики понятия национализма. Автор статьи из российского журнала «Вопросы национализма», печатного органа русских националистов, утверждает: националистический дискурс – это всего лишь «отстаивание национальных интересов» [7, с. 40]. Результатом целена-

правленной работы как научно-экспертных кругов, так и средств массовой информации стало закрепление в общественном сознании и словоупотреблении, в том числе политиками, этого значения термина национализм. На встрече с участниками дискуссионного клуба «Валдай» В.В. Путин заявил: «Самый большой националист в России – это я. Но самый правильный национализм – это выстраивание действий и политики так, чтобы это пошло на благо народа» [21]. Д. Трамп неоднократно заявлял, что он националист, подразумевая под национализмом заботу об интересах своей страны, в противоположность следованию идеологии глобализма. В связи с этим следует отметить, что определение национализма как антипода либерального глобализма – далеко не единственная и не главная проблемно-содержательная ось дискурса современного национализма. Да и сама неолиберальная модель глобализации не является альтернативой национализму. Глобальный мир – отнюдь не пространство единых культурных ценностей. Национализм органично вписывается в мир глобальной конкуренции.

Казахстанский политолог Расул Жумалы считает, что негативный оттенок понятия «национализм» – «рудимент советской промывки мозгов», от которого необходимо избавиться, поскольку «национализм в качестве понятия тождественен государственности и патриотизму» [22]. Один из лидеров казахских национал-патриотов Айдос Сарым заявил, что он «один из тех, кто не боится признать себя казахским националистом» [23].

Наши студенты и учёные ныне ориентированы на англоязычные тексты. Между тем «...в английском про-

сто нет адекватных эквивалентов для таких слов, как «народ», «национальность», «народность», «нация». Слово «nationality», когда не в устах специалистов, используют чуть ли не как синоним легального термина «citizenship» (гражданство), может быть, с еле заметной ссылкой на культуру. В современном английском «nation» означает не «нацию», а «государство» или просто «страну». Слово «people» чаще означает «люди», а не «народ». Наконец, никак не объяснишь, что такое «народность» простому американцу – придётся обойтись каким-нибудь недоброкачественным описанием, вроде «нечто между «tribe» (племя) и «race» (раса)»» [24].

При некритическом восприятии англоязычной терминологии национализм наделяется нормативно-нейтральным и даже позитивным смыслом. Однако до сих пор в научных работах и в публицистике казахстанских авторов преобладающим остаётся всё же традиционное, ценностно негативно нагруженное употребление терминов «национализм», «националистическая психология и идеология» и т.д. как аналитических категорий и как категорий политической практики. Казахстанский политолог Канат Нуров пишет: «...национализм в отличие от патриотизма в принципе не бывает общегражданским. «Гражданский национализм» – это оксюморон, нельзя подменять понятия. В основе национализма, как явления и идеологии, лежит этнократизм либо титульной национальности (шовинизм), либо не титульной (сепаратизм)» [22].

Завершающим актом работы «Окна Овертона» является снятие запрета на соединение дискурсивных прак-

тик теоретической легитимации национализма с ультраправыми идеологиями. В этом акте национализм обретает наиболее радикальную превращённую политико-идеологическую форму национальной идентичности – нацизма, неонацизма, криптонацизма и т.д. Тем самым нацизм – это не столько эксцесс, сколько непристойная изнанка и вместе с тем суть национализма, его имманентная интенция, логически закономерный итог технологически грамотно направляемого, но политически безответственного и морально недостойного процесса политизации и идеологизации национальной идентичности.

Как отмечает У. Эко, немецкий нацизм – воплощение цельной политической программы с чётко обозначенными философскими и теоретическими источниками. Итальянский фашизм, представляя собой коллаж из разнородных политических и философских идей, стал своего рода архетипом для последующих фашистских движений, в которых многие либеральные европейские лидеры видели конструктивную альтернативу «коммунистической угрозе» [17, с. 59-60]. Итальянские фашисты разработали свои военные ритуалы, фольклор, стиль одежды. Следом за итальянским фашизмом в 30-е гг. XX столетия фашистские движения появились в Англии, Германии (национал-социализм), Австрии, Литве, Эстонии, Латвии, Польше, Венгрии, Румынии («Легион Архангела Михаила», «Железная гвардия»), Болгарии, Греции, Югославии (хорватские усташы и «Правая партия»), Испании (фалангисты), Португалии, Норвегии, Японии («Ассоциация помощи трону»), даже в Южной Америке («интегрализм» в Бразилии).

Согласно У. Эко, характерной особенностью фашизма является описанная Л. Витгенштейном логика «семейного сходства». Предположим, что у нас есть наборы политических группировок с присущими им характеристиками:

1	2	3	4
abc	bcd	cde	def

Хотя 1 и 4 не имеют ни одного общего им аспекта, они относятся к одному семейству.

У. Эко выделяет 14 *типических характеристик* фашизма, отмечая: «вообще-то достаточно наличия даже одной из них, чтобы начала конденсироваться фашистская туманность» [17, с. 67]. Но У. Эко упускает из вида атрибутивный признак фашизма, характеризующий любую его форму – это национализм. Любой фашизм есть форма национализма при всех прочих различиях. «Фашизм как политическое движение и схожий с ним нацизм являются производными от такого обширного понятия, как «национализм» [25, с. 71].

Таким образом, на последней технологической фазе «Окна Овертона» происходит возврат понятия национализма к тем определениям, которые ему давал Н.А. Бердяев в приведённой выше цитате из его книги «Царство Духа и царство Кесаря». Однако эти определения выступают в форме эвфемизмов, заимствованных из лексики патриотизма, и воспринимаются как то, во имя чего следует вести идеологическую и политическую борьбу.

Дискурс национализма разворачивается в уникальном семантическом пространстве, наполненном разного

рода концептуальными трансформациями, аксиологическими инверсиями, семантическими перекодировками. В этом типично постмодернистском пространстве принципом сочетания разнообразных верований, практик, политических взглядов является *пренебрежение к противоречиям*, синкретизм. Название своей статьи «Национализм – ускользающий объект» В.С. Малахов объясняет следующим обстоятельством: национализм «растворён в публичном дискурсе до такой степени, что вообще перестаёт восприниматься большинством как национализм. Это система молчаливых допущений, мыслительных привычек и рутинно циркулирующих нарративов» [26, с. 17]. Но именно к этой цели и были направлены технологии преобразования националистического дискурса, обеспечившие националистической политике самую эффективную из всех возможных маскировку – быть у всех на виду и в то же время оставаться никем не узнанной.

Список использованных источников:

1. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.
2. Национализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс]. Доступ: <https://gufo.me/dict/brockhaus/Национализм>
3. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря // Бердяев Н.А. Дух и реальность. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. С. 567-671.
4. Тавадов Г.Т. Этнология. Учебник для вузов. М.: Проект, 2002. С. 339.

5. Садохин А.П. Этнология: Учебник. М.: Гардарики, 2001. С. 247-248.
6. Исмуков Н.А. Национализмы: теория и современность // Вестник Российского университета кооперации. 2013. № 2 (12). С. 111-126.
7. Кильдюшов О. Нация под подозрением. Немецкий национализм и партийно-политическая система современной Германии // Вопросы национализма. 2012. № 2 (10). С. 35-41.
8. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др ; пер с англ. и нем. Л.Е. Переславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. 416 с.
9. Никитина Т.А., Ляшенко Н.В., Романова И.В. Национализм: теоретические подходы // Вестник ЗабГУ. 2017. Т. 23. № 3. С. 61-69.
10. Деррида Ж. Национальность и философский национализм. Деррида Ж. Позиции. М.: Академический Проект, 2007. С. 126-151.
11. Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй // Соловьёв В.С. Сочинения в двух томах. Том 1. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 411-637.
12. Дойч К. Нация и мир // *Этнос и политика: Хрестоматия*. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 111-115.
13. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.
14. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 367 с.
15. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1998. 270 с.
16. Полянников Т.Л. Национализм в (пост)современном мире. «Неожиданности» постбиполярного мира: национализм, сепаратизм и межэтнические конфликты // *Полития*. 2006. № 3. С. 67-96.
17. Эко У. Вечный фашизм // Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 49-80.

18. Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 139 с.

19. Травина Е.М. Этнокультурные и конфессиональные конфликты в современном мире: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 254 с.

20. Медведев А.В. Апология национализма // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Международные Лихачёвские научные чтения, 19-21 мая 2016 г. СПб.: СПбГУП, 2016. С. 434-436.

21. Путин: Самый большой националист в России – это я // Взгляд. 2014. 24 окт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vz.ru/news/2014/10/24/712269.html>

22. Нациестроительство и формирование национального государства в Казахстане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agkipr.kz/archives/312>

23. Саримов А. Национальная политика должна соответствовать темпам развития нации // Известия-Казахстан. 9.02.2010.

24. Смит Д.Х. Национальная проблема в России глазами простого американца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/Nam-ne-ponyat.php?PrPage=Multi>

25. Хутин А.Ф., Брянцева М.В. Нацизм, фашизм, национализм: аналитический подход к понятийным историческим категориям в изучении гуманитарных дисциплин в вузе // Проблемы современного образования. 2020. № 2. С. 66-76.

26. Малахов В.С. Национализм: ускользающий объект // Социология власти. 2021. Том 33. № 2. С. 8-30.

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Есенгараев Есет Жемисбекович

Проблема идентичности является фундаментальной как для отдельного человека, так и для любого сообщества, так как они созданы в буквальном смысле комбинацией их идентификаций. Идентичность не только позволяет индивиду и группе обретать чувство определенности и стабильности, она имеет для них решающее конститутивное значение. Современные концепции идентичности в большинстве своем опираются на идеи М. Фуко о дискурсивных практиках, которые «систематически формируют объекты, о которых они говорят» [1, с. 119]. Они также восходят к идеям Дж. Мида и Ж. Лакана о роли символического в конструировании субъекта и его идентичности.

Возрастание уровня понимания роли идентичности в жизни человека и общества подтверждают появление исследований, авторы которых приходят к выводу о невозможности функционирования таких базовых институтов, как политика и экономика, без опоры на идентичности. Среди таких работ можно выделить монографии «Экономику идентичности» Джорджа Акерлофа и Рэйчела Крентона [2], «Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия» Фрэнсиса Фукуямы [3].

Но в последние десятилетия возрастание популярности исследований, посвященных идентичности, обу-

словлено тем, что в современном мире стало крайне проблематичным воспроизводство традиционных или в той или иной степени любых устоявшихся идентичностей. По мнению Зигмунда Баумана, возрастание уровня проблематизации современного мира, и, как следствие, положение человека в этом мире, приводит к проблематизации и его идентичности. «Об идентичности вспоминают тогда, когда нет уверенности в своей принадлежности, т.е. когда человек не может с уверенностью определить свое место в многообразии поведенческих стилей и шаблонов, не знает, как убедить окружающих в том, что это место он занимает по праву, для того, чтобы обе стороны знали, как вести себя в присутствии друг друга», - пишет Зигмунд Бауман и добавляет, что «в стремлении избежать этой неясности придумали слово «идентичность» [4, с. 132].

Проблематизация идентичности, кризисные тенденции, характерные для нее в современный период, присущи не только индивидуальному существованию, но и сообществам, вплоть до цивилизаций. Как подчеркивает Самюэль Хантингтон, в современном мире, не осталось цивилизаций, которые в той или иной степени не переживали, если не кризис своей идентичности, то, по крайней мере, ее проблематизацию [5, с. 35-36].

Поэтому мы можем утверждать, что основные социогуманитарные тенденции современного мира, опровергают мнение Герберта Маркузе, считавшего, что развитое индустриальное общество возвращается к «непосредственным, автоматическим идентификациям». Так как в современном мире диагнозы идентификационных со-

стояний констатируют не усиление «непосредственных, автоматических» состояний, а проблематизацию, фрагментацию идентичностей, формулируемые через такие концепты как: «онтологически неуверенная личность», «децентрированный субъект», «расколотое я», «самость, сотканная из случайностей». Именно такие диагнозы теоретиков идентичностей больше коррелируют с массовыми самооценками. Во многом такое положение есть следствие динамизма и сложности современного мира, подрывающих исторически сложившиеся формы идентичностей. Поэтому сегодня популярны определения современного мира через акронимы VUCA и BANI, а также их противопоставление эпохе, определяемой через акроним SPOD.

Уже эпоха модерна отличалась небывалым, по сравнению с предшествующими периодами человеческой истории, динамизмом. И этот динамизм индустриальной цивилизации лишил человечество идентификационной стабильности архаического или традиционного типа. Как отмечал Ю. Хабермас: «С переходом современных обществ к мировоззренческому плюрализму, религия и ускоренный в ней этос, рассматриваемые в качестве избранных основ значимости общей для всей морали, распадаются» [6, с. 62]. В результате этого распада происходит «обесценивание основных метафизических понятий (и соответствующей категории объяснения), что, по его мнению, связано и со смещениями эпистемического авторитета, который от религиозных переходит к современным опытным наукам». При таких исторических и когнитивных обстоятельствах моральная философия по

необходимости выходит на «постметафизический» уровень обоснований.

При том, что эпоха модерна утратила традиционные основания социального порядка, тем не менее классический модерн выработал свои идентификации, придавшие индустриальной цивилизации, при всей ее динамике, черты стабильности и возможности более или менее надежно идентифицировать мир и ее субъекты.

Возросшая неуверенность современного человека есть следствие эрозии как ценностей, так и когнитивных оснований его существования. По мнению Энтони Гидденса, в современный период «... мы обнаружили, что ничего нельзя знать наверняка, поскольку стала очевидной ненадежность всех прежних «оснований» эпистемологии; «история» лишилась телеологии, и, следовательно, никакую версию «прогресса» нельзя убедительно защищать ...» [7, с. 215]. Кризис «оснований», крах модернистской концепции эволюционизма «... переносит нас», как считает Гидденс, «в новый и беспокойный универсум опыта» [7, с. 215].

А. Турен указывает на диффузию норм в современном обществе: «...социум становится все более неопределенным: он оставляет без норм и правил все более обширные сферы поведения; он гораздо чаще маргинализирует нас, чем вводит в какие-нибудь сообщества, постоянно меняется, лишая нас возможности легко определить свою самобытность, заменяет легко определяемые – положительные или отрицательные на амбивалентность. Те же убеждения, которые призывали нас к осознанию самих себя, весьма далеки от веры в соответствие личности и социальных ролей» [8, с. 465].

Юрген Хабермас также определяет постмодернистскую эволюцию, приведшую к потере былой очевидности, как «новую непрозрачность».

Проблематизация «оснований» не может служить предпосылкой для «автоматических» идентификаций и ведет к проблематизации устоявшихся моделей идентичности. И эта проблематизация началась гораздо раньше, еще в эпоху модерна. Но Зигмунт Бауман, соглашаясь с таким выводом, уточняет, что «... хотя идентичность по-прежнему и остается проблемой», это уже не та проблема, которая стояла «на протяжении всего модерна». В отличие от эпохи модерна, утверждал Бауман, в которой «проблема идентичности... заключалась в том, как построить идентичность и сохранить ее целостность и стабильность, проблема постмодерна прежде всего в том, чтобы избегать фиксации и сохранить свободу выбора» [4, с.133].

Действительно, идентичности эпохи постмодерна, являются порождением дискурсивных практик, которые отличают исторически беспрецедентный уровень динамики и сложности. И, как следствие, идентичности, сформированные на основе таких сложных дискурсивных практик, отличают преодоление традиционных дихотомии, «надежных» и «истинных» критериев. Такие идентичности отличают способности удерживать игру контингенции, сочетания ранее невозможных идентификаций, достижения когерентности при отказе от традиционных норм, без которых ранее идентичность считалась невозможной. Носители таких идентичностей не заблуждаются по поводу их оснований, они не ищут «ко-

нечный и истинный словарь», позволяющий достичь незыблемого фундамента жизни, они, говоря словами Ричарда Рорти, рассматривают случайность своей самости как неизбежность, они относятся к себе иронично, так как «... никогда не способны принимать себя всерьез, потому что всегда осознают, что термины самопознания всегда подвержены изменениям, они всегда осознают случайность и хрупкость своих конечных словарей, а значит, и самих себя» [9, с. 104]. Ироники способны пересматривать свои идентификации и расширяться через переопределение. Но они не являются циниками и моральными релятивистами, для которых нет никаких социальных ценностей. «Осознавать относительность своих убеждений и все же непоколебимо стоять за них – вот что отличает цивилизованного человека от варвара». Если, считает Рорти, «перевести это утверждение Д. Шумпетера на его язык, то это означает, что либеральное сообщество нашего века порождали все больше людей, способных распознавать случайность словаря, с помощью которого они выражают свои самые высокие надежды, – случайность своего собственного нравственного сознания, вместе с тем оставаться верными своей совести» [9, с. 73-74].

Современные интеллектуалы являются людьми, которые преодолели искушения приписывать трансцендентные и абсолютные основания своей идентичности, и их уже не заботят, по крайней мере, как их предшественников, метафизические вопросы о своей сущности. Как утверждает Р. Рорти, «Они больше не будут испытывать потребности в ответах на вопросы вроде «Почему ты либерал? Почему тебя беспокоит унижение чуждых тебе

людей?» Так же как средний христианин XVI в. не испытывал потребности в ответе на вопрос «Почему ты христианин?» или как большинство современных людей не беспокоит ответ на вопрос «А спасен ли ты?» Такой личности не потребуется оправдание своего чувства человеческой солидарности, ибо она не будет воспитана для языковой игры, где спрашивают и получают обоснования подобного рода убеждений. В ее культуре сомнение по поводу публичной риторики этой культуры встречаются не с сократическими требованиями дефиниций и принципов, а с дьюианскими требованиями конкретных альтернатив и программ» [9, с. 120-121].

Эпоха постмодерна породила веру в свободу от традиционной идентичности людей, с их стремлением к фиксации. По мнению Зигмунта Баумана, «... задача постмодерна – избегать всех фиксаций» является выражением доминирующей концепции идентичности в эпоху постмодерна. Отсутствие стабильности, определенности, игра случайности и осознанное стремление примириться с этой нестабильностью заставляют индивидов эпохи постмодерна отказываться от поиска фиксированной идентичности. Но при всем том, что динамика и неопределенность современной эпохи несопоставимы с периодом модерна, и мы утратили утвердившиеся в предшествующую эпоху возможности идентификации, тезис о преодолении всех фиксаций есть следствие интеллектуальной моды и является недостаточно продуманным.

Спор о специфике идентичности в эпоху постмодерна можно вести, если мы очертим для себя базовые характеристики и функции того, что принято определять

как идентичность. При этом, конечно, я присоединяюсь к тем, кто считает, что попытки сущностного определения феномена идентичности невозможны, и преодоление эссенциалистских притязаний я отношу к несомненным достижениям постмодерна. Но мир и феномены этого мира не только изменчивы, но и обладают определенной стабильностью, структурными признаками и функциональными характеристиками. Отказ от идеи фиксированности, стабильности, доходящих до абсолютных выражений, можно определить, как реакцию на беспрецедентную динамику современности. Но затянувшееся увлечение идей абсолютной нестабильности, достигающей крайних форм буквального, а не метафорического ее понимания, является проявлением интеллектуального аутизма, погруженного в игру с закрытым набором значений.

Если мы не будем подражать плохо продуманной риторике, определяемой, как постмодернистский дискурс идентичности, то мы можем увидеть, что функции идентичности в любую эпоху – обеспечивать индивидов и общество чувством определенности и непрерывности индивидуальных биографий и коллективных историй. Если изменение не только содержания, но и структуры идентичности, лишенной фиксации, в какой-то степени правомерно в отношении индивидуальной модели идентичности, то применительно к групповым моделям обнаруживается явное несоответствие идеи нестабильности в отношении идентификационных устремлений сообществ.

«Идентификация, позволяющая нам обрести необходимые моральные обоснования», как отмечал Хабермас,

«имеет место в рудиментарной практике повседневных интеракций» [6, с. 51]. Именно здесь «мы высказываем предположения, смысл которых состоит в том, что мы требуем от других определенного поведения [т.е. вменяем им некие обязанности], определяем самих себя и кого-либо действительно [принимаем обязательства на себя], упрекаем в чем-либо других или самих себя, признаем ошибки, приносим извинения, предлагаем какие-либо возмещения и т.д. На этой первой ступени морали высказывания служат связующие координированию действия различных факторов» [6, с. 51]. И такая связанность предполагает интерсубъективное признание моральных норм или правовых практик, «которые для той или иной общности убедительным образом определяют, что обязаны делать авторы и чего они могут друг от друга ожидать» [6, с. 51-52].

Будучи членами общества, жизненного мира, мы не можем полностью избежать его влияния, достигать абсолютной свободы в переописании и в выборе своих идентификаций. «Вовлеченность человека в обыденные межличностные отношения, думаю, слишком основательна и слишком основательна, и слишком глубоко укоренена, чтобы мы всерьез приняли мысль о том, что когда-нибудь всеобщая теория убеждения сможет изменить нам мир, что в нем больше не будет каких бы то ни было межличностных отношений, как мы их обычно понимаем» [10, с. 74].

Р. Рорти, являясь сторонником индивидуализации, совершенствования частных словарей, вместе с тем, вслед за Дьюи и Фуко «... убежден, что субъект пред-

ставляет собой социальный конструкт, что дискурсивные практики пронизывают наши души и сердца до самого основания» [11, с. 40-41]. Если дело обстоит таким образом, тогда мы должны быть сдержанными в оценке свободы своих идентификационных возможностей. При описании своих индивидуальных особенностей, как подчеркивает Рой Бхаскар, мы неизбежно опираемся на социокультурные термины, «ибо предикаты, обозначающие свойства, присущие отдельным лицам, – все предполагают социальный контекст для своего использования. Соплеменник подразумевает наличие племени, учет чека – существование банковской системы. Объяснения – будь то подведение под общие законы, обращения к мотивам и правилам или новое описание – всегда и неизбежно включают социальные предикаты» [12, с. 221].

Вера в свободу выбора идентификации сама есть следствие изменения языковых игр, в рамках которых возникли условия для формирования таких убеждений. По мнению А. Макинтайра, «... трансформация Я и его соотношение с ролями от более традиционных модусов существования к современным эмотивистским формам могли бы, конечно, и не случиться, если бы не было одновременной трансформации форм морального дискурса, языка и морали» [13, с. 52]. Другими словами, если постмодернистская идентичность есть порождение определенного языка, то тогда для нас она имеет в той или иной степени неизбежно принудительный характер.

Социальная идентичность, способная обеспечить, с одной стороны, определенную стабильность, а с другой – развитие, в современном мире имеет свои вариации, в

зависимости от социокультурных особенностей различных обществ. Эти вариации располагаются между двумя крайними моделями: динамичной, сложно-оттеночной и фундаменталистской, характеризующейся ригидностью, упрощенным сочетанием дихотомических определений. Эти идентификационные различия не позволяют определить современность через популярную теорию глобализации. Мир, населенный сообществами, являющимися носителями взаимоисключающих идентичностей, не способен создать единый порядок.

При анализе идентичности, как порождения определенных дискурсивных практик, также учитываются события, временные и пространственные особенности существования сообществ и индивидов. Но при этом следует понимать, что события, несмотря на их влияние на идентичность, не могут уничтожить ее или, наоборот, создать альтернативную идентичность, без изменения дискурса. «Я могу идентифицировать себя только там, откуда я говорю, только в процессе дискурса, как субъект акта высказывания» [14, с.137].

Кризис идентичности из-за негативных событий в жизни отдельного индивида или сообщества требует для его преодоления переопределений, переописаний возникших ситуаций. Новые переописания возможны лишь при наличии альтернативного словаря. Однако нередко новые словари и новые переописания несут в себе угрозу унижения носителей традиционных словарей. «Ибо лучший способ причинить людям долго не проходящую боль – унижить их, представив все то, что кажется им самым важным как пустое, ветхое и бессильное.

Представим себе, что случится, если любимые безделушки ребенка – маленькие штучки, вокруг которых он сплетает свои фантазии и которые несколько отличают его от других детей, – переописаны как «хлам» и «выброшены». Или представим, что случится, если эти безделушки представить в нелепом свете рядом с безделушками другого, более богатого ребенка. Примерно что-то вроде этого случается с примитивной культурой, если она подавляется культурой более передовой. Подобного же рода вещи иногда случаются с неинтеллектуалами в присутствии интеллектуалов... Переописывающий ироник, угрожая нашему конечному словарю, тем самым нашим способностям осмысливать себя в своих собственных терминах, внушает, что наша самость и наш мир пусты, ветхи и бессильны. Новое описание зачастую унижает» [9, с. 123-124].

Изменение идентичностей требует новых дискурсов, но дискурсы не создаются из-за возникшего намерения найти новый словарь, новую символическую систему. Чаще всего приходится опираться на ресурсы наличного дискурса или на симбиоз традиционного дискурса с новыми элементами, заимствованными из словарей более развитых и адекватных современности. Попытки выйти из кризиса идентичности на основе традиционных дискурсивных практик приводят чаще всего или к усилению редукционистских тенденций или формированию «спутанной идентичности».

Намерения развивающихся стран, в том числе и постсоветских обществ, сформировать идентичность по демократическим и рыночным лекалам, пока не увенча-

лись успехом. Причина в несовместимости дискурсов и порождаемых ими идентификаций. Как предупреждал Э. Эриксон, возможности формирования идентичности ограничены «наборы социально значимых моделей, которые могут успешно сочетаться в процессе идентификации» [15, с. 63]. Этот вывод, к которому Эриксон пришел, анализируя формирование индивидуальной идентичности, верен и в отношении социальной идентичности.

Идентификационные тенденции на постсоветском пространстве как результат влияния наличных социокультурных ресурсов протекают под знаком доминирования примордиалистских ценностей и на основе логики упрощения [16, 17]. Такое состояние культурных ресурсов не позволяет рассчитывать в обозримом будущем на возникновение условий для формирования сложных моделей идентичности. Кругозор, потребности и перспективы большинства постсоветских людей В. Пелевин жестко диагностирует следующим образом: «они круче «мерседеса» ничего представить не могут... и все так деструктивно» [18, с. 217].

Пока ни примордиалистские, ни доступные модернистские идентификации не позволяют сформировать целостную и позитивную идентичность, ориентированную на будущее. Для идентичности постсоветских людей характерно преобладание спутанности, из которого они в основном пытаются выйти за счет усиления приверженности символам прошлого, чем настоящего [19, 20, 21].

В целом, происходит то, что и должно происходить. Поэтому надо ясно осознавать, что: «Именно вследствие того, что идентичности конструируются внутри, а не вне

дискурса, необходимо понять, что они создаются в специфических исторических и институциональных местах» [22, с. 4].

Наши трудности с формированием модернистских идентификаций объясняются их несовместимостью с более укорененными на нашем социокультурном пространстве идентификациями. Результаты идентификационных побуждений подтверждают выводы П. Бергера и Т. Лукмана, что «... любые идентификации возможны в пределах горизонта, открывающегося особым социальным миром» [23, с. 215].

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что, если идентичности являются дискурсивными феноменами, то их изменение возможно только через формирование нового или новых дискурсов. А их создание, в свою очередь, требует масштабных социокультурных инвестиций. Но их необходимость, как и дискурсивная основа идентичностей, у нас почти не отрафлексированы.

Список использованных источников:

1. Фуко М. Археология знания. Киев, 1998.
2. Акерлоф Д.А., Крентон Р.Е. Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М., 2011.
3. Фрэнсис Фукуяма Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019.
4. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. №4.
5. Хантингтон С. Кто мы? М., 2004.
6. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.

7. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
8. Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
9. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
11. Рорти Р. Обретая нашу страну: политики левых в Америке XX века. М., 1998.
12. Бхаскар Р. Общества. // Социо-Логос. М., 1991.
13. Макинтайр А. После добродетели. Екатеринбург, 2000.
14. Easthope A. British post – structuralism since 1968. – L.; N. –Y., 1988.
15. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
16. Nation – building in the Post – Soviet Borderlands. The Politics of National Identities. Cambridge. 1998.
17. Социальная идентификация личности. М., 1994. – Кн. 1-2.
18. Пелевин В. Generation «П». М., 2002.
19. Nasrany J. Post – Soviet chaos: violence and dispossession in Kazakhstan. L., 2002.
20. Килинен Я. «Прогресс и хаос». Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб., 2001.
21. Шайкемелев М. Казахская идентичность в контексте модернизации общества. Алматы, 2020.
22. Hall St. Introduction: Who needs «Identity» // Questions of cultural identity. L., 2001.
23. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГЕМА «ДРУЖБЫ НАРОДОВ» И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Имярова Зульфия Сулеймановна

Идея межэтнического согласия берет свое начало с советских времен, когда ключевой идеологемой являлся культ «дружбы народов», основанный на братстве, сотрудничестве и толерантности. Казахстан перенял эту систему межнациональных отношений – он считается «лабораторией дружбы народов», где процветают культура, традиции и языки этнических групп, и отличается этим от некоторых других постсоветских стран, где этнические меньшинства находятся в менее благоприятном положении. Однако, многочисленные исследования ученых показывают, что весь концептуальный аппарат государственного строительства, который опирается на советские различия между «народом» и элитами, между «титульными» и «меньшинствами» является весьма проблематичным для Казахстана [1] (Tutumlu & Imyarova, 2021). Термины предполагают, что 'нации' создаются рядовыми людьми, укорененными в исконно исторических местах, связанными языком и общими этническими традициями [2]. Усилия государства по преобразованию этого советского взгляда в единую современную объединенную нацию не привели к изменениям не только потому, что институты и подходы копировали методы

советской пропаганды [3], но и потому, что процесс нациестроительства в Казахстане носит замкнутый и изолированный характер [4]. Модель, навязанная сверху, существует параллельно с социальными изменениями на местах.

Однако, несмотря на пессимистические прогнозы многих ученых [5; 6; 7], с момента обретения независимости Казахстан смог сохранить стабильность и мир в многокультурном обществе и развил свою собственную модель национального единства [8] с несколькими представительными институтами¹ и инклюзивной языковой политикой (Закон об образовании, 2007). Ученые пытались объяснить эту стабильность способностью Акорды балансировать между гражданским и этническим национализмом [9; 10]. Существуют диссертации и научные исследования, написанные по казахстанской модели межэтнического согласия [11]. Авторы подчеркивают важность государственных институтов в управлении межэтническими отношениями. Действительно, модель функционировала относительно успешно до 2006 и 2007 годов, когда произошли конфликты в селе Шелек между казахами и уйгурами, в селе Маятас между казахами и курдами, между казахами и чеченцами в селах Маловодное и Казатком. А также конфликт в августе 2006 года,

¹ Указ Президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 года о создании Ассамблеи народа Казахстана в качестве консультативно-совещательного органа при Президенте Республики Казахстан. <https://assembly.kz/ru/ank/deyatelnost-assamblei-naroda-kazakhstana>;

Закон «Об Ассамблее народа Казахстана» №149-VI ЗРК. 27 апреля 2018 года. <https://assembly.kz/ru/ank/deyatelnost-assamblei-naroda-kazakhstana/>;

Положение об Ассамблее народов Казахстана // Собрание актов Президента РК и Правительства РК. 1995. № 87. Ст. 3.

когда несанкционированный митинг работников ОАО «Мангистаумунайгаз», требовавших повышения оплаты труда, перерос в погромы. Разгромлены несколько кафе и магазинов, принадлежащих лезгинам, чеченцам и азербайджанцам.

Далее, начиная с 2014 года межэтнические столкновения стали происходить ежегодно и приобрели более жесткие формы [12; 13; 14; 15]. Для решения этого вопроса президент К.К. Токаев после Кордайских погромов [17] предложил переселить молодежь из моноэтнических поселений в другие части страны [16]. Две государственные программы ‘Еңбек’ и ‘Серпін’, принятые при первом президенте Казахстана Н. Назарбаеве, были расширены и дополнены. В то же время официальные институты межэтнического мира, такие как Ассамблея народа Казахстана, Институт этнополитических исследований Министерства информации и социального развития использовали различные инициативы для укрепления и сохранения межэтнической стабильности. Они регулярно привлекали государственных чиновников и общественных деятелей из числа меньшинств к участию в учебных семинарах; вводили и издавали методические пособия по предотвращению конфликтов [18; 19; 20].

Современная научная литература интерпретирует межэтнические столкновения с помощью трех групп теорий:

Экономические теории основаны на теории социальной депривации, которая приписывает межэтническое насилие состоянию, когда этническое большинство не имеет доступа к ресурсам, контролируемым этническими меньшинствами [21]. Разновидность этих теоретиче-

ских интерпретаций рассматривает положение этнических меньшинств в экономических контекстах, таких как меньшинства, доминирующие на рынке [22, с. 69] или меньшинства среднего класса [23], когда малые этносы занимают определенные рыночные ниши благодаря своим сравнительным преимуществам. Согласно профессору Чуа: «рынки концентрируют богатство [...] в руках доминирующего на рынке меньшинства, в то время как демократия увеличивает политическую власть обедневшего большинства. В этих условиях стремление к демократии свободного рынка становится двигателем потенциально катастрофического этнонационализма, когда разочарованное «коренное» большинство легко становится мишенью политиков популистов, стремящихся направить его против более успешных этнических меньшинств» [23, с. 69]. Поскольку политическая власть принадлежит большинству, столкновения происходят с целью перераспределения имеющихся ресурсов. Теория относительной депривации объясняет почему конфликты не происходят там, где бизнес контролируется этническим большинством.

Вторая группа литературы опирается на теорию национализации государств Р. Брубейкера [24]. Суть данной теории в том, что вновь образованные национализирующие государства продвигают культуру этнического большинства, в то время как меньшинства отказываются или не могут вписаться в общество, этническое большинство стремится к ассимиляции при законной или незаконной поддержке правящего режима. Следует отметить, что, как правило, исследования нации и наци-

ональной идентичности Центральноазиатского региона рассматриваются через призму концепции Брубейкера. Как отмечает Герасимов: «Брубейкеру удалось создать более гибкую модель для учета ситуационной и исторической вариативности проявлений национализма и критически переоценить многие популярные в академической среде «мифы» о телеологии национализма, стремящегося в пределе к образованию собственного государства, миф о «возвращенном подавленном» национальном, восставшем после падения антинационального советского режима, или миф о разделении национализмов на западный и восточный» [25]. Однако, некоторые казахстанские исследователи критикуют Брубейкера и утверждают, что в межэтническом насилии виновато отсутствие последовательной стратегии государственного строительства [26].

Третья группа теорий отдает приоритет психологическим причинам насилия [27] и интерпретирует эскалацию погрома как попытку восстановить свое достоинство, утерянное этническими меньшинствами. Хотя эти теории предлагают провокационные интерпретации, они не могут объяснить динамику эскалации конфликта и конкретные методы насилия, такие как поджоги, угон скота, вандализм, избиения и даже убийства. Они также не могут объяснить, почему бытовые конфликты, казалось бы, спонтанно превращаются в межэтнические столкновения?

Анализ научной литературы показывает, что возникновению и развитию межэтнических конфликтов в Казахстане способствуют ряд факторов.

1. Двойной дискурс властей в зависимости от языка обращения [28]. В выступлениях на казахском языке политическая элита заимствовала больше этнических терминов, в то время как в разговоре на русском языке она опиралась на более гражданские значения. Другие дополняют эту точку зрения, критикуя правительство в ситуативном использовании мультикультурной политики [29]. Проблема усугублялась тем фактом, что правительство страны также отличалось туманностью в своих собственных идеологических посланиях народу, выдвигая идеи казахстанства, евразийства и казахскости [30]. В попытке охватить самую широкую аудиторию власть создала еще большую неопределенность и раскол поскольку многочисленные участники начали транслировать местнические и популистские лозунги на различных общественных платформах.

2. Казахоязычная пресса склонна разделять общество на казахов и неказахов, в то время как русскоязычная аудитория остается оторванной от этих дебатов и сосредоточена на многоэтническом восприятии страны [31].

3. Новое поколение молодых людей, не помнящих о Советском Союзе, больше не стремится поддерживать «дружбу народов» [32]. Молодежь менее терпима к либеральным идеалам прав человека [33]. Их видение рушится перед лицом растущего неравенства и бедности в Казахстане, особенно это заметно на фоне более благополучных этнических меньшинств. Лим считает, что, правительство, в первую очередь, должно сосредоточиться на решении проблем бедности в сельских районах для уменьшения вероятности этнических столкновений в будущем [21].

В целом, большинство авторов сходятся во мнении, что реализуемая в Казахстане политика нациестроительства оказалась малоэффективной с точки зрения формирования единой гражданской общности, которая изначально строилась на двойном дискурсе и двойственной системе ценностей. Поэтому властям приходится все труднее поддерживать декларируемую картинку «дружбы народов». В нынешних быстро меняющихся социально-политических реалиях современная казахстанская этнополитическая конфликтология требует новых теоретико-методологического подходов, основанных на инклюзивных моделях социально-экономического развития и переоценки идеологической и институциональной структуры в области национального единства. Один из ключевых практических выводов, полученных в последние годы, показывает, что национальное единство основывается на трех китах: «раннее развитие организаций гражданского общества, становление государства, способного равномерно предоставлять общественные блага на всей территории, и появление общего средства коммуникации» [34]. У Казахстана есть потенциал и возможность обеспечить наличие этих столпов в рамках государственной службы.

Список использованных источников:

1. Tutumlu A. & Imyarova Z. The Kazakhstani Soviet not? Reading Nazarbayev's Kazakhstani-ness through Brezhnev's Soviet people. // Central Asian Survey. – 2021. – 40:3. Doi. 10.1080/02634937.2021.1926924
2. Kolsto, P. Nation-Building in the Former USSR. // Journal of Democracy. – 1996. – 7:1. – 118-132.

3. Isaacs R., & Polese A. Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space: New tools and approaches First edition. – Routledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315597386>

4. Goode P. 2021. Becoming banal: incentivizing and monopolizing the nation in post-Soviet Russia. // Ethnic and Racial Studies. – 2021. – 44:4. – 679-697. Doi: 10.1080/01419870.2020.1749687

5. Bremmer I. Nazarbaev and the north: state-building and ethnic relations in Kazakhstan. // Ethnic and Racial Studies. 1994. – 17. – 619-635.

6. Khazanov A.M. After the USSR: Ethnicity and Nationalism in the Commonwealth of Independent States. – Madison: University of Wisconsin Press. 1995.

7. Schatz E. The politics of multiple identities: Lineage and ethnicity in Kazakhstan. // Europe-Asia Studies. 2000. 52:3. – 489–506.

8. Назарбаев Н. Идеиная консолидация общества – как условие прогресса Казахстана. Алматы, 1993.

9. O’Beachain D., and Kevlihan K. Threading a Needle: Kazakhstan Between Civic and Ethno-Nationalist State-Building. // Nations and Nationalism. – 2013. – 19:2. – 337-356. doi:10.1111/nana.12022.

10. Kudaibergenova D. Toward Nationalizing Regimes: Conceptualizing Power and Identity in the Post-Soviet Realm. University of Pittsburgh Press. 2020.

11. Якушева Ю.В. Динамика межэтнических отношений в Республике Казахстан (1991-2010 гг.). // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Москва-2015.

12. В казахстанском селе из-за убийства местного жителя произошли беспорядки. 2015. <https://lenta.ru/news/2015/02/06/murder/>

13. В Казахстане закрывают глаза на межэтнические конфликты. 2021. Проект института по освещению мира. CABAR.asia. <https://cabar.asia/ru/eksperty-v-kazahstane-zakryvayut-glaza-na-mezhetnicheskie-konflikty>

14. В Южном Казахстане предотвращены беспорядки на межнациональной почве. 2016. <https://regnum.ru/news/accidents/2161978.html>

15. Беспорядки в селе Карамурт на юге Казахстана. 2014. <https://rus.azattyq.org/a/draka-v-sele-karamurt-sairamskii-raoion-na-yuge-kazakhstanana/26554796.html>

16. Абженова Г. Как Токаев в дунганский народ ходил. 2020. <https://esquire.kz/kak-tokaev-v-dunganskiy-narod-hodil/>

17. Абитай А. Дело о самом кровопролитном межэтническом конфликте в Казахстане: приговор и несогласие с ним. Радио Азатык. 2021. <https://rus.azattyq.org/a/kazakh-court-sentences-51-people-over-deadly-2020-ethnic-clashes>

18. Джапаров А., Узарова Л., Кудеринов А. Методическое пособие по теме: «Современные инструменты информационной работы: формирование информационной повестки дня, медиаграмотность и фактчекинг». Под редакцией Калиева Т. Нурсултан: Институт прикладных этнополитических исследований. 2021. 124 с.

19. Накипбаева Ж., Өтеғали Д., Кобланұлы М., Методическое пособие по теме: «Организация аналитической работы в межэтнической сфере в регионах Казахстана» под редакцией Садвакасовой А. Нур-Султан: Институт прикладных этнополитических исследований. 2021. 98 с.

20. Накипбаева Ж., Өтеғали Д.Б., Кудеринов А., Қобланұлы М., Бейсекеев Г. Методическое пособие «социологические измерения этнополитики в Казахстане» Нур-Султан: Институт прикладных этнополитических исследований, 2021. 31 с.

21. Лим В. Корни межэтнических конфликтов. 30.06.21. Central Asian Bureau for Analytical Reporting (CABAR). <https://cabar.asia/ru/korni-mezhetnicheskih-konfliktov-v-kazahstane-i-sposoby-ih-ustraneniya>

22. Chua A. Markets, Democracy, and Ethnicity: Toward a New Paradigm for Law and Development. // Faculty Scholarship Series. Paper 341, Yale Law Journal. – 108:1. – 1998. – 1-108.

23. Bonacich E. A Theory of Middleman Minorities. American Sociological Review, 38 (5). 1973. С. 583-594.

24. Brubaker R. Nationalizing states in the old 'New Europe' – and the new. // Ethnic and Racial Studies. 1996. – 19:2. – 411-437.

25. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. Новое издательство. – 2010.

26. Kudaibergenova D. Compartmentalized Ideology: Presidential Addresses and Legitimation in Kazakhstan. In *Theorizing Central Asian Politics: The State, Ideology and Power*, edited by R. Isaacs and A. Frigerio. Cham: Palgrave Macmillan. – 2019. – 145-166.

27. Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Updated edition with a new preface. University of California press. Second edition. 2001.

28. Kudaibergenova D. The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-Independent Kazakhstan. // *Europe-Asia Studies*. – 2016. – 68:5. – 917-935.

29. Sharipova D., Burkhanov A & Alpeissova A. The Determinants of Civic and Ethnic Nationalisms in Kazakhstan: Evidence from the Grass-Roots Level. // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2017. – 23. – 203-226.

30. Laruelle M. The Three Discursive Paradigms of State Identity in Kazakhstan. *Kazakhness, Kazakhstanness and Transnationalism*. In *Nationalism and Identity Construction in Central Asia. Dimensions, Dynamics and Directions*, edited by M. Omelicheva. Lanham: Lexington Books. – 2014.

31. Sharipova D. The Decolonization of the Environment in Kazakhstan: The Novel Final Respects by Abdi-Jamil Nurpeisov. // *Nationalities Papers*. – 47:2. – 296-309. doi:10.1017/nps.2018.24.

32. Laruelle M. (Ed.), *The Nazarbayev Generation, Youth in Kazakhstan*. Lexington Books, Lanham, Boulder, New York, London. – 2019.

33. Junisbai B. & Junisbai A. Are Youth Different? The Nazarbayev Generation and Public Opinion in Kazakhstan. *Problems of Post-Communism*. – 2018. – 1:13. – 251-263.

34. Wimmer A. *Nation building: Why some countries come together while others fall apart*. Princeton University Press. – 2018.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ¹

Исмагамбетов Талгат Танатарович

В таком полиэтничном обществе как Казахстан оптимальный подход состоит в том, чтобы опираться на межэтническое согласие и политическую стабильность, предоставлять этническим группам самые разнообразные возможности и условия для свободного и полноценного развития личности гражданина. Гаагские рекомендации ОБСЕ предлагают различные варианты таких возможностей, руководствуясь тем, что право на образование есть составляющая прав человека и призвано обеспечить полноценное свободное развитие человеческой личности, независимо от этнической принадлежности. Именно на этом основывается понимание роли этнокультурного образования как важной части формирования культуры межэтнического общения.

Концепция этнокультурного образования в Казахстане, одобренная распоряжением Президента Республики Казахстан (№3058 от 15 июля 1996 года), определила четыре главные функции этнопедагогического образования:

1) транслирующую, т.е. этнос, как носитель культуры, является целостным и преемственным;

¹ Исследование проводилось в рамках финансирования КН МОН РК научного проекта №АР09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан».

2) развивающую, т.е. образование способствует формированию и развитию национального самосознания;

3) дифференцирующую, т.е. образование способствует этнической идентификации народа, населяющего Казахстан, выявлению потребностей этнических групп;

4) интегрирующую, т.е. обеспечение взаимообогащения и взаимопроникновения культур, интеграция личности в мировой и национальной культуре, вхождение личности в мировое пространство [1].

Второй и четвертый пункты взаимосвязаны, поскольку без интеграции посредством взаимопроникновения и взаимного обогащения культур этносов не представляется возможным развитие формирования и совершенствование общенационального, надэтнического самосознания граждан страны.

Этнокультурное воспитание: мероприятия и программы

Этнокультурное воспитание отражено в имеющих место программах и мероприятиях учебных заведений Республики Казахстан по формированию культуры межэтнического общения. Для проведения мероприятий, например, конкурса или викторины разрабатывается в школах соответствующее Положение. О мероприятиях информируется районное управление образования. В целом, мероприятия в разных школах имеют много общего, поскольку процесс проведения мероприятий направляется инструктивно-методическими материалами МОН РК.

Учебные программы и планы применяются на основе документов Национальной академии образования им. И. Алтынсарина. Рекомендации по их применению разрабатываются ИПК «Орлеу». Таким образом, процесс этнокультурного воспитания в школах имеет организующее, централизующее начало. Этнокультурное образование в среднем образовании подразделяется на две составляющие:

1) В процессе преподавания истории. Так, процесс появления народов в Казахстане входит в курс «История Казахстана»: в 7 классе – переселение уйгур и дунган; также в 7 классе приводится урок о казачестве (Уральское, Сибирское, Семиреченское казачьи войска при царизме) и параграф «О приходе русских в Казахстан», в 9 классе – депортация корейцев в 1937 г. и депортация в Казахстан ряда народов в годы Великой Отечественной войны.

2) Проведение мероприятий по этнокультурной тематике приурочены в школах к следующим датам: к 1 мая – Дню единства народа Казахстана, и к 5-22 сентября – Дню языков. Согласно постановлению правительства «Об утверждении перечня праздничных дат в РК», праздник отмечают каждый год 5 сентября. Первоначально по Указу Президента РК Н. Назарбаева праздник отмечался 22 сентября. С 2017 г. решением Правительства праздник перенесен на 5 сентября, так как в этот день в 1872 г. родился Ахмет Байтурсынов, казахский просветитель и ученый-лингвист.

В школах мероприятия проводятся, как правило, по классам.

В начальной школе проводятся викторины. Так, в 18-й школе-гимназии г. Алматы для воспитания уважения и

любви к истории, культуре и традициям народа, во 2 «д» классе прошла викторина «Моя Родина -Казахстан» [2].

В 7-8 классах дети демонстрируют презентации о народе. В 9-10 классах информационные классные часы.

В проведении общешкольных мероприятий учителям содействуют члены школьного совета «Жас улан» - по одному избранному от каждого из детей 5-11 классов. Младшие спутники «жас улановцев» – дети из организации «Жас кыран» (1-4 класс) в большей степени организуются классными руководителями. Так, в сентябре 2021 г. проводились классные часы к 30-летию независимости Республики Казахстан.

Ниже приводятся некоторые материалы, размещенные на сайте школы-гимназии №18 г. Алматы:

1) 23 декабря 2018 г. в 10 классе конкурс патриотической песни «Нет в мире страны краше, чем Родина наша»;

2) 29 апреля 2020 г. классные часы в 7-х классах «Живет в мире и согласии народ Республики Казахстан»;

3) 12 декабря 2020 г. онлайн-викторина «Семь граней независимости»;

4) 2 июня 2021 г. прошли беседы с целью воспитания чувства патриотизма, любви и уважения к Родине.

При общей направленности, судя по материалам размещенным на сайтах школ, есть различия в мероприятиях, проводимых в разных школах. Так, на сайте школы-гимназии №18 г. Алматы есть материал об участии детей в конкурсе плакатов против эксплуатации детского труда. В рамках Национальной информационной кампании по борьбе против эксплуатации детского труда учащиеся 7-8 классов 10 июня 2021 г. приняли участие

в конкурсе плакатов «Добиться цели - покончить с детским трудом!» [3].

В уйгурской многопрофильной гимназии №153 г. Алматы с 17 февраля 2021 г. проведена декада казахского языка и литературы [4].

На сайте этой школы размещено видео «С чего начинается Родина?» [5]. В этом видео говорится о многоязычии, полиязычности вообще, а применительно к Казахстану с 4-6 минут о языке, роли передачи культуры и души народа, стабильности, с 21 мин 24 секунды есть упоминание о том, что есть этнолингвистический конфликт.

75-я школа-гимназия Есильского района г. Нур-Султан разместила планы работы в концептуальном виде, почти не уделяя внимания календарю проводимых мероприятий, в отличие от алматинской школы №18 [6].

В чисто концептуальном стиле сказано, что особенностью воспитательной работы в 75-й школе-гимназии Есильского района г. Нур-Султан является внедрение в 2020-2021 учебном году в общеобразовательных школах страны ценностно-ориентированного подхода к обучению посредством реализации проекта «Образование, основанное на ценностях».

Целями этого проекта в сайте школы заявлены:

- развитие общечеловеческих, национальных и семейных ценностей, направленных на обеспечение духовно-нравственного развития обучающихся;
- формирование самосознания, саморазвития, социальной ответственности и социализации;
- воспитание экологической культуры, здорового и безопасного образа жизни.

На сайте школы отмечено, что «хорошие качества должны передаваться не с точки зрения «делай, как я говорю», а с точки зрения «делай, как я» [7].

В целом, мероприятия в разных школах имеют много общего, поскольку процесс проведения мероприятий направляется инструктивно-методическими материалами МОН РК.

Имеется специфика этнокультурного воспитания в школах на русском, казахском, уйгурском языках обучения. Так, мероприятия по ознакомлению с историей, культурой и обычаями народов больше проводятся в школах на русском языке обучения, что понятно из их полиэтнического состава.

В уйгурской школе отдельное внимание уделено многоязычию, роли языка в передаче культуры и души народа.

В казахской школе больше внимания уделяется развитию национальных и семейных ценностей, соотношению традиции и современности для обеспечения духовно-нравственного развития обучающихся.

В целом, этнокультурное образование в Казахстане ориентировано на ознакомление с культурами этносов и воспитание толерантности, уважения, но несколько затрудняясь в выполнении интегрирующей функции - обеспечения взаимообогащения и взаимопроникновения культур.

Контингент учащихся и содержательные моменты этнокультурного образования

Статистический сборник за 2021 г. представляет данные по школьному образованию в Казахстане за 2016-

2019 гг. В 2019 г. насчитывалось 2 055 городских и 5 338 сельских школ. Из них интерес представляют дневные общеобразовательные школы: 2 010 городских и 5 309 поселковых и сельских [8, с. 64]. Оставшиеся 45 городских и 29 сельских школ относятся в основном к вечерним школам. Существует тенденция сокращения общего числа школ из-за ликвидации малокомплектных.

В 2019 г. обучалось в школах на казахском языке 1 458 433 и 797 757, на русском языке обучения 403 927 и 95 844, узбекском 8 333 и 3 712, других языках обучения 7 749 и 1 871.

Следует отметить школы со смешанным языком обучения. В них в 2019 г. всего училось 1 459 341 учащихся, из них 724 735 на казахском языке, 644 106 на русском языке, на узбекском языке – 76 166, уйгурском – 9 740, таджикском – 3 731, английском – 853, французском – 10 школьников [8].

2021-2022 учебный год закончило, по данным Бюро национальной статистики, рекордное за 20 лет количество школьников – 3 597 159 учеников.

Этнокультурное воспитание продолжается в вузах, где большее место имеет самостоятельная работа студентов, включая их участие в научно-практических конференциях. Например, в работе Стратегической сессии «Особенности реализации модели общественного согласия и общенационального единства Н.А. Назарбаева в городе Алматы», проведенной 11 ноября 2021 г. в Доме Дружбы города Алматы, участвовали студенты [9]. Тематика включала следующие вопросы:

- Механизмы развития модели общественного согласия и общенационального единства Елбасы Н.А. Назарбаева в городе Алматы;

- Полиэтничность и полилингвальность современного Алматы;
- Сравнительный анализ культурной и языковой ситуации в Казахстане и Узбекистане;
- О социальном самочувствии горожан в контексте общественного согласия в городе Алматы;
- Роль субъектов политической социализации в реализации модели общественного согласия и общенационального единства в городе Алматы;
- Трансграничность расселения этносов в контексте модели общественного согласия и общенационального единства.

Активны в привлечении студентов те вузы, где существуют кафедры Ассамблеи народа Казахстана, поскольку основная задача их деятельности – это воспитание культуры межэтнических отношений. Содержательные моменты, которые необходимо принимать во внимание в проведении мероприятий и составлении программ по этнокультурному образованию в среднем и высшем образовании, достаточно полно выявлены в процессе социологического исследования по культуре межэтнического общения, включавшего 24 глубинных интервью с экспертами и 24 экспресс-интервью. Полевые работы были выполнены Центром изучения общественного мнения (ЦИОМ) по заказу Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК в рамках Календарного плана исследований проекта «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан».

24 глубинных интервью были проведены с экспертами – учеными, журналистами, политологами, преподавателями и учителями истории и обществоведения, активистами гражданского общества Алматы и областных центров.

В разрезе регионов РК эксперты представлены следующим образом:

Алматинская область – 8 экспертов;
Жамбылская область – 5 экспертов;
Туркестанская область – 8 экспертов;
Город Алматы – 3 эксперта.

Роль и место этнокультурного воспитания выявлено в ходе 24 экспресс-интервью с представителями государственных органов и общественных объединений.

В разрезе областей эксперты представлены следующим образом:

Алматинская область – 8 экспертов;
Жамбылская область – 8 экспертов;
Туркестанская область – 8 экспертов;

Также было проведено 13 фокус групповых дискуссий (ФГД): по 2 ФГД в отдельных районах/сёлах каждой из областей (Туркестанской и Жамбылской); в Алматинской области проведено 5 ФГД.

В ходе глубинных интервью и ФГД выявлены различия запросов разных этнических групп, в частности востребованность одних функций этнокультурного образования и недостаточное внимание к некоторым другим его направлениям.

Со стороны государства дифференцирующая функция недостаточно задействована, и ряд представителей

таких этнических групп как уйгуры, дунгане, курды, таджики в предшествовавших исследованиях по данному проекту указывали на практически полное отсутствие среди молодого и среднего возраста их этнических групп людей, имеющих, например, творческие профессии, которые могли стать созидателями, творцами или хотя бы ретрансляторами национальной культуры. Для уйгуров вопрос является злободневным: отмечается недостаточность кадров учителей. Так, в г. Жаркент 21 апреля 2022 года на фокус-группе из 12 человек был поднят вопрос о том, что ранее в КазНПУ имени Абая было всего 7 мест для выпускников направляемых в уйгурские школы, из них 4 гранта для учителей уйгурских школ по предмету национальной филологии, а в 2021 г. на эти гранты даже не смогли набрать абитуриентов-уйгуров и из-за этого сократили число грантов всего до двух. *«В этом году спохватились вроде, приехали представители КазНПУ, проводили собрание, что надо позаботиться в этом году о том, чтобы направить абитуриентов, но места то потеряны и количество их уменьшилось»*. Напомним, что этнокультурное образование должно способствовать этнической идентификации и выявлению потребностей этнических групп.

С одной стороны, есть поселки, такие как с. Улкен Карасу, в 20 километрах от Чунджи, центра Уйгурского района Алматинской области. В Улкен Карасу обучение в школе ведется на казахском, уйгурском и русском языках, и процесс интеграции привел к тому, что по мнению интервьюеров: *«...в селе, где 99% населения – уйгуры, все замечательно говорят на казахском языке. Мы сами не могли отличить, где казахи, а где уйгуры, так все смешались,*

все языки разные знают, нормально общаются. Временами казалось, а может вообще не надо обращать внимание на различие? Там в Улкен Карасу люди говорят – не надо различать нас, в паспорте надо писать – гражданин Казахстана, зачем дополнительно делиться».

Дифференцирующая функция, однако, может быть не в гармонии с транслирующей функцией, когда этнос как носитель этнической культуры не показывает себя цельным в отношении преемственности и усвоении культурных ценностей. Так в ходе интервью в г. Чилик прозвучало и такое мнение: *«Вам надо поехать в Чунджу, Байсеит, в села, где проживают большинство уйгуров. ...Чиликские говорят – это мы здесь не настоящие уйгуры стали, но мы с казахами мирно живем. А там они (в Чундже и Байсеите) особо мирно не живут, потому что они казахов к себе не пускают».*

Проблема в отношении интеграции этносов высказана на уйгуром, 66 лет, пенсионером: *«Вот примерно в Казахстане проживает около 135 национальностей. В парламенте, в мажлисах сидят большинство казахов. Там нет ни одного уйгура, есть около двух русских, а из других наций есть или нет, не знаю. Например, уйгуров нет в Маслихате и в Парламенте. ...Возьмем, к примеру, телевидение, показывают для большинства казахов, и мы смотрим казахские концерты и т.д. Почему не выходят представители других национальностей? Есть театр уйгуров, школы уйгурские. Спасибо, конечно, что смотрят за этим! Есть несколько наших газет, но телеканалов нет. Есть молодежные кружки уйгуров, русских, корейцев, дунган, почему они не выходят на телеканалы? Ведь они же тоже жители Казахстана?».*

Система образования и улучшение межэтнических отношений

В ходе глубинных интервью подтвердилось, что система образования обращена на улучшение культуры межэтнических отношений. Вместе с тем, важно знать насколько эффективны эти образовательные мероприятия.

В вузах мероприятия по этнокультурному воспитанию предстают подчиненными по отношению к другим политическим и культурным моментам, например, модернизации общественного сознания. Судя по выступлениям студентов на вышеприведенной «Стратегической сессии «Особенности реализации модели общественного согласия и общенационального единства Н.А. Назарбаева в городе Алматы», конкретные, прикладные моменты этнокультурного образования не обсуждались. Например, вопрос о взаимном обогащении культур этносов как последствия двухъязычия, практически не рассматривался.

Кстати, в экспресс-интервью главный специалист аппарата акима Жетигенского сельского округа Илийского района Алматинской области в ответ на вопрос: «Что Вы предложили бы для снижения конфликтного потенциала в вашем сельском округе?» предложил то, что побуждает к взаимодействию, в данном случае – спорт: *«При проведении спортивных мероприятий люди объединяются, они вместе общаются и тем самым формируются хорошие отношения. Также это происходит благодаря пропаганде здорового образа жизни среди населения, люди объединяются*

одной идеей и занимаются вместе спортом». По существу, это приближение к применению развивающей функции этнокультурного образования – формировать и развивать общенациональное самосознание.

Необходимость снижения остроты языковой проблемы и тем самым усиления интегрирующей функции этнокультурного образования отметил в экспресс-интервью член АНК, представитель уйгурской молодежи Алматы и Алматинской области. Его ответы заслуживают достаточно полного отражения:

«Какие мероприятия проводят органы образования по этнокультурному воспитанию школьников и отдельно студентов?»

– При каждой школе с русским языком обучения есть кружки, там дополнительно обучение по языку, государственному, так и родному для тех, кто является представителями этнической группы. Проводятся по культурному развитию различные кружки, танцы и др. Такие работы с учениками влияют на развитие национальной культуры.

– А какие мероприятия проводятся для студентов?

– У нас мероприятия проходят периодически по плану. Во-первых, Союз уйгурской молодёжи Казахстана. Его двери открыты для каждого студента, и это могут быть не только уйгуры. Если конкретно говорить о нашей этнической группе, то мы знакомы с уйгурами разных университетов, и они представляют нас в них. 1 мая – День единства народов Казахстана, почти в каждом университете проходят выставки, концертные программы, и вот они представляют нас, и мы помогаем им. Они являются и нашими волонтерами, мы оказываем им поддержку.

– А со стороны органов власти, какие мероприятия проводятся для улучшение толерантного климата?

– Это фестивалы, массовые мероприятия, где проходят те же самые выставки, национальные танцы, и это формирует толерантность и единство. Второе, это открытые уроки в школах. Акимат поддерживает наши этнокультурные объединения в разных вопросах. Они участвуют в быту, где компактно проживают уйгуры и казахи. У нас есть структура, которая хорошо контролирует тесные взаимодействия этносов, и акиматы представляют поддержку. Они конкретно занимаются какими-то конфликтами, встречаются со старейшинами. Вот такую поддержку наших традиций и культуры они оказывают в действии.

– Какие проблемы имеются у кандасов?

Кандасы не все интегрированы в общество, скажем так. У кандасов сложился свой менталитет, и из-за этого на бытовом уровне, зачастую где-то бывают конфликты. По мне, так кандасов нужно больше осовременить. С ними надо работать в направлении современности. У них свой менталитет, который не совпадает с коренными гражданами Казахстана, не важно какой национальности.

Наличие стереотипов и предвзятого отношения как препятствующих проявлениям развивающей и интегрирующей функций, отмечены в глубинном интервью, проведенном с ответственным чиновником Департамента общественного развития Алматинской области, г. Талдыкорган:

«...В таком районе, как Уйгурский, казахских детей заставляют изучать уйгурский язык, даже если они живут в

Казахстане. С корейцами есть напряжение, но ненависти к ним нет. Хотя во время мониторинга прозвучало замечание, что «не делитесь на нации», есть много мнений, что «пусть уйгуры знают свое место, казахи – хозяева Казахстана».

Стремление к интеграции посредством казахского языка выражено в глубинном интервью с экспертом, дунганином по этнической принадлежности: «...Даже если мы добьемся и закончим школу, то дунганский язык мы завтра нигде не применим, поэтому я не добивался его знания. Но у нас нет специалистов по казахскому языку, преподают казахский язык, но без образования. ...Сейчас 3-4 поколения, которые закончили школу на дунганском языке, они, я считаю, неучи. Кто-то знает казахский язык, но они знают только разговорную речь. В прошлом году столкнулся с такими, они приехали сюда, на работу устроились, писать не могут грамотно, ни по-казахски, ни по-русски, только разговорную речь знают, это неправильно. ...В этом году, я обращался в Министерство образования: «Выделите, пожалуйста, гранты для наших студентов, которые именно с Корея. Они приезжают поступать и естественно у них знания намного ниже, чем у городских. Поэтому дайте им гранты без конкурса. Не надо нам какие-то юридические, экономические факультеты. Педагогические дайте, пускай они учатся. И я вам даю слово, что они обратно в село вернутся». У городских школьников знания лучше, и они остаются в городе. А я говорю, если сельским эти гранты дать, они вернутся в село и будут преподавать, и будут у нас свои специалисты».

То, что «на местах» существуют некоторые вопросы языковой дискриминации отмечено в экспресс-интервью представителя секретариата областной Ассамблеи

народа Казахстана управления внутренней политики акимата Жамбылской области: «...у нас есть планы по предотвращению языковой дискриминации и не ущемлению прав каждого гражданина, а также другие планы и общие работы, направленные на внутреннюю стабильность. Активное участие в их совместной работе принимают все Управления...».

– Проведение мероприятий по этнокультурному образованию ...давно считается нормой, и обязательно проводится на уровне всех образовательных учреждений, эти все мероприятия несут воспитательную функцию, по межэтническому воспитанию обязательно везде также участие членов АНК и этноорганизаций. Так, через развитие спорта привлекаем детей и укрепляем их тесную связь со спортом, с духом соревнования, дружбу друг с другом. Это очень хорошо, проводить такие мероприятия, организовывать соревнования для детей, это воспитание по многим направлениям», – отмечается в экспресс-интервью представителя отдела внутренней политики по работе с населением по Енбекшинскому району, территории Казыгурта Туркестанской области.

Необходимость системного взгляда на этнокультурное образование

В вышеприведенных интервью представлена достаточно объемная палитра состояния этнопедагогического образования в контексте воспитания культуры межэтнических отношений. Целевым ориентиром для этнокультурного образования является преодоление ограниченности только этническими нормами, стереотипами и

укрепление интегрирующей функции, т.е. обеспечение взаимообогащения и взаимопроникновения культур, интеграция личности в мировую и национальную культуру, вхождение в мировое культурное пространство.

Таким образом, становится необходимым определить системный взгляд: какой тип культуры предпочтителен при взаимообогащении культур этносов нашей страны. Как правило, предполагается евразийский тип культуры. Казахстанский исследователь Божбанбаев Б.М. считает: «Основой казахстанской цивилизации является евразийский тип культуры. При этом, философская сущность модели казахстанской цивилизации заключается в том, что предоставляется возможность возродить свои культурные, эстетические ценности не только казахскому народу, но и всем этническим группам, проживающим на территории Казахстана.

Государственный язык сегодня неразрывно связан с такими понятиями, как культурная целостность, которая в ходе модернизации национального сознания является важнейшей государственной задачей, формирующей национальное единство и гражданский патриотизм. Национальное сознание и государственный язык неразрывно связаны друг с другом. Государственный казахский язык - один из основных культурных символов независимого Казахстана. Государственный язык – главный ключ к национальному сознанию. Язык – основа нации, основа нашего государства. Это основа национального сознания, бытия, духовной энергии народа, которая является важнейшим атрибутом патриотического воспитания молодежи. Язык – наша государственная, национальная ценность [10].

ма правильные слова о значении языка в культуре оставили в стороне важный вопрос о различии языкового вопроса для русского и для уйгура, для дунганина и казаха.

На наш взгляд, прирастать интегрирующая функция может только при принятии во внимание различных обстоятельств, имеющих место в разных местностях – городах, поселках и селах Казахстана. Теория обогащается и становится практичной при обращении к фактам повседневности.

Выводы и рекомендации

Существует проблема обратной связи в отдельных аспектах выполнения транслирующей функции: неактивность заинтересованных лиц совпала с пассивностью лиц из управленческого аппарата профильного министерства и возник вопрос о нехватке достаточного числа учителей по уйгурскому языку.

В целом, этнокультурное образование в Казахстане ориентировано на ознакомление с культурами этносов и воспитание толерантности, уважения, затрудняясь в выполнении интегрирующей функции - обеспечению взаимообогащения и взаимопроникновения культур.

Интегрирующая функция может быть выполняема только в случае полноценной реализации иных трех функций этнокультурного образования: когда задействована транслирующая функция и данный этнос предстает цельным, без внутреннего разлома по линии «традиция-современность»: как носитель культуры модернизированных к современности традиций;

- когда образование содействует развивающей функции, способствуя формированию и развитию общенационального самосознания граждан;

- когда взаимообогащение культур этносов опирается не на стремление к ассимиляции, а на потребность каждой из этнических групп сохранить собственную неповторимую этническую идентификацию со стремлением к развитию норм и ценностей, конкурентоспособности в сообществе равных возможностей для граждан Казахстана.

В контурах Нового Казахстана необходимо придать приоритетное значение выполнению развивающей и интегрирующей функций этнокультурного образования. При этом, интегрирующая функция выполнима только при реализованности функции развивающей.

В порядке совершенствования обратной связи власти и общества инициативу необходимо проявлять государственным органам, в частности, профильным министерствам. Должное внимание необходимо уделять запросам этнических групп по выполнению транслирующей функции в отношении модернизации этнических традиций и ценностей и дифференцирующей функции – сохранению собственной этнической уникальности.

Список использованных источников:

1. https://adilet.zan.kz/rus/docs/N960003058_ (дата обращения: 10 апреля 2022 г.).
2. <http://18.alschool.kz/meroprijatija-prazdniki/2011-dlja-vospitanija-uvazhenija-i-ljubvi-k-istorii-kulture-i-tradicijam-naroda-vo-2-d-klasse-proshla-viktorina-moja-rodina-kazahstan.html> (дата обращения: 29 мая 2021 г.).

3. <http://18.alschool.kz/meroprijatija-prazdniki/2012-v-ramkah-nacionalnoj-informacionnoj-kampanii-po-borbe-protiv-jekspluatacii-detskogo-truda-uchaschiesja-7-8-klassov-prinjali-uchastie-v-konkurse-plakatov-dobitsja-celi-pokonchit-s-detskim-tru.html> (дата обращения: 30 мая 2021 г.).

4. <http://153.alschool.kz/index.php?newsid=1538> (дата обращения: 30 мая 2021 г.).

5. <http://153.alschool.kz/index.php?newsid=1568/>. (дата обращения: 30 мая 2021 г.).

6. <https://75shg-bilim.edu.kz/nachalnaja-shkola/uchebnyj-plan> (дата обращения: 20 мая 2021 г.).

7. <https://75shg-bilim.edu.kz/plan-raboty/>. (дата обращения: 30 мая 2021 г.).

8. Қазақстан Республикасындағы білім беру Образование в Республике Казахстан 2016-2020 Статистикалық жинақ Статистический сборник. – Нұр-Сұлтан, 2021. – 236с. – С. 64, 67.

9. <https://kaznai.kz/ru/4767-2/> (дата обращения: 10 апреля 2022 г.).

10. Божбанбаев Б.М. Межкультурное взаимодействие в контексте сближения культур как основа цивилизационного развития Казахстана // Материалы Международной научно-практической конференции «Экономика, экология, агрополитика и подготовка кадров», посвященной 70-летию государственного и общественного деятеля, доктора экономических наук, академического профессора Шаменова Атамурата Муралиулы, 05 января 2021 года. – С. 74-77.

КОНЦЕПЦИЯ КОРЕННОГО НАРОДА В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ¹

Кадыржанов Рустем Казахбаевич

Национальные процессы в постсоветских государствах уходят своими корнями в советское и даже досоветское прошлое. Несмотря на определенные различия в национальных процессах советского и постсоветского периодов, их преемственность проявляется в способах и методах реализации национальной политики, применяемых концепциях, восприятии обществом межнациональных отношений и т.д.

В данной статье мы проанализируем одну из главных концепций национального строительства в Советском Союзе, которая обеспечивает преемственность национальных процессов в советский и постсоветский периоды в истории постсоветских государствах и в то же время раскрывает их существенные различия. Речь идет о концепции коренного народа, игравшей важную роль в национальной политике СССР и продолжающей оказывать решающее влияние на национальное строительство в новых независимых государствах на постсоветском пространстве.

Коренные народы представляли собой особенную и в то же время достаточно большую по численности группу

¹ Исследование проводилось в рамках финансирования КН МНВО РК научного проекта №AP08856174 «Культурные основания национального строительства в Казахстане».

народов в СССР и на постсоветском пространстве. Это те народы, которые в течение достаточно длительного исторического периода времени проживали на определенной территории, а в советский период эта территория получила от коммунистического режима определенный административно-национальный статус в рамках этно-территориальной федеративной организации советского государства.

В СССР существовала иерархия статусов национальных образований, составлявших этно-территориальную федерацию, начиная от союзных республик на вершине иерархии. Вслед за союзными республиками шли автономные национальные республики в составе РСФСР и других союзных республик, с автономными областями на следующем низшем по статусу уровне и заканчивая автономными округами и районами в самом низу иерархии этно-территориальной федерации.

В основе концепции коренного народа лежала привязка определенного народа к территории его проживания в течение достаточно длительного периода времени, по крайней мере до того момента, как эта территория приобрела определенный политический статус в СССР. Поскольку в основе классификации населения СССР лежал этнический, а не, например, религиозный, принцип, то все население страны было разделено на нации в этническом смысле этого понятия.

Национальность, понимаемая как этническая принадлежность, имела важнейшее значение для граждан Советского Союза. Этническая национальность была не только статистической категорией, применяемой в переписях и других формах учета населения. Гораздо важнее то, что это

была обязательная и документально зарегистрированная правовая категория, ключевой элемент правового статуса личности. В некоторых контекстах, касавшихся, например, доступа к высшему образованию или получения определенных видов рабочих мест и должностей, принадлежность к коренной нации играла большую роль [1, с. 31].

Поскольку этническая группа проживала на определенной территории, то этой территории, так же, как и группе, присваивался статус этнической территории, а сама территория получала название по имени этноса, который исторически на ней проживал. Поэтому СССР был разделен на пятнадцать союзных национальных республик, названных по имени коренного народа республики. После распада СССР новые независимые государства сохранили в своем названии этноним коренного народа бывшей союзной республики, обеспечивая тем самым преемственность с советским прошлым в национальном и территориальном отношении.

Важно при этом отметить, что статус коренного народа определенный этнос получал от правящего коммунистического режима только на «своей» территории, то есть на той территории, которую режим определил за этим народом и именем которого эту территорию назвал. Например, казахи были коренным народом только в Казахстане, но проживавшие веками в современном Узбекистане казахи не были в нем коренным народом со всеми вытекающими отсюда политическими, социальными, культурными и иными последствиями в аспекте обладания определенными правами и привилегиями в республике проживания.

Концепция коренного народа – это изобретение советского правящего режима, коммунистической политики национального строительства среди народов СССР. В царской России в основе политического отношения к многочисленным присоединенным в ходе расширения империи народам лежала религия. Народы христианской веры принадлежали в иерархии народов России к более высокому уровню и потому обладали большими правами, чем нехристианские народы. В этом смысле христианские народы России были равны или приближались в правовом отношении к главному народу империи – русским.

Нехристианские народы Российской империи, в том числе мусульмане, определялись властями как иноверцы, то есть как люди иной веры, и потому как народы более низкого культурно-цивилизационного уровня. Понятия «коренной народ» в царской России не было. Его аналогом было понятие «туземцы». Этим понятием в России, как и в других империях, обозначался местный колониальный народ. В Российской империи понятие «туземцы» относилось к народам Центральной Азии, в том числе к казахам, и имело выраженный уничижительный смысл.

Пришедшие к власти в России в 1917 г. большевики изменили подход к национальному вопросу, объявив себя как антиимпериалистическую и антиколониальную силу, стремящуюся превратить Россию из «тюрьмы народов» в страну «свободных наций». Для этого большевикам надо было превратить колониальные народы царской России в нации в новой социально-политической

системе. В этой трансформации, основанной на национальной политике коммунистического режима, большую роль сыграла концепция коренного народа.

Роджерс Брубейкер раскрывает советскую национальную политику как состоящую из двух основных компонент – территориальной нации (*territorial nationhood*) и персональной национальности (*personal nationality*), то есть национальности отдельного человека. Советские институты территориальной нации и персональной национальности создали проникающую через все советское общество систему социальной классификации. Это был организующий «принцип видения и разделения (*vision and division*)» социального мира, стандартизованная схема социального отчета, интерпретативная координатная сетка для общественной дискуссии, совокупность пограничных маркеров, легитимная форма для общественной и частной идентичности и, когда политическое пространство расширилось при Горбачеве, готовый шаблон для требований суверенитета национальными республиками [1, с. 24].

Из более чем ста национальностей в СССР пятьдесят три были территориальными нациями, или коренными народами, то есть обладали своими государственно-территориальными образованиями в виде союзных республик, автономных республик, автономных областей, округов и районов. Это значит, что практически все более или менее крупные и компактно проживающие национальности получили от советского режима статус коренной нации. Только демографически малочисленные народы с численностью не более нескольких тысяч человек не имели

территориального статуса, то есть административно-правовой привязки с территорией своего исторического проживания. Даже евреи, обладавшие достаточно большой численностью, но не имевшие в Советском Союзе и России исторической территории компактного проживания, получили от советского режима территориальное образование в виде Еврейской автономной области на Дальнем востоке СССР. Это был, конечно, символический дар советской власти, но имевший политическое значение, поскольку Еврейская автономная область как национальное образование возникла раньше Израиля.

В целом статус коренного народа в рамках советской национальной политики давал ему определенные привилегии в «своей» республике. Как отмечает Пал Колсто, имея, якобы, более глубокие корни в республике по сравнению с другими проживающими в ней народами, коренной народ воспринимал как должное привилегированные позиции в определенных сферах [2, с. 107]. С одной стороны, республики были в первую очередь частью СССР, где все граждане, независимо от их национальности, имели равные права и обязанности. С другой стороны, национальные республики в СССР институционализировались как государственность своего коренного народа, который в силу этого получал определенные преференции в различных сферах социальной жизни республик.

Своего наибольшего размаха политика преференций коренному народу в национальных республиках достигла в 1920 – начале 1930-х гг. В дальнейшем эта политика, получившая название «коренизация», стала свертывать-

ся, поскольку центральная власть в СССР начала ставить акцент в национальной политике в сторону русского народа, русской культуры и языка. Тем не менее в республиках политика поддержки представителей коренного народа в вопросах образования, их выдвижения на руководящие должности в организациях и предприятиях, государственных органах продолжалась на протяжении всего советского времени при негласной поддержке центральной власти [1, с. 38].

Концепция коренного народа имела главное значение для утверждения и функционирования национальных образований в виде союзных и автономных республик, областей и т.д. Эти национальные образования были формой национальной государственности в условиях советской социально-политической системы. Они не могли создать политического фундамента для создания нации и национального государства на своей территории, поскольку не обладали важнейшим для этого условием национальной автономии. Из этих форм советской национальной государственности для коренных народов наиболее приближенными к статусу национального государства были союзные республики, которые в 1991 г. в результате распада СССР достигли статуса независимых национальных государств. Для этого еще в рамках советской национальной системы в союзных республиках были созданы необходимые предпосылки административного и культурного характера, а после 1985 г., в период перестройки, возникли предпосылки политического характера, тесно связанные с концепцией коренного народа.

Важное значение для образования и функционирования союзных и автономных республик и областей и других национальных территорий имел способ их названия по имени коренного народа. В этом состояло одно из главных отличий названия национальной государственности в СССР и, например, в Африке и других регионах мира. В СССР национально-государственные образования получали свое название от имени коренного народа, населявшего эти образования. В Африке новые независимые государства, бывшие колонии, имеют, как правило, названия географического характера, от названий местностей, рек, озер и других объектов расположения этих государств. Поэтому возникшие в этих государствах нации, объединяющие многочисленные проживающие в них этносы, имеют территориальный характер, хотя этнический компонент сохраняет в них свое значение в политической системе.

В СССР и в национальных государствах, возникших после его распада, нации имеют этнический характер, причем в национальных республиках главную роль играли коренные народы, а также русские, которые жили во всех советских республиках, и Советский Союз воспринимался ими как большая Россия. В советской национальной системе и в постсоветский период нация понимается преимущественно как этнос. Это понимание нации остается доминирующим и сегодня в постсоветских государствах. Национальное строительство в СССР понималось как этническое строительство коренных народов, что имело для коммунистического режима особое политическое значение в силу этно-территориального

государственного устройства Советского Союза. В нем коренные народы выступали своего рода опорными точками, узловыми пунктами сети полиэтнического населения республик.

В колониях западных империй сложилась иная траектория колониальной модернизации коренных народов. Западные державы в своих колониях вносили элементы модернизации для живущих в них народов, однако они не были адресованы какому-то конкретному народу, но имели территориальный характер, охватывая все народы, живущие в той или иной части колонии. Например, колониальные власти в Африке и других частях света совершенно не интересовали языки коренных народов. Колониальные власти не считали нужным развивать языки проживавших в колониях племен и этносов для приобщения их к достижениям цивилизации. Чтобы стать грамотными, уметь хотя бы читать и писать коренные народы должны были осваивать язык той империи, в которую они входили. Следствием этого положения является то, что и сегодня в новых независимых государствах, бывших британских, французских и других колониях, имперский язык остается официальным языком и языком межэтнического общения, а языки даже крупных народностей остаются разговорными языками, без письменности и иных форм стандартизации языка.

Совсем иная ситуация с языками коренных народов была в СССР. С самых первых шагов установления советской власти на всех окраинах царской России стала проводиться политика поддержки и развития языков коренных народов. Например, казахский язык, как и языки других

кочевых народов, был языком устного общения, не имевшим своей письменности и литературной формы. Разработка стандартной формы и письменности для казахского языка (сначала латиница, а потом кириллица) стали важным достижением национальной политики советского режима в Казахстане [3]. На этой основе были разработаны национальная система образования, национальная литература, театр, музыка и другие виды казахского искусства.

В советском национальном строительстве коренных народов ведущую роль играл их язык. Язык рассматривался в советской национальной политике в качестве главного фактора, который определял культуру народа и, в этом смысле, сам народ. Поэтому в советском национальном строительстве, понимаемом как формирование идентичности коренного народа, решающее значение имело формирование нации как культурного сообщества на основе языка. Это сближало культурное строительство коренного народа с романтическим национализмом. Благодаря такой политике формировалась этнокультурная идентичность даже у самых малочисленных коренных народов СССР. Если же говорить о многочисленных коренных народах, то у них советская национальная политика способствовала развитию идентичности этнокультурного характера, которая распространялась на одноименную национальную республику как «свою» республику. Впоследствии такое восприятие национальной республики ее коренным народом как «своей» республики привело к восприятию образовавшихся на месте СССР новых независимых государств как национальных государств коренного народа этих республик.

В этом смысле коренные народы Африки и других бывших колоний западных империй оказались сегодня в плане национального статуса на несколько ступеней ниже коренных народов советских республик. Коренные народы бывших западных колоний остались этническими компонентами населения этих колоний, рассматриваемых в международной практике в формальном смысле как нации. Эти нации, как говорилось выше, имеют территориальный, а не этнокультурный характер. Поэтому коренные народы в бывших колониях слабо воспринимают себя как этнокультурные нации, поскольку у них недостаточно выражена соответствующая идентичность. Государство, гражданами которого они являются, не воспринимается ими как защитник их языка и культуры, поскольку в силу колониального разделения Африки ее коренные народы оказались включенными не в одну, а несколько колоний. Соответственно, сегодня коренные народы Африки оказались гражданами не одного, а нескольких государств, возникших на месте бывших колоний. Причем ни одно из которых не рассматривается коренными народами как «свое».

Говоря о том, что в СССР коренные народы получили от советского режима более высокий национальный статус и в действительности достигли более высокого уровня национального развития, чем народы бывших колоний, мы, тем не менее, не хотим сказать, что они стали нациями в реальном смысле этого слова. Для этого в советской социально-политической системе отсутствовали и, главное, не могли быть созданы необходимые политические и культурные предпосылки, поскольку такие предпосылки противоречили природе этой системы.

В политическом плане для того, чтобы коренные народы советских национальных республик стали нациями необходимо было, чтобы республики обладали реальной автономией от союзного центра. Это, однако, было невозможно в советской социально-политической системе, где Москва через механизмы коммунистической партии и централизованную систему административно-хозяйственного управления решала главные вопросы жизни в республиках. Это касалось, в частности, такого важнейшего для республик вопроса как их территория. С самого начала, начиная с 1920-х гг., коммунистический режим определил территорию многих республик, прежде всего, в Центральной Азии. В дальнейшем режим распоряжался территорией республик, мог перераспределять их, передать какие-то земли из одних республик в другие, что сегодня хорошо известно из примера Крыма, который в 1954 г. был передан от РСФСР к Украинской ССР.

В культурном плане существование национальных республик означало, что язык и культура коренного народа распространялись в полиэтническом обществе этих республик. Коренной народ и власти республики стремились к гомогенности ее культурного пространства, однако эти претензии всегда были сопряжены с угрозой обвинения в национализме со стороны правящего режима. Язык коренного народа имел полное право на развитие и распространение в республике, но не за счет русского языка, который имел особый, высший статус по всему СССР. Ограничение политической и культурной автономии национальных республик вело к ограничению в них национальной культуры.

Заклучая данную работу, мы хотели бы подчеркнуть, что концепция коренного народа сыграла важную роль в национальном строительстве в СССР как ключевой элемент трансформации коренных народов в нацию. При этом необходимо иметь в виду противоречивый характер этой концепции в национальном строительстве коренных народов. С одной стороны, наделение коренных народов национальными республиками способствовало рождению этнической идентичности этих народов, их восприятию себя как наций, развитию их языка и культуры, которые впоследствии при образовании независимого государства стали основой суверенитета и отношению к республике как собственности этой нации. С другой стороны, автономия национальных республик была ограниченной, что препятствовало трансформации коренного народа в нацию.

Список использованных источников:

1. Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
2. Kolsto P. The concept 'rootedness' in the struggle for political power in the former Soviet Union in the 1990s. In: Cote I., Mitchell M.I., and Toft M.D. (eds.). People Changing Places. New Perspectives on Demography, Migration, Conflict, and the State. London and New York, Routledge, pp. 107-127.
3. Ubiria G. Soviet Nation-Building in Central Asia: The Making of the Kazakh and Uzbek Nations. London and New York, Routledge, 2015.

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА ЮГА КАЗАХСТАНА (по итогам социологических исследований)¹

*Курганская Валентина Дмитриевна
Абрахматова Гульнара Абрайкуловна*

Межэтническая напряженность так или иначе периодически возникает в любом, даже в самом развитом демократическом обществе, поскольку оно состоит из этнических групп, имеющих свои отличительные, порой разнонаправленные и даже взаимоисключающие интересы (например, стремление занять наиболее выгодные экономические ниши или занять наиболее престижные позиции для приумножения политического и символического капитала). Функция этнополитики как раз и состоит в согласовании этих разнонаправленных интересов таким образом, чтобы их реализация не привела к разлому социального целого.

Все этноконфликты последних лет в Казахстане происходили на юге страны между коренным этносом и этническими меньшинствами, компактно проживающими в этноареалах. Причем к активному противостоянию приводил не имеющий никакого отношения к этничности повод – хулиганский поступок, который имеет место быть абсолютно в любом социуме. Но если в демократическом обществе такие поступки обычно быстро нейтра-

¹ Работа выполнена в рамках финансирования КН МОН РК (Грант № АР09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан»).

лизуются, снижаясь до социально безопасного уровня, так и не перейдя в стадию конфликта, то в транзитных социумах с неразвитыми институтами гражданского общества происходит этническая мобилизация как со стороны тех, кто совершил такой поступок, так и со стороны тех, против кого он был направлен.

Особенности менталитета этнических групп в местах компактного проживания

Наиболее важными социально-психологическими отличиями, характеризующими этнические меньшинства РК, проживающими в местах компактного проживания, являются:

- а) высокий уровень координации поведения членов этой группы и внутригрупповой консолидации;
- б) поддержка членами общины социокультурных норм, соблюдение национальных обычаев, традиций, бытовой обрядности;
- в) высокий уровень религиозности как элемента и символа этнической идентичности;
- г) занятие определенных, иной раз исторически сложившихся экономических ниш и приверженность традиционным способам хозяйственной активности;
- д) желание жить среди своих соплеменников;
- е) высокий уровень доверия своим лидерам, низкий уровень доверия к официальным и оппозиционным организациям и СМИ;
- ж) совместное решение общих проблем хозяйственного и культурно-бытового характера.

Эти особенности менталитета до сего времени диктуют этническим меньшинствам правила жизнедеятельности, составляют основу жизни их этнической общины, базирующейся на строгом соблюдении обычаев и традиций. Вследствие этого индивид вынужден неукоснительно следовать правилам и поведенческим стереотипам своей национальной группы.

Забота о членах общины является морально-этической основой поведения этнических меньшинств по отношению друг к другу. Поэтому для большинства из них важна национальность должностного лица, к которому при необходимости они бы обратились, если бы у них был выбор. Как отмечали наши респонденты в предыдущих социологических опросах, «свои» лучше поймут и помогут. В социологическом опросе 2022 г., выполненном Центром изучения общественного мнения (ЦИОМ) по заказу Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК, большинство респондентов из числа этнических меньшинств отмечают, что если представленность их этнической группы в органах власти увеличится, то улучшится качество работы органов власти (78,5%), снизится уровень коррупции (62,2%), люди будут больше доверять власти (71,4%), у лиц их национальности повысится шанс достижения служебной карьеры (86,7%), повысится уровень доверия и взаимопонимания между этносами (86,7%).

Находясь в зависимости от своих соплеменников, используя стереотипы и предубеждения, этнические меньшинства спланиваются, интенсифицируют внутригрупповое взаимодействие и взаимосвязи. Память об общем

историческом прошлом, его героизация, культура, традиции являются также механизмами сохранения этнической идентичности. Так, несколько лет назад уйгуры в одной из пещер Алматинской области открыли грот – памятник уйгурской поэтессе Назугум, где она скрывалась от преследования маньчжуро-китайских колонизаторов. Это облагоустроенное место является священным для современных уйгуров.

В Казахстане экономические стратегии этнических групп вписываются в традиционную модель, подразумевающую сильное влияние социальной среды на выбор человеком характерных для данной этнической культуры профессий. Поэтому, зачастую этнические меньшинства юга страны, проживающие компактно в сельской местности, не мигрируют в города, а остаются в своих традиционных нишах занятости. Так, 69,5% дунган и 69,5% таджиков на юге страны продолжают, как и их предки, заниматься сельским хозяйством [1, с. 116-117].

После конфликта 7 февраля 2020 г. между казахами и дунганами некоторые общественные деятели обрушились с резкой критикой модели компактного проживания отдельных этнических групп, которые, по их мнению, не стремятся интегрироваться в казахстанское общество, провоцируют конфликты с коренным этносом, и потому их следует расселить. Однако при этом они не задаются вопросом о том, что именно компактное проживание обеспечивает членам малочисленных этнических групп выживание в периоды экономических кризисов, пандемии, геополитических разломов. Эта поддержка снима-

ет социальную напряженность в этноареалах в сложных социально-экономических условиях.

Кроме того, бизнесмены из числа этнических меньшинств открывают производства, поддерживают колледжи и лицеи, выделяют средства на проведение праздников, ремонт школ, гранты на получение образования. Возвращаясь после обучения, молодые специалисты работают на Казахстан. Как сообщают СМИ, лидер дунган, бизнесмен Х.Ш. Дауров выделил грант Л. Мухамеде, который получает в настоящее время медицинское образование в Китае [2].

По тому, какой шквал критики обрушился на дунган даже со стороны этих общественных деятелей, становится понятно, что для некоторых из них этнические меньшинства так и остаются «чужими», несмотря на то, что проживают в Казахстане не одно поколение и вносят достойный вклад в развитие страны. Так, например, дунгане и таджики, берут в аренду землю и, занимаясь тяжёлым сельскохозяйственным трудом, обеспечивают продовольствием население региона. Между тем социальные сети периодически заполняются предубеждениями и стереотипами по отношению к тому или иному этносу. Так, в казахстанском обществе циркулируют слухи (в том числе, размещаются в Интернете) о сращивании криминальных этнических группировок с органами власти. Лидер чеченской диаспоры А. Мурадов еще на VI сессии Ассамблеи народов Казахстана (1999 г.) заявил о ведущейся работе по дискредитации чеченцев, провокациях, попытках поссорить их с другими этносами.

Образование этнических меньшинств

Нет необходимости доказывать, что образование является важнейшим средством интеграции этнических меньшинств в общественную жизнь страны. Как известно, к одному из параметров Индекса Человеческого Развития относится доступность образования и его качество. Право получать образование на родном языке является одним из основополагающих прав человека. Республика Казахстан заботится о свободном развитии сферы языков национальных меньшинств, предусматривает широкое использование родного языка этнических групп, создает им возможность в установленном порядке в местах компактного проживания использовать родной язык как местный официальный. В Республике для многочисленных и компактно проживающих этнических групп предоставляются условия для создания дошкольных, общеобразовательных и иных учебных учреждений, проведения занятий на родном языке.

Однако реализовав свое право получать образование на родном языке в средней школе, некоторые этносы, например, узбеки Южно-Казахстанской области, не могут его реализовать при поступлении в вузы. Обращаясь многократно в управленческие инстанции, лидеры узбекских национально-культурных центров не могут добиться того, чтобы абитуриенты, закончившие узбекские школы, при поступлении в вузы сдавали тесты на узбекском языке. Поэтому в последнее время, как отмечает наш монитор из Южного Казахстана, родители узбекских учеников, не видя перспектив своих детей в узбек-

ских школах, предпочитают переводить их из узбекских школ в смешанные школы, где есть лишь узбекские классы [3].

Так, согласно статистическим данным, количество учеников в чисто узбекских школах сократилось с 10876 чел. в 2016/2017 уч. году до 6835 чел. в 2020/2021 уч. году за счет перехода учеников в смешанные школы [4, с. 56-61]. «У нас здесь дети учатся на узбекском языке. С этого года в школах открылись по одному классу на русском и казахском языках. Это очень нужно, потому что дети, когда заканчивают школу, уезжают в города, где обучение на русском и казахском языках. Если они не знают русского и казахского языка, как они будут дальше учиться?» (Из интервью респондента-узбека, жителя Сайрамского района Туркестанской области).

На наш взгляд, при узаконенной практике формирования студенческого контингента у представителей этнических меньшинств, тем более закончивших школы с национальным языком обучения, объективно сужаются возможности получения высшего образования в конкуренции с абитуриентами, закончившими школу на казахском или русском языках. В то же время общегосударственная система тестирования, ставящая во главу угла объективную оценку знания абитуриентов, с абстрактной точки зрения является наиболее справедливой.

По всей видимости, представители ЭКО не должны рассматривать квоты в качестве единственной или оптимальной меры решения проблем доступности высшего образования для национальных меньшинств. Стратегическая линия пролегает через реформирование средней

школы, повышение качества образования и конкурентоспособности выпускников национальных школ.

В официальных источниках 2000-х приводится такая статистика: количество студентов, обучающихся в вузах РК на узбекском языке – 401 человек, корейском – 11, немецком – 14, уйгурском – 16, других языках – 17. Статистические данные последних лет не утешительны. Возьмем, к примеру, бюллетень «Высшие учебные заведения Республики Казахстан». К сожалению, там нет данных о количестве студентов, обучающихся на национальных языках, но, как представляется, эти сведения включены в графу «Другие». Их количество – 312 человек. Таким образом, количество студентов, обучающихся на национальных языках, спустя 20 лет даже уменьшилось с 459 студентов до 312 [5].

Однако другие статистические издания, например, «Образование в Республике Казахстан / Статистический сборник справочник» дают совсем другие цифры. Как следует из представленных в нем данных, на начало 2020/21 уч. года численность студентов в высших учебных заведениях по языкам обучения составляет 0 человек (4, с. 107).

Но как бы там ни было, понятно, что при такой численности студентов, которая приводится в вышеприведенном Бюллетене, задача воспроизводства национальной интеллигенции для этнических меньшинств является проблемой. По данным нашего монитора из Южного Казахстана, уже сейчас ощущается нехватка учителей в узбекских или смешанных школах с узбекскими классами, мало учебников и научно-методических материалов,

отсутствует преемственность обучения на родном языке, не существует системы повышения их квалификации

Разумеется, подготовка специалистов высшего образования на национальных языках, и подготовка кадров высшей квалификации – не одно и то же. Но в любом случае эта подготовка решает задачи воспроизводства национальной интеллигенции, без которой невозможно развитие и ретрансляция культуры этнических меньшинств.

Остановимся теперь на подготовке кадров в системе высшего образования из числа этнических меньшинств. Обратимся к последним статистическим данным (таблица 1) [5].

Таблица 1. Численность студентов на начало 2000/2021 учебного года

	Всего в вузах	Принято в 2000/2021 уч. году	Численность студентов в вузах с госсобственностью	Численность студентов в вузах с частной собственностью	Численность студентов в вузах с иностранной собственностью
	575511	159804	127147	444075	4289
Казахи	487756	138629	112428	373790	1538
Русские	32751	9008	8262	22628	1861
Узбеки	22068	4463	827	21229	12
Таджики	1009	272	133	868	8
Чеченцы	539	129	101	411	27
Дунгане	408	133	20	384	4
Курды	256	50	15	238	3
Турки	1110	295	39	1061	10
Уйгуры	3885	1166	423	3452	10

Если сравнить этнический состав вузов в настоящее время и 20 лет назад, то мы увидим, что он значительно поменялся. Во-первых, почти на 50% увеличился студенческий контингент. Во-вторых, в разы выросло число студенческой молодёжи из числа некоторых этнических групп – казахов, таджиков, узбеков, уйгуров и резко снизилось количество русских. Количество студентов-курдов, чеченцев увеличилось не значительно, а количество турков даже снизилось [6, с.155; 4].

Таблица 2. Национальный состав студентов вузов

Национальность	1999/2000		2000/2001	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Всего	365385		575511	
Казахи	243765	66,7	487756	84,8
Русские	86377	23,6	32751	5,7
Узбеки	3075	0,8	22068	3,8
Таджики	148	0,1	1009	0,2
Курды	196	0,1	256	0,1
Турки	1232	0,3	1110	0,2
Уйгуры	2602	0,7	3885	0,7
Чеченцы	456	0,1	539	0,1
Дунгане			408	0,1

Из представленной таблицы следует, что рост национальной интеллигенции у некоторых южных этносов остается на уровне 20-летней давности, а у некоторых даже снижается. Между тем увеличение ее выгодно не

только самим этническим меньшинствам, так как без образования они не смогут сделать хотя бы какую-то карьеру, развивать свою культуру, но и государству. Ведь практически все лидеры ЭКО, имеющие высшее образование, ведут большую общественную работу, в том числе патриотическую, разъясняют в разных аудиториях важнейшие правительственные документы. Яркий пример – большая общественная работа лидеров и активистов ЭКО, входящих в Научно-экспертную группу г. Алматы. Однако в рядах этнических меньшинств ощущается нехватка молодых образованных активистов, готовых тратить свое личное время на благо общества.

Введение в 1995 г. 10% квоты Ассамблеи народов Казахстана для этнических меньшинств при поступлении в вузы было весьма позитивно встречено общественностью всех этнических групп. Оно было воспринято как стремление государства гарантировать будущее детей из числа этнических меньшинств, способствовать укреплению солидарности народов РК. Некоторые акимы выделяли поощрительные стипендии студентам из числа этнических меньшинств (например, 10000 тенге в Павлодаре). Расширение спектра национального представительства среди студентов вузов, по мнению активистов национально-культурных центров (например, М.А. Каримова, экс-руководителя республиканской Ассоциации татарских и татаро-башкирских общественных и культурных центров), способствовало повышению политического авторитета Казахстана в международном сообществе. Члены Малых Ассамблей участвовали в приемных комиссиях, а также курировали своих подопечных на протяжении всего периода обучения.

По Республике в 1998 г. – последнем году, когда существовали квоты Ассамблеи народов Казахстана для этнических меньшинств, – на 20710 плановых мест сдали документы абитуриенты 72 национальностей, поступили по квоте Ассамблеи народов Казахстана 1349 человек, что составило 6,5% общего числа планового приема студентов. По квоте Ассамблеи были зачислены представители 44 национальностей, проживающих в Казахстане.

После отмены квот вопрос об их восстановлении поднимался практически на каждом заседании Совета Ассамблеи, на конференциях и семинарах с участием членов АНК, на сессиях Ассамблеи народа Казахстана. Но позиция руководства однозначно негативна – при новых правилах тестирования никаких привилегий ни для кого быть не должно. Хотя для определенных категорий граждан она все же есть.

*Причины конфликтов между коренным этносом
и этническими меньшинствами Юга Казахстана
в общественном мнении*

В современных условиях развитие и становление национального самосознания личности происходит в условиях жесткой конкуренции. Именно поэтому нарушение принципов социальной справедливости, дефицит гуманности и нравственности, к которым прибавился экономический кризис, порождают защитные реакции, активируют охранительные механизмы этнических групп – агрессивность, увеличение социальной дистанции, отчужденность, ведущие, в конечном счете, к повышению межэтнической напряженности.

Манипуляторы от политики и общественные деятели, играя на социально-экономических проблемах этнических групп, могут использовать проблему меньшинств в качестве инструмента политической мобилизации и борьбы за власть (стоит вспомнить февральские призывы 2020 года о необходимости расселения дунган из мест их компактного проживания).

Наши исследования показывают, что межнациональные отношения по месту своего жительства респондентами оценены как вполне спокойные, и только единицы наших респондентов оценили их как напряженные (диаграмма 1).

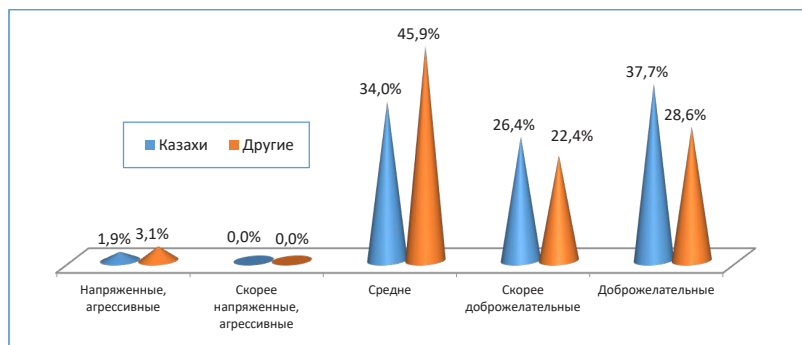

Диаграмма 1. Как бы Вы оценили межэтнические отношения по месту Вашего проживания?

Эксперты более критичны в своих высказываниях. В социологическом исследовании 2022 года, оценивая изменение ситуации в сфере межнациональных отношений за последние 3 года, четверть их увидела тенденцию к ухудшению в своем городе/селе, а третья часть – в Казахстане (диаграмма 2).

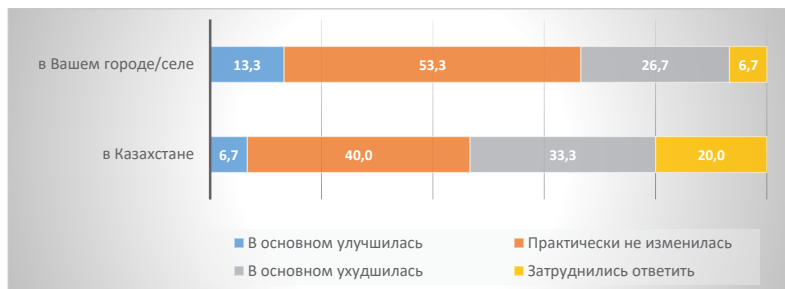

Диаграмма 2. Как бы Вы оценили изменение ситуации в сфере межнациональных отношений за последние 3 года? (%)

Как мы отмечали ранее, ухудшение социально-экономического положения негативно сказывается на межнациональных отношениях. Однако наши респонденты сохраняют оптимистический настрой, а низко оценивают свои жизненные перспективы лишь единицы. Судя по их ответам, материальное положение их вполне благополучно (диаграмма 3).

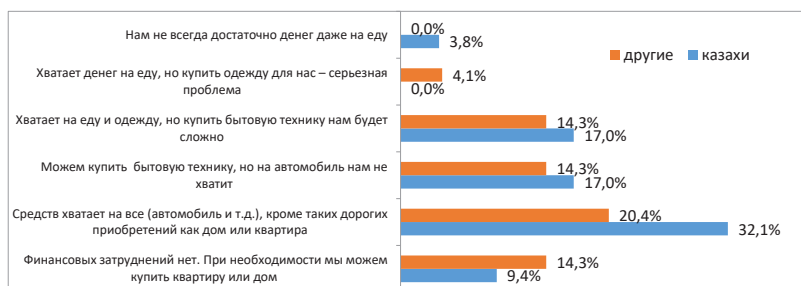

Диаграмма 3. Как бы Вы охарактеризовали уровень жизни Вашей семьи?

Такие ответы вызывают много вопросов, в частности насколько искренни были ответы респондентов, поскольку

ку социально-экономическая обстановка в стране остается сложной, а юг Казахстана всегда отличался высоким уровнем бедности. В 2021 году самый высокий уровень бедности был зафиксирован именно в Туркестанской области [7], а Бюро национальной статистики 14 сентября 2022 года сообщило, что число бедных в Казахстане выросло [8].

Также вызывают сомнение и ответы на вопрос, связанного с предыдущим, о том, как изменился уровень жизни респондентов за последние 3 года (диаграмма 4).

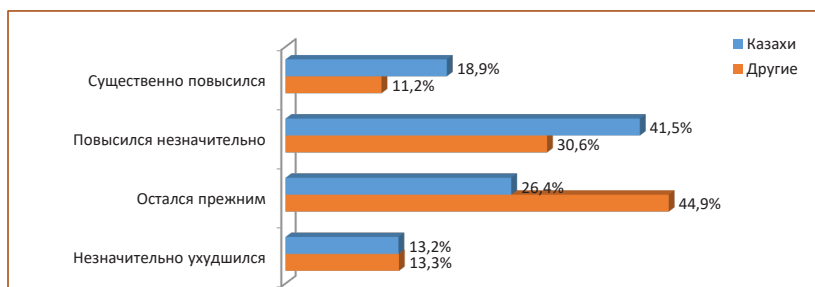

Диаграмма 4. Как изменился Ваш уровень жизни за последние 3 года?

Как следует из таких данных, на благосостояние наших респондентов не повлияли ни инфляция, ни пандемия, ни высокий уровень безработицы на селе, ни низкие зарплаты, ни какие-то другие факторы. И дело здесь вот в чем. «Анализируя уровень обеспеченности в стране, необходимо уделить внимание понятию «субъективная бедность». Она предполагает оценку человеком доступа у него к базовым потребностям. Из этого можно определить бедность как понятие не только социальное или экономическое, но и душевное» [9]. Поэтому при воз-

возможности удовлетворения самых элементарных потребностей люди считают уровень своей жизни вполне приемлемым.

Однако на самом деле ответы респондентов не соответствуют реальному положению населения. Статистика констатирует, как мы отмечали выше, что вследствие резкого роста потребительских цен увеличилось количество бедных. «На фоне инфляции заработок в некоторых сферах деятельности обесценился. Несмотря на то, что за 20 лет уровень доходов граждан ниже величины прожиточного минимума значительно сократился, бедность и небольшая заработная плата по-прежнему остаются одной из главных проблем экономики и общества страны» [7]. Основной статьей расходов населения становится приобретение повседневных продуктов, товаров и услуг. Главный конфликтный потенциал несет сфера трудоустройства, безработица и инфляция. Так, в Туркестанской области и г. Шымкенте всех респондентов волнует дороговизна продуктов, лекарств, повышение расходов на коммунальные услуги, невозможность приобретения собственного жилья или земельных участков.

Большинство респондентов дают низкие оценки работе чиновников, полагая, что большинство их не справляется с должностными обязанностями: высоко оценили борьбу с бедностью, социальную защиту, сокращение безработицы и др. только 5% респондентов-казахов и 10,2% респондентов из этнических меньшинств.

Несмотря на внешне спокойный межнациональный фон, отмечаемых в социологических мониторингах межэтнических отношений (в нашем исследовании ре-

спонденты в основном вполне терпимо относятся к лицам другой национальности, большинство их считает, что в их населенном пункте отношения между этносами не обостряются, и только 10% респондентов заявили, что есть люди таких национальностей, с кем они не хотели бы быть коллегой, соседом или другом. Для большей половины опрошенных не имеет значение национальность людей, с которыми они работают, учатся, живут по соседству, дружат или вступают в родственные отношения), выясняется, что жизнь значительной части населения во многом определяется унаследованными или вновь проложенными этническими границами. Формированию общих ценностей в казахстанском обществе может препятствовать или, возможно, уже препятствует социальное неравенство (55,0%), общая пассивность людей в гражданской жизни (41,5%), низкий уровень образования (34,9%) и разный образ жизни у представителей разных культур (31,5%).

Межэтническая сфера – многоуровневая и поливариантно детерминированная система. Наши социологические опросы подтверждают, что сложные социально-экономические условия жизни людей – основная причина конфликтов между этническими группами, которые возникали в различных регионах Казахстана за последние 3 года. Так считают 46,7 % опрошенных. Почти 40% респондентов видят причину подобных конфликтов в отсутствие постоянного диалога власти и народа, а 33,3% считают, что межэтнические конфликты – это спланированная провокация (диаграмма 5)

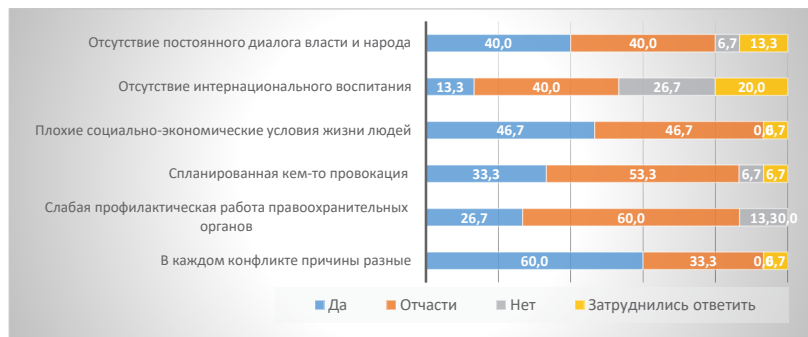

Диаграмма 5. Выскажите свое мнение относительно причин конфликтов между этническими группами, которые возникали иногда в различных регионах Казахстана за последние 3 года (%)

Респондентам, проживающим в южных регионах страны, был задан идентичный вопрос (диаграмма 6).

Диаграмма 6. В прошлые годы в некоторых областях Казахстана происходили столкновения между казахами и представителями других этносов. В чем была их причина? (можно отметить несколько вариантов ответов)

Разница в ответах респондентов-казахов и этнических меньшинств статистически значимой была только в ответах, касающихся оценки действий неформальных лидеров и личной неприязни к конкретной национальности. Более трети респондентов этнических меньшинств против более четверти респондентов-казахов (28,3%) видят в действиях неформальных лидеров провокации, которые ведут к конфликту (38,8%). Более трети респондентов этнических меньшинств (37,8%) против только седьмой части казахских респондентов (13,2%) видят причиной конфликтов также личную неприязнь к конкретной национальности. Этот показатель говорит о том, что если респонденты этнических меньшинств видят главную причину конфликтов в неприязни к отдельной национальности, то коренной этнос одной из главных причин конфликтов считает действия провокаторов.

Конфликтные ситуации в сельской местности на юге страны в 2015-2016 гг. между казахами и другими этническими группами эксперты оценили таким образом: «...в Южно-Казахстанской области причиной конфликта между таджиками и казахами стало то, что, якобы, местные власти (по крайней мере, местные казахи так считали) продают таджикам льготные земли за взятки. Причина конфликта здесь связана с коррупцией, которая в большой степени усиливает напряженность в обществе, то есть сначала нарушаются права, дискриминируются люди, потом уже конфликт принимает этнический характер» (из интервью с экспертом); «...Если брать конфликты локального характера, которые происходили в Жамбылской и Южно-Казахстанской областях, то, на

мой взгляд, там есть конкуренция за земельные участки. Когда звучат требования от представителей казахского этноса о том, что надо представителей другого этноса выселить из этих сел, то понятно, что речь идет о том, чтобы занять их земельные участки, дома и т.д. ...здесь не просто конфликт личного или межэтнического плана, а здесь есть экономические интересы, связанные с землей» (из интервью с экспертом).

Как же поведут себя респонденты в случае нарушения их прав? Оказалось, что основная линия поведения респондентов из числа этнических меньшинств строится на их обращении в органы правопорядка. Третья часть будет стремиться смягчить ситуацию путем переговоров, увещеваний. Для респондентов казахов эти две линии также являются преобладающими, но в то же время нельзя не отметить, что в случае нарушения прав среди казахов больше сторонников не справедливого, а мобилизационного решения проблемы – по принципу «наших бьют» (диаграмма 7).

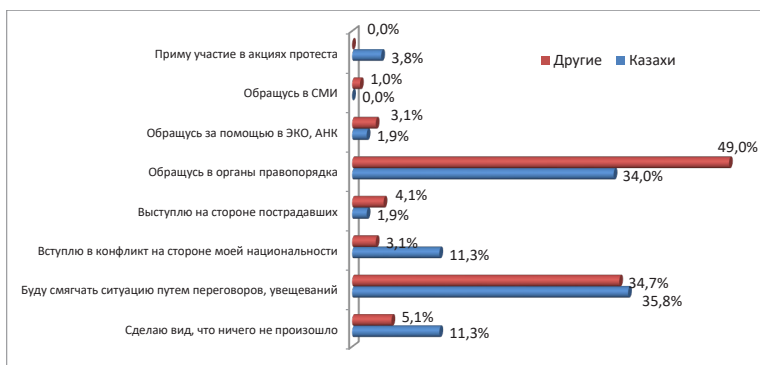

Диаграмма 7. Как Вы поведете себя в ситуации, если будут нарушены Ваши права?

Более трети опрошенных причину конфликтов на юге страны, как мы отмечали выше, увидели в отсутствии у представителей некоторых этносов навыков межнационального, межкультурного общения. Поэтому логично было бы прояснить вопрос о том, какие мероприятия были задействованы в учебных заведениях, чтобы воспитать такие навыки. Из полученных ответов становится ясно, что были задействованы различные формы – от лекций и уроков, в которых освещалась культура разных этносов, до встреч с уважаемыми жителями того или иного населенного пункта. Однако, судя по полученным данным, этнические меньшинства оказываются более вовлеченными в систему этнокультурного воспитания по всем его направлениям, чем коренной этнос (диаграмма 8).

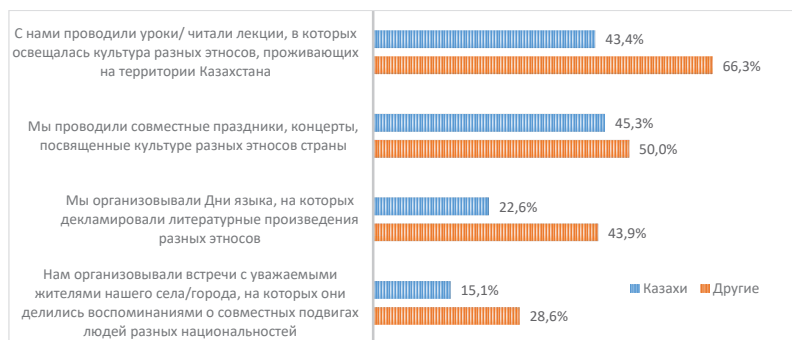

Диаграмма 8. Все Вы учились в школе/училище/вузе. Как в Вашем учебном заведении была построена система этнокультурного воспитания?

Приведем пожелания респондентов по улучшению межнационального климата на юге страны. В начале списка – принятие мер по улучшению материально-

экономического благосостояния народа, необходимость цензуры в СМИ (ТВ, радио, Интернет, печатные СМИ), более жёсткое наказание за разжигание межнациональной розни, воспитание через СМИ и систему образования культуры межнационального общения, учитывающую многонациональный состав казахстанского общества. Лишь по некоторым пожеланиям есть существенные разногласия. Так, за внедрение казахского языка во все сферы жизни выступило 83% респондентов-казахов и только 61,2% респондентов из других этнических групп.

Заключение

Объективный анализ состояния межэтнических отношений юга Казахстана показывает, что эти отношения не имеют конфронтационного характера, и если проблемы возникнут, то респонденты будут решать через поиск компромиссов. Прямо или косвенно на межэтническую напряженность на юге оказывает: нехватка земли; снижение жизненного уровня населения, «язык вражды» в СМИ и в социальных сетях; негативные этностереотипы массового сознания; «переформатирование» исторического прошлого и т.д. Тем не менее южный регион имеет большой потенциал толерантности, обусловленный длительным совместным проживанием различных этносов.

Можно предложить (и предлагаются казахстанскими социологами, экспертным сообществом) по каждому конфликтогенному фактору множество конкретных рекомендаций. Общая же рекомендация – необходимо формировать в стране развитое гражданское общество и

соответственно целостную гражданскую общность, идентичность которой выстраивается безотносительно к этническим различиям.

Понятно, насколько сложно выполнение этих задач в нашем обществе, сегментированном по множеству социальных, экономических, этнокультурных, мировоззренческо-идеологических осей. И, тем не менее, предпосылки к ее решению имеются.

Одной из таких предпосылок является общая история, какой бы она ни была, вместе с общими победами и общими поражениями, общими радостями и горестями. Сейчас ее активно «переформатируют» в угоду личным или групповым политическим амбициям, намеренно разрушая, разделяя на отдельные этнические сегменты единое историческое пространство. Необходимо прекратить спекуляции вокруг общего исторического прошлого.

Другим надежным форпостом против роста межэтнической напряженности является ликвидация дефицита правосознания. В архетипах национальной ментальности господствует, в силу множества социально-исторических причин, архаическая структура правосознания. Для подобного типа правовой культуры схемы социальных взаимодействий не нуждаются в формально-правовой легитимации. Без формирования зрелой правовой и, соответственно, гражданской культуры вновь и вновь будут активизироваться процессы социальной дезинтеграции, провоцироваться чувства недоверия к человеку другой национальности и веры.

Список использованных источников:

1. Занятость населения в Республике Казахстан. II том. Итоги Национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. Смаилова А.А. / Астана, 2010.
2. Шелковый путь сегодня. – Жібек жолы бүгін. 08.09.2022 г.
3. Смагулов Амир. В Казахстане родители стали чаще отдавать своих детей в русские классы. Почему? // Azattyq-ruhy. 19.06.2021.[Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azattyq-ruhy.kz/society/25426-v-kazakhstane-roditeli-stali-chashche-otdavai-svoikh-detei-v-russkie-klassy-pochemu> (Дата обращения 06.09.2022).
4. Образование в Республике Казахстан / Статистический сборник / на казахском и русском языках Нұр-Сұлтан: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Бюро национальной статистики, 2021.
5. Бюллетень «Высшие учебные заведения Республики Казахстан» (2020/2021 уч. год) // <https://stat.gov.kz/>
6. Национальный состав Республики Казахстан. Т.4, ч.2. Население Республики Казахстан по национальности и уровню образования / Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. Алматы, 2000.
7. Как поменялся уровень бедности в Казахстане за 20 лет. 26.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: Kursiv Media: <https://kz.kursiv.media/2022-05-26/kak-pomenyalsya-uroven-bednosti-v-kazakhstane-za-20-let/> (Дата обращения 15.09.2022 г.).
8. Алия Рахимова. Выросло число живущих на грани нищеты казахстанцев [Электронный ресурс]. URL: <https://newtimes.kz/obshchestvo/156454-vyroslo-chislo-zhivushih-na-grane-nishety-kazahstancev> (Дата обращения 16.09.2022 г.)
9. Наталья Балагурова. Проблема бедности и пути её решения. Бедные люди. 7 июля 2017 г.<https://fb-ru.turbopages.org/fb.ru/s/article/325856/problema-bednosti-i-puti-e-resheniya-bednyie-lyudi> (Дата обращения 10.09.2022 г.).

РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В МНОГОСОСТАВНЫХ СООБЩЕСТВАХ (НА ПРИМЕРЕ ЖАМБЫЛСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Мамедова Парида Иманжановна

Для решения амбициозной для страны задачи проведения политико-экономических реформ и реализации принципов «слышащего государства» необходимо принятие эффективных мер по совершенствованию не только экономического сферы общества, но и ее ценностно-духовной составляющей, где одними из главных фундаментальных основ являются миролюбивая внешняя политика и стабильные внутренние взаимоотношения в полиэтническом сообществе страны. Жамбылская область является одной из самых полиэтнических и поликонфессиональных областей Республики Казахстан. Она имеет свои особенности, которые заключаются в ее приграничном расположении, наличии мест компактного проживания этнических групп и густонаселенных сельских районов, а также в возможном транзите не только товаров, но и идеологий.

В связи с этим проведение мониторинговых исследований ежегодно дает отчетливую картину смены взгля-

¹ Исследование проводилось в рамках финансирования КН МОН РК научного проекта №АР09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан»

дов, динамику изменения межэтнических отношений и межконфессиональной ситуации и новых причин, влияющих на формирование патриотических взглядов, общегосударственной идентичности и межгрупповых и межличностных отношений в поликультурной среде области.

В своем Послании народу Казахстана «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана» Президент РК К.К. Токаев предложил воплотить в жизнь концепцию «слушающего государства», которое оперативно и эффективно реагирует на все конструктивные запросы граждан. В 2022 году в регионе был реализован проект по теме: «Организация комплексного социологического исследования по оценке и анализу общественно-политической ситуации и деятельности государственных органов в Жамбылской области». В рамках данного проекта опрошено более 4123 респондента в массовом опросе и 461 человек в фокус-групповых дискуссиях. Также было проведено 12 экспертных интервью.

Практика показывает, что социальные проблемы остаются актуальными и для современного общества, их обострение порождает необходимость их детального исследования и поиск путей решения. Теоретические ограничения существующего подхода к социальным проблемам объясняют растущее в последнее время внимание к концептуальным разработкам в данной сфере, которые позволили бы сформировать подход, более адекватный современному состоянию социологии и социальной практики.

Одним из инструментов повышения качества межэтнической и межконфессиональной политики, позволя-

ющим найти «слабые» места в процессе их реализации, и как следствие, устранить выявленные недостатки, является массовый опрос, проведение фокус-групповых дискуссий с применением различных методик и опрос экспертов. Их проведение позволяет выяснить уровень восприятия политики сохранения межэтнического согласия, который напрямую зависит от социального самочувствия граждан.

В целом социально-экономическое самочувствие жителей Жамбылской области респондентами оценивается положительно:

- удовлетворенность жизнью населения региона оценивается как выше среднего - «вполне довольные» - 63,7%;

- средние доходы населения составляет от 100 000 и выше (40,3%);

- меньше половины населения (42,4%) тратят свой доход на еду от 30 до 50%;

- топ пять острых проблем на которые необходимо обратить внимание – это «рост цен на продукты, товары и услуги» (69,9%), «рост безработицы» (42,0%), «проблемы в сфере здравоохранения, качество медицинских услуг» (23,3%), «социальная незащищенность уязвимых групп: многодетных матерей, детей-сирот» (12,0%), «правовое бессилие простых людей» (10,3%).

В дальнейшем с учетом всех региональных и казахстанских факторов необходимо проводить исследования, особенно в сфере межэтнического взаимодействия, принимая также во внимание проблемы социального характера и языковые предпочтения. Учитывая этнический состав населения региона, выявление проблем межэтниче-

ских отношений и их конфликтный потенциал является важной задачей нашего исследования.

На вопрос «Как Вы оцениваете ситуацию в отношениях между различными этносами в Вашем регионе?» были получены следующие результаты: 69,0% населения оценили отношения между различными этносами в Жамбылской области как спокойные; 25,4% как благополучные; напряженной ситуацию считают 3,4%; конфликтной – 1,3% респондентов; затруднились ответить – 0,5%.

В разрезе районов отношение между различными этносами «благополучными» считают 40% жителей Мойынкумского района, спокойной – жители Таласского района (94,9%), напряженной (12,5%) и конфликтной (3,6%) считают жители Кордайского района, больше всего затруднились с ответами жители Мойынкумского района 3,3%.

На вопрос «Как Вы относитесь к представителям других этносов, проживающих в Вашем городе (поселке, селе)?» большинство населения региона ответили «скорее положительно» – 61,3%; «положительно» – 28,9%; «скорее негативно» – 4,6%; всего 0,7% оценили отношение как негативное; затруднились ответить – 4,5%.

В разрезе районов отношение к представителям других этносов «скорее положительно» оценили жители Байзакского района – 54,8%; «скорее положительно» оценили жители Таласского (87,8%) и Кордайского (82,0%) районов; «скорее негативно» оценили жители Шуского района – 10%; «негативно» оценили жители Мойынкумского района – 17,8%; затруднились ответить жители Жамбылского района – 17,8%.

	Положи- тельно	Скорее положи- тельно	Скорее негативно	Нега- тивно	Затруд- няюсь ответить
Тараз	28,9%	60,%	6,3%	0	4,4%
Байзакский	54,8%	35,5%	5,4%	2,2%	2,2%
Жамбылский	26,0%	54,8%	1,4%	0	17,8%
Жуалынский	60,9%	17,4%	6,5%	2,2%	13%
Кордайский	10,9%	82%	1,6%	0	5,5%
Меркенский	31,6%	67,1%	0	0	1,3%
Мойынқумский	30,0%	60,0%	0	10%	0
Сарысуский	17,9%	74,4%	5,1%	0	2,6%
Талаский	8,2%	87,8%	2%	0	2%
Рыскуловский	8,6%	81%	8,6%	1,7%	0
Шуский	40,0%	52,2%	7,8%	0	0

По этническим признакам отношение к представителям других этносов положительно оценили киргизы (100%) и курды (42,3%); скорее положительно отметили дунгане (69,7%) и русские (66,2%); скорее негативно оценили корейцы (20%); негативно оценили русские (1,4%) и узбеки (1,4%); больше всех затруднились с ответами – русские (6,8%).

В целом отношение населения региона к представителям других этносов, проживающих в их городе/селе оценивается как «скорее положительное».

Результаты политики государственного регулирования и поддержки межэтнических отношений в Казахстане можно наблюдать, прежде всего, в изучении дифференцированной политики государства в данной сфере и эффективности деятельности общественных институтов

по укреплению общественного согласия и единства. В связи с этим жителям региона был задан вопрос «Считаете ли Вы, что государство в достаточной мере проводит политику по сохранению межэтнического согласия как в вашем регионе, так и в целом, в Казахстане?». Ответы респондентов распределились таким образом: 33,6% респондентов считают, что принимаемых мер в Казахстане недостаточно; 30,2% - считают, что «все спокойно как в регионе, так и в стране»; «вполне достаточной мере» считают – 20,4% респондентов; всего 4,7% респондентов считают, что в регионе наблюдается межэтническая напряженность, 11,1% респондентов затруднились ответить.

На вопрос «Эффективна ли деятельность государственных органов и общественных институтов по укреплению общественного согласия и единства?» были получены следующие ответы:

Министерство информации и общественного развития:

- ✓ Полностью эффективна – 22,0%;
- ✓ Скорее эффективна – 52,1%;

- ✓ Скорее не эффективна – 8,3%;
- ✓ Полностью не эффективна – 3,8%;
- ✓ Затрудняюсь ответить – 13,8%;

Местные органы (акиматы):

- ✓ Полностью эффективна – 10,3%;
- ✓ Скорее эффективна – 63,8%;
- ✓ Скорее не эффективна – 8,2%;
- ✓ Полностью не эффективна – 3,6%;
- ✓ Затрудняюсь ответить – 14,1%;

Правоохранительные органы:

- ✓ Полностью эффективна – 16,2%;
- ✓ Скорее эффективна – 29,6%;
- ✓ Скорее не эффективна – 15,1%;
- ✓ Полностью не эффективна – 5,8%;
- ✓ Затрудняюсь ответить – 33,3%;

Ассамблея народа Казахстана:

- ✓ Полностью эффективна – 13,6%;
- ✓ Скорее эффективна – 57,8%;
- ✓ Скорее не эффективна – 10,4%;
- ✓ Полностью не эффективна – 4,9%;
- ✓ Затрудняюсь ответить – 13,3%;

Қоғамдық келісім:

- ✓ Полностью эффективна – 21,1%;
- ✓ Скорее эффективна – 50,5%;
- ✓ Скорее не эффективна – 10,0%;
- ✓ Полностью не эффективна – 7,0%;
- ✓ Затрудняюсь ответить – 11,4%;

Этнокультурные центры:

- ✓ Полностью эффективна – 13,7%;
- ✓ Скорее эффективна – 33,7%;

- ✓ Скорее не эффективна – 34,6%;
- ✓ Полностью не эффективна – 6,9%;
- ✓ Затрудняюсь ответить – 11,1%;

Средства массовой коммуникации (телевидение, печатные и интернет издания и т.д.):

- ✓ Полностью эффективна – 16,0%;
- ✓ Скорее эффективна – 26,6%;
- ✓ Скорее не эффективна – 37,9%;
- ✓ Полностью не эффективна – 8,3%;
- ✓ Затрудняюсь ответить – 11,2%;

Центры медиации:

- ✓ Полностью эффективна – 15,2%;
- ✓ Скорее эффективна – 51,5%;
- ✓ Скорее не эффективна – 10,8%;
- ✓ Полностью не эффективна – 9,6%;
- ✓ Затрудняюсь ответить – 12,9%;

На вопрос «Как бы Вы оценили усилия государства в сфере межэтнических отношений?» больше половины жителей региона – 51,6% респондентов отметили, что «политика продуманная и сбалансированная, учтены права и интересы всех этносов, проживающих в Казахстане»; 30,7% - считают, что усилия часто носят скорее формальный и декларативный характер; 2,6% - считают, что политика совершенно не сбалансирована, а этнический фактор игнорируется; 14,7% – затруднились ответить.

Прогнозирование исхода этнополитического конфликта – это предвидение не только возможности конфликта, но и его возможного будущего. Кроме того, это представление о будущем конфликте с определенной вероятностью указания места и времени его возникнове-

ния. К основным методам прогнозирования исхода этнополитического конфликта относятся:

- экстраполяция данной ситуации на будущее состояние системы;
- моделирование возможной конфликтной ситуации;
- статический метод;
- опрос экспертов.

Точность экстраполяции резко убывает по мере продвижения к будущему. Ограничена применимость к предвидению будущего у метода исторической аналогии. Наиболее надежным методом прогнозирования исхода этнополитического конфликта является экспертная оценка, опирающаяся на верные теоретические представления, использующая результаты других методов и дающая им правильную интерпретацию. Прогнозы исхода этнополитического конфликта также, как и других социально-политических феноменов, могут быть краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными. Прогнозирование исхода этнополитического конфликта особенно важно для предотвращения нового конфликта. Пограничность ситуации этнополитического конфликта, ситуативность и непредсказуемость последствий делают проблематичным изучение поэтапного становления, развития и исхода этого конфликта. Структура противоречия, не перешедшего в конфликт, включает две группы явлений: объективная жизненная ситуация, в которой находятся противоборствующие стороны, и сами эти стороны – люди, имеющие определенные интересы и ценности. Этнополитические конфликты возникают не в силу проявления объективных обстоятельств, а в ре-

зультате их неправильного субъективного восприятия и оценки людьми. Обычно к этнополитическим конфликтам приводят следующие причины:

- наличие противоречий между интересами, ценностями, целями, мотивами, ролями членов общества или этнической группы;
- присутствие противоборства между различными этническими группами;
- разрыв отношений между определенными этническими группами и внутри них;
- появление и доминирование негативных эмоций и чувств как фоновых характеристик взаимодействия и общения между членами общества и группами.

На вопрос *«Как часто Вы сталкиваетесь с проблемами (конфликтами, ссорами, обидными высказываниями и др.), связанными с межэтническими отношениями?»* можно сделать выводы о том, что, население чаще всего сталкиваются с проблемами, затрагивающие межэтнические отношения, на улице, в общественном транспорте 10,9%; «скорее часто» – в магазине, кафе, ресторане, кинотеатре, на дискотеке - 50,9%; «скорее редко» – в школе, больнице, поликлинике, банке, ЦОНах – 29,7% и в магазине, кафе, ресторане, кинотеатре, на дискотеке – 41,8%; «очень редко» – на работе 45%; «никогда» – в государственных учреждениях (акиматы, полиции, суды) – 53,8%.

Полученные данные свидетельствуют о том, что тем не менее, население региона обращает внимание на межэтнический фактор, так как он влияет на межэтнические отношения, на взаимодействие этносов в повседневной жизни и может являться латентным фактором

негативных межэтнических отношений более крупного масштаба. Анализируя ответы респондентов на вопрос: *«Испытывали ли Вы на себе когда-нибудь недоброжелательное отношение окружающих людей из-за того, что Вы представитель другого этноса?»* можно видеть, что 85,9% населения региона не испытывали на себе недоброжелательное отношение окружающих людей по этническому признаку. По распределению районов можно наблюдать, что подобное отношение испытывали на себе жители Кордайского района, а в разрезе этносов – киргизы.

На вопрос *«Как Вы думаете, возможен ли в месте Вашего проживания межэтнический конфликт? Если возможен, то между какими этносами?»*

Можно сделать вывод, что возможность межэтнического конфликта по месту проживания в большинстве своем незначительна, так как 82,6% населения отметили ответ – «невозможно» и «совершенно невозможно» (62,6% «невозможно», 20,0% «совершенно невозможно»). Риск возникновения конфликтов оценивается на 11,6%. Но следует обратить внимание на данные по Кордайскому району, где большинство ответов «да, возможно» (21,9%), «скорее возможно» (9,4%);

Из возможных причин межэтнических конфликтов главными являются – распускание слухов о негативных качествах каких-либо этносов; насмешки; недопонимание друг друга; этническая дискриминация; словесные издевательства; грубые, неуважительные отношения; причины, связанные с событиями в соседней России.

По результатам ответов на вопрос *«Каким будет Ваше поведение, если в месте Вашего проживания произойдет кон-*

фликт на межэтнической почве с участием представителей Вашего этноса?» жители региона ответили, что будут ждать помощи от правоохранительных органов, будут требовать от властей принятия мер и не будут вмешиваться. Риски конфликтного поведения среди этносов уменьшились в сравнении с предыдущими годами.

Список использованных источников:

1. Marshall M.G. Systems at Risk: Violence, Diffusion, and Disintegration in the Middle East // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict. / Ed. by Carment D., James P. Pittsburg, PA, 1997; Ross M.N. The Culture of Conflict. New Haven and London, 1993.
2. Хрусталева М.А. Системное моделирование международных отношений. М., 1987.
3. Милованов Ю.Е. Политический анализ и прогнозирование. Учебная лекция. Ростов н/Д, 2002.
4. Мамедова П.И. Аналитический отчет по итогам социологического исследования на тему: «Социальное самочувствие и отношение населения коррупции». Тараз, 2021-2022 г.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

Назаров Равшан Ринатович

Этнополитические процессы и межэтнические отношения представляют собой важный аспект социально-политической жизни любого многонационального, полиэтнического социума, ярким примером которого является Республика Узбекистан.

Этническая политика в широком смысле – это составная часть и специфический аспект политики в условиях многонационального, полиэтнического государства. Будучи включенной в общий контекст политики, она обладает известной самостоятельностью, и в этом качестве способна как ускорять, так и тормозить ход общественного, а значит и национального развития.

Этническая политика в узком смысле – это стратегический курс правительственных структур, политических партий, общественных движений многонациональных (полиэтнических) государств в национальном вопросе, находящий свое закрепление в законодательных актах, специальных программах и других соответствующих документах.

Равноправие, консолидация, взаимодействие, совместное процветание всех этносов – таковы основные принципы этнической политики Республики Узбеки-

стан. В Конституции [1] и других законодательных актах Республики (Закон «О государственном языке» [2], Закон «О гражданстве» и т.д.) отмечается: все граждане РУз, независимо от национальности равноправны; государство гарантирует законные права и интересы всех национальностей, запрещены дискриминация любой национальности, а также действия, направленные на подрыв сплоченности национальностей. Государство выступает против национального шовинизма и национализма; каждая нация имеет право свободного применения и развития своего языка и культуры, имеет право на сохранение собственных верований, традиций, обрядов, обычаев [3].

Демократическая этническая политика опирается на следующие принципы: равноправие этнических групп, межнациональное, межэтническое согласие и толерантность, сочетание этнонациональных и общегосударственных интересов, запрет любых форм недемократического решения национального вопроса (национализм, расизм, фашизм, апартеид, сегрегация, депортации, насильственные миграции, насильственная ассимиляция и т.д.), поддержка прав меньшинств на сохранение этнической самобытности и своеобразие.

Узбекистан традиционно многонационален, полиэтничен. История взаимодействия различных этносов восходит здесь к глубокой древности. Веками живут рядом с узбеками таджики, казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки, бухарские евреи, персы, арабы, уйгуры, дунгане и т.д. На протяжении длительного времени для этнических процессов и межэтнических отношений в Узбекистане характерны открытость, дружелюбие, добрососедство.

Большинство коренных этносов региона объединены глубокой хозяйственно-бытовой, языковой, конфессиональной, этнокультурной близостью.

Основу этнополитики современного Узбекистана составляют следующие основные принципы: [4]

1. полное равноправие всех граждан, вне зависимости от этнической, расовой, языковой, конфессиональной принадлежности;

2. приоритет прав человека над правами любых групп, включая этнические;

3. уважительное отношение к правам, культурам, языкам, традициям, обычаям, конфессиональным особенностям всех этнических меньшинств, создание условий для сохранения их специфики;

4. развитие рыночной экономики, правового государства, гражданского общества, реформирование, обновление и модернизация в интересах всех этнических групп;

5. разрешение любых сложных и проблемных ситуаций в межэтнических отношениях исключительно мирными средствами;

6. развитие принципов межэтнической и межконфессиональной толерантности;

7. сохранение этнокультурного многообразия.

Основными источниками обеспечения этнополитики РУз являются:

- Конституция РУз и другие законодательные акты в данной сфере (Закон «О государственном языке», Закон «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан», Закон «О гражданстве», Закон «О свободе совести и религиозных организациях» и т.д.);

- Международные договоры в области прав человека и гуманитарного права, ратифицированные РУз (Конвенция «О ликвидации всех форм расовой дискриминации», Заключительный акт Хельсинкского совещания ОБСЕ и т.д.);
- Концепция государственной политики Республики Узбекистан в сфере межнациональных отношений (15.11.2019 г.);
- Указы Президента РУз («О мерах по дальнейшему совершенствованию межнациональных отношений и дружественных связей с зарубежными странами» от 19.05.2017 г. и др.);
- Постановления Президента РУз («Об организации деятельности Комитета по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при Кабинете Министров Республики Узбекистан» от 23.05.2017 г. и др.);
- Постановления Кабинета министров РУз («Об организации Общественных Советов по обеспечению межнационального согласия, толерантности и солидарности» от 17.11.2020 г. и др.);
- принятые и ратифицированные резолюции и рекомендации международных организаций, членом которых является РУз (ООН, ОБСЕ, СНГ, ШОС и т.д.);
- двусторонние и многосторонние межгосударственные соглашения, регулирующие статус этнических меньшинств;
- Национальная стратегия действий по правам человека (22.06.2020 г.).

Как отмечается в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации: «всякая те-

ория превосходства, основанного на расовом различии, в научном отношении ложна, в моральном - предосудительна, а в социальном - несправедлива и опасна и что не может быть оправдания для расовой дискриминации, где бы то ни было: ни в теории, ни на практике» [5, с. 72].

Элементами этнополитики РУз выступают [6]:

- практические действия по созданию в обществе атмосферы межэтнической и межконфессиональной толерантности;

- совершенствование правовых институтов и законодательных механизмов по обеспечению индивидуальных и коллективных прав человека, в т. ч. меньшинств (этнических, расовых, языковых, конфессиональных, культурных и т.д.);

- меры по сохранению этнокультурной самобытности меньшинств и их интеграции;

- обеспечение пропорционального представительства этнических меньшинств во всех сферах общественной жизни: политической, экономической, культурной и т.д.

Основные конституционные нормы, касающиеся этнополитики, закреплены в статьях 4, 8, 18, 21, 31, 57, 73, 74, 115 Конституции РУз, в ст. 6 Трудового Кодекса РУз, в ст. 5 Закона «О свободе совести и религиозных организациях», в ст. 6 Закона «О средствах массовой информации», в ст. 24 Закона «О государственном языке», и т.д.

Статья 8 Конституции гласит: «Народ Узбекистана составляют граждане Республики Узбекистан независимо от их национальности» [1].

В статье 4 Конституции закреплён принцип обеспечения культурного развития меньшинств: РУз «обеспе-

чивает уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям наций и народностей, проживающих на её территории, создание условий для их развития» [1].

Согласно статье 15 Закона «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан»: «Все граждане Республики Узбекистан независимо от нации, народности... имеют одинаковые гражданские права и находятся под охраной Конституции республики и её законов» [7].

Важными показателями демократичности этнополитики РУз являются:

- запрет на организацию политических партий по национальному и расовому принципу (статья 57 Конституции РУз) [1];

- запрет на создание общественных объединений, деятельность которых направлена на пропаганду этнической, расовой, религиозной розни (статья 5 Закона «Об общественных объединениях»);

- запрещение дискриминации в трудовых отношениях в зависимости от расы, национальности, языка, отношения к религии и т.д. (статья 6 Трудового Кодекса РУз) [8, с. 131];

- запрет на использование религиозных лозунгов в целях возбуждения вражды, ненависти, межэтнической розни (статья 5 Закона «О свободе совести и религиозных организациях»);

- недопустимость использования СМИ в целях пропаганды этнической, расовой, религиозной вражды (статья 6 Закона «О средствах массовой информации»);

- запрет препятствованию осуществлению права граждан на свободный выбор языка общения, воспита-

ния, образования (статья 24 Закона «О государственном языке»).

Высоким званием «Герой Узбекистана» награждены более 100 человек, среди которых наряду с узбеками также арабы, казахи, каракалпаки, корейцы, русские, таджики, украинцы.

Республика Узбекистан регулярно представляет в Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации доклады по выполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, в которых предусматривается следующее [9]:

- дальнейшее совершенствование государственной политики в сфере недопущения расовой дискриминации и усиление социального партнерства в данной сфере;
- изучение передового зарубежного опыта правового регулирования вопросов защиты от расовой дискриминации в целях более глубокой имплементации в законодательство страны соответствующих международных стандартов;
- активизация информационно-просветительской, образовательной и издательской деятельности в целях информирования граждан и государственных служащих о положениях Конвенции и других международных документов, формирования культуры прав национальных меньшинств в обществе;
- усиление мониторинговых и социологических исследований состояния выполнения Конвенции соответствующими государственными органами как в центре, так и на местах;

- совершенствование системы сбора и анализа дезагрегированных данных о положении дел в сфере обеспечения прав представителей различных наций и народностей, проживающих в Узбекистане;
- конкретизация полномочий органов законодательной, исполнительной и судебной власти в сфере выполнения международных обязательств страны по недопущению расовой дискриминации [10].

Важную роль в улучшении этнолингвистической ситуации в республике сыграло принятие в 1995 г. Новой редакции Закона «О государственном языке». Как отмечают специалисты: «В этом законе определены правовые основы функционирования узбекского языка как государственного, а также других языков, гарантии их защиты. Урегулировано использование языков с учетом лингвистического состояния населения по месту жительства, труда, учебы... Установлена ответственность за пропаганду вражды и проявление пренебрежения к другим языкам» [11, с. 13].

Важными показателями эффективности этнополитики РУз являются функционирование системы образования на 7 языках, прессы – на 12 языках.

В Узбекистане насчитывается 10130 школ, в т.ч. с обучением [12]:

- на узбекском языке - 8227 (5 346,8 тыс. учеников);
- на русском языке - 88 (636,5 тыс. учеников);
- на каракалпакском языке - 245 (124,2 тыс. учеников);
- на таджикском языке - 92 (67 тыс. учеников);
- на казахском языке - 143 (53, 4 тыс. учеников);
- на туркменском языке - 23 (10,8 тыс. учеников).
- на киргизском языке - 21 (7,8 тыс. учеников).

Кроме того, при многих национально-культурных центрах (Армянском, Еврейском, Немецком, Польском, Татарском и т.д.) действуют воскресные школы, где молодые (и не только молодые) люди изучают родной язык, литературу, национальную историю, обычаи, обряды, традиции своего народа.

Во всех вузах Республики Узбекистан обучение осуществляется на узбекском и русском языках, в Республике Каракалпакстан – на каракалпакском, узбекском и русском языках.

Кроме того, во многих вузах есть отделения и группы с обучением на языках коренных этносов РУз [13]:

на казахском (Каракалпакский, Гулистанский, Джизакский, госуниверситеты, Ташкентский педуниверситет, Навоийский и Нукусский, пединституты); на таджикском (Бухарский, Самаркандский, Термезский госуниверситеты); на туркменском (Каракалпакский госуниверситет); на кыргызском (Андижанский госуниверситет).

Газеты в Узбекистане издаются на 8 языках: английском, каракалпакском, казахском, корейском, русском, таджикском, туркменском, узбекском (включая республиканские издания «Правда Востока» и «Народное слово» – на русском, «Нурлы жол» – на казахском, «Овози тожик» – на таджикском, «Uzbekistan today» – на английском); журналы – также на 8 языках: английском, армянском, каракалпакском, казахском, русском, таджикском, узбекском, французском.

Телепередачи транслируются на 11 языках: азербайджанском, английском, каракалпакском, казахском, корейском, кыргызском, русском, таджикском, татарском, узбекском, уйгурском.

Радиопередачи тоже выходят в эфир на 11 языках: английском, башкирском, казахском, каракалпакском, кыргызском, русском, таджикском, татарском, туркменском, узбекском, уйгурском.

В настоящее время в Узбекистане функционирует более 140 национально-культурных центров (НКЦ), охватывающих 27 национальностей, представляющих как крупные этнические группы, насчитывающие сотни тысяч чел. (русские, таджики, казахи и т.д.), так и небольшие по численности группы, насчитывающие лишь сотни человек (литовцы, дунгане и т.д.) [14]. «Большинством исследователей и экспертов отмечается стабильность и благоприятная динамика развития межэтнических отношений в нашей стране» [15, с. 4].

Важным элементом демократической этнополитики является сохранение культуры этнических меньшинств. Культура как всеобщий феномен является достоянием человечества в целом. Общечеловеческая культура – объединяющее начало, способствующее взаимопониманию и согласию этносов. Её отношение к этническим культурам – отношение общего к единичному. Как общее существует в единичном и через него, так и общечеловеческое существует в этнических культурах, выражается через них. Поэтому столь важно сохранение всех этнических культур, т.к. каждая из них – одна из граней выражения общечеловеческой культуры. Единичное выступает основой общего, но само общее так же необходимо единичному.

Замыкание в этнических рамках – опасно для развития культуры любого этноса, т.к. приводит к отключению от «культурного поля» планеты, способствует нараста-

нию стагнации ввиду недостатка культурной информации. Любые попытки сформировать этнически «чистую» культуру не имели успеха, если не считать примитивных изолированных сообществ (островных, высокогорных, пустынных, тропических и т.д.) [16].

Культура Узбекистана имеет значительные объективные предпосылки для поступательного и динамичного развития. Говоря «культура Узбекистана», мы не подразумеваем исключительно узбекскую этническую культуру. Понятие «узбекская культура» включает в себя культуру всех частей узбекского этноса, проживающих в любом регионе Узбекистана, любом государстве ближнего или дальнего зарубежья. В то же время в понятие «культура Узбекистана» входит культура всех этносов и этнических групп, населяющих республику.

Культура всех этносов и этнических групп Узбекистана входит в более широкое понятие – «культура народов СНГ», поскольку культурные реалии подвержены значительно более медленным изменениям, чем реалии политические или социальные. Этнические культуры узбеков, казахов, каракалпаков, кыргызов, туркмен, таджиков составляют центрально-азиатский региональный блок культуры народов СНГ. В более широких этнокультурных рамках культуры всех этих этносов (и других – татар, башкир, крымских татар, уйгур, турок, азербайджанцев и т.д.) включены в мусульманскую суперэтническую систему. Также культуры практически всех мусульманских этносов Узбекистана (за исключением ираноязычных этносов – таджиков, иранцев, курдов) входят и в другую суперэтническую систему – тюркскую.

Этнокультурные связи народов Узбекистана не ограничиваются «культурными полями» СНГ, ислама и тюркского мира. Многокрасочность этнической и культурной палитры Узбекистана обеспечивает культурный плюрализм, подключённость к «культурным полям» других суперэтнических систем. Через русскую и русскоязычную культуру обеспечивается связь и обмен со славянством. Через славян, армян, грузин, греков и т.д. есть связь с широкой суперэтнической культурной системой – христианской (православной, католической, протестантской, григорианской и т.д.) [17]. Через западные этнические группы (немцы, прибалты, поляки) есть связь с культурой Европы, через группы восточного происхождения – связь с Ближним (евреи, среднеазиатские евреи, арабы) и Дальним Востоком (корейцы, дунгане, китайцы) и т.д.

Вся история человеческой цивилизации – это история этнокультурных контактов на региональном, государственном, групповом, индивидуальном уровнях. Из самой возможности пересадки элементов культуры (языка, религии, обычаев, особенностей хозяйства и быта и т.д.) с одной этнической почвы на другую, из реальной возможности органического синтеза элементов различных этнических культур можно сделать выводы о наличии глубоких общечеловеческих основ в культуре любого этноса [18].

Наличие элементов единой общечеловеческой культуры в каждой этнической культуре – это реальная основа для межэтнической культурной интеграции, которая всегда способствует обогащению духовной сферы общества. Мы имеем дело с сочетанием двух тенденций в развитии этнических культур: тенденции к самостоятельному этно-

культурному развитию и тенденции к межкультурной интеграции. Только на первый взгляд эти тенденции противоположны. Чем выше уровень интеграции, тем богаче содержание каждой из участвующих в ней культур. А чем богаче данное содержание – тем сильнее тяга к взаимодействию.

В заключении хотелось бы отметить следующее:

- демократическая этнополитика опирается на принципы: равноправие этнических групп, межнациональное, межэтническое согласие и толерантность, сочетание этнонациональных и общегосударственных интересов, запрет недемократического решения национального вопроса (национализм, расизм, фашизм, апартеид, сегрегация, депортации, насильственные миграции, насильственная ассимиляция и т.д.), поддержка прав меньшинств на сохранение этнической самобытности и своеобразия;

- этнический состав населения Узбекистана на протяжении длительного времени менялся в сторону все большего увеличения числа представителей различных этносов;

- культура Узбекистана имеет значительные объективные предпосылки для поступательного и динамичного развития;

- существуют две основные тенденции в развитии этнических культур: тенденция к самостоятельному этнокультурному развитию и тенденция к межкультурной интеграции. Только на первый взгляд эти тенденции противоположны. Чем выше уровень интеграции, тем богаче содержание каждой из участвующих в ней культур. А чем богаче данное содержание – тем сильнее тяга к взаимодействию.

В целом этнополитика Республики Узбекистан имеет достаточные правовые, научно-теоретические, историко-демографические, культурные основания для своего

дальнейшего развития и совершенствования в условиях системной трансформации социума, демократизации, модернизации и обновления, развития правового государства и гражданского общества.

В Узбекистане важнейшей задачей этнополитики на современном этапе является сохранение и укрепление социального и межэтнического единства страны. Государственный приоритет должен быть направлен на формирование такой модели идентичности, которая базировалась бы на передовом зарубежном и позитивном отечественном опыте, включающем политику взаимообогащения и сохранения этнического многообразия, диалог культур, межэтническую лояльность.

Этническая (узбек, каракалпак, казах, русский, таджик, татарин, кореец и т.д.) и политическая (узбекистанец, гражданин Узбекистана) идентичности должны не конкурировать, а взаимодополнять друг друга.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Узбекистан. Ташкент: Адолат, 2021.
2. Абдумажидов Г. «Ўзбекистон Республика сининг давлат тили хақида» ги конунга шарҳлар. – Комментарий к Закону «О государственном языке Республики Узбекистан». Ташкент: Адолат, 1999.
3. Гинзбург А.И. Узбекистан. Этнополитическая панорама: Очерки. Документы. Материалы. М.: ИЭА РАН, 1995.
4. Права этнических и религиозных групп Республики Узбекистан: проблемы и решения. Ташкент: НЦПЧ, 2000.
5. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 21 декабря 1965 г. // Действующее международное право. Т. 2. М., 1999.

6. Национальный доклад Республики Узбекистан по выполнению основных положений конвенции «О ликвидации всех форм расовой дискриминации». Отв. ред. А.Х. Саидов. Ташкент, НЦПЧ, 1999. – 56 с.

7. Закон «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан» // Конституционное право Республики Узбекистан. Ташкент, 1995. Т. 1.

8. Трудовой Кодекс Республики Узбекистан. Ташкент, 1999.

9. Национальный центр РУз по правам человека. VIII-IX Национальный Доклад по выполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Ташкент: НЦПЧ, 2012.

10. Национальный доклад Республики Узбекистан по выполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации за 2011 год // URL: http://www1.umn.edu/humanrts/russian/cerd/Ruzbekistan_add2_2011.html (дата обращения: 27.08.2022 г.)

11. Межнациональная толерантность в Узбекистане: теория, социология, практика. Ташкент, 2004.

12. Сайт Министерства народного образования РУз// URL: <https://uzedu.uz/ru/page/statistics> (дата обращения: 27.08.2022 г.).

13. Справочник для поступающих в высшие образовательные учреждения. Ташкент: ГЦТ, 2021.

14. Этноконфессиональный атлас Узбекистана. Ташкент: РИКЦ, 2005.

15. Лиманов О., Кадыров Б. Межнациональные и межконфессиональные отношения. Ташкент, 2006.

16. Художественная культура: интеграция и локализация. Ташкент: Ин-т искусствознания, 1992.

17. Русская Православная Церковь в Средней Азии: 140 лет добрососедства с Исламом. Ташкент: ТиУЕУ РПЦ, 2011.

18. Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Самарканд – Ташкент: МИЦАИ, 2010.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ МАРКЕРЫ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ В СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВАХ ЮГА КАЗАХСТАНА¹

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич

Заметно, что в политических технологиях государственной этнополитики Казахстана последних десятилетий значимое место продолжают занимать идеи и технологии советского периода, опиравшиеся на идеологемы интернационализма, братства всех национальностей страны, нерушимой дружбы народов. Никакие проблемы, недоговоренности и тем более претензии в вопросах государственной этнополитики не должны были омрачать образцовую казахстанскую «модель межэтнического единства и общенационального согласия Нурсултана Назарбаева»², которая на самом деле показала свою эффективность в непростые годы становления независимости. Тем не менее, властью не приветствовались субъективные мнения общественных деятелей, экспертов, уче-

¹ Исследование проводилось в рамках финансирования КН МНВО РК научного проекта №AP09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан» (2021-2023 гг.).

² Определение модели казахстанской этнополитики эпохи независимости, как известно, постоянно «эволюционировало», получив в 2012-2018 гг. свою законченную формулировку. Наряду с этим, в эти годы происходили и определенные содержательные изменения модели этнополитики в сторону ее консервации.

ных не подпадающие под общий тренд «монолитного единства всех казахстанцев». Соответственно, не изучались «неудобные» темы (кейсы), озвучивавшие проблемы повседневного рабочего взаимодействия этнических меньшинств и титульного большинства; проблематика этнической самооценки и выстраивания межкультурных границ; этнические стереотипы; нелинейные процессы возрождения самосознания титульного и не титульных этносов; интроспективные и социокультурные аспекты интеграции в казахстанское общество этнических казахских репатриантов – кандасов (оралманов); возникновение новой многомерной, нелинейной и фрагментированной казахстанской идентичности. Одним словом, табуированными оказались подавляющее большинство взглядов и мнений исследователей «вносящих раскол» в целостность идеологемы «единства в многообразии». В своей совокупности, со временем, не артикулируемые и не изученные проблемы меж- и субэтнического взаимодействия стали тормозом на пути совершенствования научно-теоретического концепта казахстанской модели межэтнического единства и согласия и, соответственно, прикладных аспектов ее практического применения.

После Кордайских событий 2020 года, казахстанское общественное мнение стало настойчиво и открыто задаваться массой вопросов, которые не озвучивались ранее: каким образом могли произойти трагические события?; в чем их причина и кто виноват?; где в активной предфазе кровавого конфликта находились гос- и спецорганы и представители Ассамблеи народа Казахстана?; почему было невозможно спрогнозировать и предупредить тра-

гические столкновения?; носили ли данные события характер: межэтнического, межкультурного, криминального или социального конфликта и т.д.? Социальные сети и заявления некоторых чиновников и общественных деятелей были перенасыщены обвинениями в адрес дунганской диаспоры – в их компактном проживании, замкнутости и стремлении к изоляционизму, нежелании осваивать казахский язык и служить в рядах ВС РК, неподчинении Духовному управлению мусульман Казахстана (ДУМК), неуважительном отношении к казахской культуре и титульному населению, в том, что «они сами во всем виноваты и пусть помнят на чьей земле находятся!» и т.д. и т.п. [1].

В своем нынешнем исследовании на основании проведенных социологических исследований в 2021-2022 гг. в южных областях Казахстана мы попытались наметить подходы к части ответов на вопросы, касающиеся проблем идентификации, интеграции и повседневного взаимодействия этнических групп Юга страны в местах их компактного и смешанного проживания. Рабочей гипотезой исследования стали предположения, что значительная часть титульного казахского населения Юга страны, включая, в первую очередь – кандасов, в своих жизненных стратегиях более ориентирована на примордиалистские представления о формировании нации, ее роли в национальном строительстве и соответственно, о ситуационистских стратегиях этнических меньшинств – проявлении их лояльности, стремлении к легитимизации своего иерархического статуса и различной степени признания со стороны верховной власти.

*Методологические аспекты исследований
казахстанской этнополитической проблематики*

Западная методология фокусируется вокруг исследования и объяснения: почему и каким образом примордиалистские и ситуационистские стратегии этнической идентичности проявляются и могут приводить к межэтническому конфликту, когда и при каких условиях они возникают, почему с такой интенсивностью и аффектом, как часто и очевидно? При этом крайне важной и одной из основных методологических стратегий исследований становится изучение этнометодологии повседневности – мнений «снизу», высказываний, убеждений и жизненных стратегий обычного населения различных этносов относительно государственной этнополитики в отношении этнических групп (титульных и меньшинств), их мнение о будущей модели развития страны, тактике и стратегии нациестроительства и повседневной работы местных властей, доверии людей друг к другу и к органам управления, их политической культуры – способности к самоорганизации, гражданскому самоуправлению и т.д.

С этой точкой зрения на методологию исследования межэтнических взаимодействий и нациестроительства солидарен известный специалист в области изучения этничности Роджерс Брубейкер, считающий, что национальность и национализм, хотя они и конструируются сверху, «нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним «снизу», с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека» [2, с. 15].

Р. Брубейкер призывает уловить и описать процесс эссенциализации идентичности, отказавшись от методологии «группизма» в определении этничности, когда исследователь приписывает те или иные поведенческие и когнитивные особенности определенным этническим группам. В качестве методологического инструментария он предлагает использовать *концепцию социального поля*, разработанную Пьером Бурдьё. В отличие от многих других социологов, П. Бурдьё призывает изучать не субстанции – некие социальные «частицы» как элементарные объекты, а социальные отношения, описывающие структуру и всевозможные состояния полей социального пространства [3].

Призывая обратить внимание на методологический подход Бурдьё к анализу социального пространства, которое включает в себя этнокультурное пространство, Брубейкер считает, что единицей анализа этничности не может стать группа, тем более «этническая». Альтернативой субстанциалистской идиоме ограниченных групп выступает реляционный, процессивный и динамический аналитический язык. Подводя итоги своего анализа современных методологических подходов к исследованию этничности, Брубейкер подчеркивает конститутивную и институциональную значимость ее когнитивного измерения [2, с. 42].

Питер Вайнрик и другие западные исследователи этнической идентичности в своих работах предлагают обратиться к использованию индикатора ISA (анализ структуры идентичности) как открытой метатеоретической структуре концепций и постулатов процессов от-

носящейся к формированию и переопределению идентичности, применявшейся в различных исследованиях этнической идентичности [4]; [5]. ISA кроме того, что с ее помощью могут быть оценены количественные параметры идентичности, еще призвана оценить когнитивно-эмоциональные аспекты оценки, а также интенсивность и волнение аффекта, которое может возникнуть, когда люди пытаются понять социальные события в терминах имеющихся в их распоряжении дискурсов. Таким образом, ISA является оценочной величиной, которая проникает в междисциплинарную сферу политологии, социологии, социальной психологии, антропологии [6, р. 116].

Методологию ISA в своих исследованиях успешно применяют эстонские ученые оценивая процессы интеграции неэстонцев в эстонское общество [5]. Необходимо отметить, что страны Балтии, практически полностью отказались от советского научно-методологического наследия, что объясняется их большей культурно-языковой и исторической близостью к Западу и соответственно, научно-исследовательским практикам западных стран, которая проявлялась даже в советский период¹. В своих исследованиях мы обращаем особое внимание на тот факт, что именно эстонский опыт нам наиболее интересен, по-

¹ Общеизвестным был уровень развития социологии в Эстонии в 60-80 гг. XX века. Методики эстонских исследователей того времени включали в себя лонгитюдные исследования, изучение повседневных коммуникативных практик на производстве и в быту. Они основывались на адаптированных западных социологических методиках и были без сомнения новаторскими, что дало огромный толчок развитию социологии в Прибалтике, Татарстане, Украине, Молдавии и других странах бывшего СССР. См. напр.: Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема. М., 1975.; Титма М., Кулк Т., Хелемяэ Е. Методологические проблемы выявления социального качества рабочей силы. Таллинн, Ээсти раамат, 1988.

сколькxу налицо: общее советское наследие, идентичное соотношение титульного и нетитульного (процент этнических русских и других этнических групп) населения, очень близкая проблематика интеграции в казахское (эстонское) общество, т.е сходство исследовательских стратегий и задач. Кроме этого для сравнительного анализа существует очень хороший научно-теоретический и прикладной задел, оставленный авторитетными западными учеными изучавшими проблематику интеграции русскоязычных в национализирующихся государствах постсоветского пространства – Украине, Эстонии, Латвии, Казахстане [7].

Таким образом, ISA представляет собой отражение подвижной структуры соотношения примордиалистских и ситуационистских представлений этнических групп общества о самих себе. Двигателем процессов формирования идентичности является конфликт идентификаций – ситуационной и примордиалистской. Для казахстанского дискурса особый интерес представляет изучение ISA-концептуализации, которая пытается уловить степень этнодифференциации этнических групп в контексте взаимодействия ситуационистской и примордиалистской идентичностей. В нашем исследовании мы также пытаемся уловить межкультурную дистанцию разделяющую этнические группы сельских поселений Юга страны через анализ данных фокус-групп проведенных нами в местах компактного и смешанного проживания этнических групп в 2021-2022 гг.

В нашем исследовании мы не претендуем на применение ISA подхода к анализу трансформаций казахской

и неказахской этничности в процессе формирования региональной идентичности Юга Казахстана. Мы пытаемся сфокусировать внимание казахстанских исследователей на возможности раскрытия новых горизонтов исследования идентичности как процесса сотрудничества и конфликтного взаимодействия ситуационистской и примордиалистской идентичностей, который возможно измерить операционализировать и использовать в научном анализе и прогнозе.

Неопределенность методологического подхода к изучению соотношения казахской и неказахской идентичности максимально осложнилась проявлениями региональных политико-культурных и исторических факторов – когда фасад культивируемого образа «острова межэтнической стабильности на постсоветском пространстве» рассчитанного на благосклонную реакцию внешнего мира стал заслонять собой реальные, латентные, стихийно складывающиеся процессы национализации (казахизации) общественно-политического и социокультурного пространств. Эти процессы включали в себя не только позитивные тренды возрождения лучших образцов этнической культуры, языка и обычаев казахского народа, но и архаизацию казахской идентичности. Всплеск неподдельного интереса к механизмам и моделям историко-культурной идентификации повлиял не только на рост национального самосознания казахов, но и нивелировал позитивный синергетический эффект от его возрождения, стимулируя возрождение неконтролируемых обществом когнитивных деформаций этнокультурных идентичностей в сторону их архаизации и иерархиза-

ции, провоцируя регулярные этносоциальные конфликты в направлении «казахи – этнические меньшинства».

Конкретизируя проблему мы попытались ответить на вопрос: в каких случаях и под влиянием каких ценностей происходит формирование межкультурных границ, насколько значимы в формировании этих процессов примордиалистские модели и тенденции? Апелляция к примордиалистским понятиям у кандасов очень сильна, но насколько готовы воспринять эти ценности в местных социумах Юга страны, в которые они пытаются интегрироваться и к которым они апеллируют? В ранних исследованиях мы пытались проверить насколько работают в новейших условиях возрождающиеся примордиалистские ценности и социальные механизмы у местных жителей Алматинской области [8]. Выяснилось, что в сформировавшейся этнокультурно смешанной среде местных социумов языковые, социальные профессиональные идентичности имеют между собой более равные показатели и не менее важную значимость для людей, чем исключительно родственные связи и механизмы социального взаимодействия.

Западные исследователи также не оставили без внимания данную проблематику [9].

*Субэтническая этнодифференциация
казахского населения: траектории и дистанции
взаимоотношения условных групп*

Демографические, политические и этнокультурные процессы, принявшие за тридцать лет независимости Ка-

казахстана необратимый характер характеризовались слабой артикулированностью исследовательского дискурса, явно недостаточным вниманием к теме проникновения в общественно-политическое пространство этнических традиционных ценностей и стихийного формирования этнической идентичности всех этнических групп страны. Со стороны государственных властей и Зиялы Кауым – общественных и культурных деятелей, влиятельных аксакалов, высших судебных чиновников, журналистов, ученых, экспертов не давалось авторитетной научной и официальной оценки архаичным моделям поведения и устаревшим этнокультурным ценностям казахов – многоженству, калыму, непомерным свадебным затратам истощающим на многие годы бюджеты казахских домохозяйств, влиянию доморощенных баксы и экстрасенсов, потаканию азартным играм, лицемерию, чванству, чиновпочитанию, которые стали сочетаться с «новыми» явлениями – открытыми бюджетными затратами высших государственных чиновников на атрибуты роскошной жизни – дорогостоящие командировки, шикарные автомобили и рабочие кабинеты, супердорогие виллы, коттеджи и прочие аксессуары.

Быстрый рост численности казахского населения, характеризующийся преобладанием молодежи в его структуре, привел к вопиющему дисбалансу в структуре занятости, безработице и неквалифицированной самозанятости, социальной неустроенности, отсутствию перспектив в использовании «социальных лифтов» для значительной части молодых казахов.

Казашка, 45 лет, юрист, жительница Узын-Агаша:
Наше правительство там себе до десятого поколения от-

растили брюхо. А у нашей молодежи нет будущего! Живут сегодняшним днем! Работают водителями, охранниками и т.д. Зарплата у них 50-60 тыс. тенге. Какое у них будущее!?

Многие выходцы из этнических групп, в отличие от казахов, не имевших торгово – предпринимательских традиций и навыков, умело распорядились земельными наделами, полученными в ходе приватизации колхозов и совхозов на заре независимости. В аульных казахских сообществах стало утверждаться мнение о том, что национальные меньшинства («другие», не титульные), проживающие на казахской земле, живут значительно лучше, чем коренное, титульное население [10].

Казах, 28 лет, полицейский, житель пос. Иргели Каскеленского округа Алматинской области: *Хочу добавить, что как я заметил, когда был в командировке в Кордайском районе, Жамбылской области в январе, при столкновениях казахов с дунганами, по прибытии на место, первое, что я заметил, что все дунгане живут обеспеченно... – все это заработанные деньги. И первое, что требовали местные казахи, почему это дунгане живут лучше нас на нашей земле, на нашей родине? Вот какие разговоры были. Из-за чего был конфликт, я считаю – это все была причина на национальной почве. Среди народа были разговоры, если кто-то другой нации, то он должен тихо ходить на нашей родине, и все эти погромы сжигание домов были из-за таких людей с таким мнением. А пострадали, в конечном счете, невинные люди и само государство».*

К тому же в казахстанских сельских сообществах повсеместно стала оформляться новая субэтническая прослойка казахских этнических репатриантов – кандасов

(оралманов). По мнению коренных старожилов, для значительной части кандасов характерны явно большие, чем у местных казахов – предприимчивость, трудолюбие, выживаемость, расчет исключительно на собственные силы, цепкость, нередко граничащая с изворотливостью, умелая апелляция к государству, стремление навязать общему коммуникативному пространству социумов свои представления о социокультурной, религиозной и языковой идентификации.

Казашка, 45 лет, юрист, жительница Узын-Агаша: *Каракалпаки завоевали весь рынок. А мы сидим..., местные казахи живут в съемной квартире у этих оралманов. Почему? Да потому, что у них нет возможности и средств. Особенно кто из Каракалпакстана, они строят, а местные снимают квартиры у них. Самые бедные оралманы ездят на Лада гранта, а богатые оралманы на Тойота Лэнд Крузер. А мне чтобы до такого уровня достичь, надо работать 50 лет... у всех оралманов бизнес идет хорошо. Далеко ходить не надо. Вот тут в нашем Бизнес-центре справки по миграции выдают за деньги. Нашим местным перекрывают кислород, не дают работать!*

В первую очередь местные казахи, прониклись убежденностью в том, что не только этнические меньшинства, но и кровные родственники – кандасы, имеют куда лучшие стартовые преимущества в социализации, чем местные казахские старожилы. Это субъективное неравенство, возвращенное на межгрупповом отчуждении, также вызывало противоречивые чувства в лице старожилов – в особенности, местного казахского населения.

Казашка, 73 года, пенсионерка, жительница Узын-Агаша: *Все приезжие живут хорошо. Только местные живут*

похуже. Оралманы все знают законы и постоянно качают свои права. Оралманы любыми доступными способами взяли земельные участки. Сейчас они там строят дома, и продают.

Казашка, 24 года банковский работник, жительница Жаркента. *Да у нас много оралманов. Есть соседи, есть клиенты в банке. Живут они лучше, чем местные. Они больше трудятся.*

Мониторинг этносоциальных процессов на Юге Казахстана проведенный исследовательской группой Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК в виде фокус-групповых дискуссий, наблюдений и интервью в 2021-2022 гг., отчетливо высветил напряженность внутриэтнических отношений между местными, коренными казахами и казахскими этническими репатриантами – қандасами. Была отмечена и определенная, менее выраженная напряженность между қандасами и представителями малых этнических групп. Многие респонденты отмечали, что между қандасами и местными жителями существует экономическое и социальное неравенство, оказывающее заметное влияние на межгрупповые взаимоотношения. Местные старожилы зачастую недовольны тем, что возвращенцы имеют определенные льготы и пользуются помощью государства, тогда как коренным жителям, по их мнению, такая помощь не оказывается. Застарелые социально-экономические проблемы, помноженные на субъективное, патерналистское восприятие причин нерешаемых проблем, определенно провоцируют рост межгрупповой напряженности в перенаселенных регионах Юга Казахстана.

Туркестанские кандасы, как правило отмечают, что в прошлом существовала еще более напряженная ситуация с нетерпимостью в отношении их самих и их детей со стороны местных:

Кандас, 60 лет, пенсионерка, уроженка Таджикистана, жительница пос. Карабулак, Сайрамский район, Туркестанская область: *Когда мы приехали из Таджикистана, мы жили в Шардаре, над нами так сильно издевались. Моему сыну говорила мать его одноклассника, вот, мол, приехали нищие, а теперь наелись, насытились. Мы приехали на свою родину. Нам было очень обидно за эти слова... больно слышать такие слова от своих же казахов.*

Кандас, 61 год, пенсионерка, уроженка Таджикистана, жительница пос. Карабулак, Сайрамский район, Туркестанская область: *Раньше, когда мы жили в Сарыагаше, одна учительница унижала моего сына, говорила, чтобы уезжали обратно. Над нашими детьми издевались! Я даже ходила к завучу и директору школы, говорила об этом. Сказала, что, если они не перестанут издеваться над нашими детьми и унижать их, я буду жаловаться в соответствующие органы!*

Кандас, 60 лет, крестьянин, уроженец Таджикистана, житель пос. Карабулак, Сайрамский район, Туркестанская область: *Раньше когда я жил в Жетысайском районе, местные казахи нас не признавали. Вели себя высокомерно по отношению к нам. Говорили, что мы из Таджикистана, что мы второй-третий сорт, нас дразнили, издевались над нами.*

Но со временем кандасы стали переезжать в более благоприятные места, стали привыкать и приспособли-

ваться к новым порядкам. Более открытые из них стали полноценно интегрироваться в новые сообщества и окружающие тоже стали привыкать к соседству и общению с теми из кандасов, кто не избегает диалога и открыт к взаимодействию.

Казах, 64 года, пенсионер, житель пос. Карабулак, Сайрамский район, Туркестанская область: *Они приехали сюда почти 30 лет назад. Они стали как местные уже.*

Уйгурка, 52 года, учитель начальных классов, жительница Жаркента. *Они предпочитают сами между собой жениться, общаться. ...но есть и такие, которые с людьми общаются, деньги не жалеют на общественные мероприятия, стараются быть в контакте, не сторонятся. А есть и на окраине живут, совершенно обособленно. Мы и лиц то их не знаем. Так что они разные...*

Казашка, 43 года, бухгалтер, жительница Узын-Агаша: *Раньше мы слышали часто такое (стереотипы и предубежденность против кандасов и других этногрупп – прим. авт.). Сейчас такого разделения нет. Со временем все крайности исчезают. Притираются люди друг к другу.*

Тем не менее, существуют и более жесткие и бескомпромиссные мнения представителей других этнических групп в отношении кандасов:

Украинка, 57 лет, учительница начальных классов, жительница Байзакского района Жамбылской области: *Они очень разнятся от менталитета местных казахов. Они бьют себя в грудь, что все им должны, все им обязаны. А если они пост какой-то занимают, то это вообще кошмар!*

Корейнка, 70 лет, пенсионерка, жительница Байзакского района Жамбылской области: *Они же запо-*

нили здесь все у нас! И они иногда тут пургу несут не в ту сторону (Респонденты интернациональной фокус-группы единодушно соглашались с ее мнением). Местные никогда так не сделают. Насчет этого тяжело бывает. У них другая политика и менталитет.

В общественном дискурсе бытует достаточно упрощенный взгляд на основную причину конфликтов между кандасами и местными старожилыми, заключающийся в пресловутой разнице в уровне жизни и целевой помощи им со стороны государства. Разумеется, и такие взгляды имеют место быть в реалиях повседневной жизни:

Русский, 52 года, безработный, житель Узын-Агаша: *Оралманы живут лучше. Я слышал, что, им государство землю и деньги выдает. Вон сосед у нас каракалпак, не успел приехать, так землю ему дали, дом отстроил, дети учатся в городе. У многих местных нет таких возможностей.*

Тем не менее, непосредственной причиной – триггером конфликтных ситуаций, на наш взгляд, выступают, как правило, стычки на почве несогласия в отношении повседневных социальных, языковых, религиозных, ритуальных моделей и норм поведения.

Казашка, 45 лет, юрист, жительница Узын-Агаша: *Они очень грубые, безбашенные! Они не хотят даже делать элементарные вещи, которые приняты у нас. Они хотят по-своему изменить наш жизненный закон – Конституцию! Мы казахи, которые здесь родились, не можем! Они пришли вчера и сегодня хотят изменить все и качать свои права!*

Респондентами из числа коренных жителей Алма-тинской, Жамбылской и Туркестанской областей, независимо от их этнической принадлежности, отмечается

постоянное присутствие в повседневной жизни межгрупповых бытовых замечаний не в пользу местных, бесконечные сравнения менталитета, порядков и ценностей, к которым привыкли кандасы в местах своего прежнего происхождения и жизненных стратегий, в которых сформировались и привыкли жить местные жители.

Казах, 28 лет, полицейский, житель пос. Иргели Каскеленского округа Алматинской области: *Из своего личного служебного опыта могу сказать, что из представителей казахов, которые приехали из КНР, все прекрасно владеют казахским языком, лучше, чем местные намного! Тем не менее, они не стремятся на государственную службу, не проходят срочную службу в армии РК, однако свои права требуют очень остро! Эти их постоянные сравнения с КНР, что у них там лучше законодательство, всем выделяли земли и дома, абсолютно все занимаются бизнесом...*

Казашка, 43 года, бухгалтер, жительница Узун-Агаша: *Обычно только оралманы так делают (выражают недовольство и делают замечания местным – прим. авт.). Они учат тут всех, как нам жить и на каком языке разговаривать.*

Местным старожилам, зачастую справедливо кажется, что кандасы не считаются с местными порядками и будучи прибывшими на эту землю после почти векового отсутствия, навязывают коренному населению свои собственные взгляды на языковые стратегии, культуру взаимоотношений, модели повседневного поведения, что опять же провоцирует множество мелких конфликтных ситуаций на бытовой социальной суб- и межэтнической почве. Очень много ссор и нареканий вызывает разница

в представлениях местных и кандасов об общественной гигиене, нарушениях правил частной собственности и на почве земельных споров, гласном и негласном выражении мнений и апелляциях к властям, адресной помощи государства отдельным социальным группам, оценке местной политики и т.д.

Казах, 36 лет, учитель, житель села Масак, Чиликского округа: *Несмотря на попытки наладить отношения с оралманами, они всегда стоят отдельно из-за особенностей в плане языка и условий проживания внутри самой культуры. Иногда возникают столкновения между оралманами и казахами. Чаще всего местное население имеет претензии к оралманам в плане соблюдения чистоты... Местная администрация должна обратить внимание на факт нарушения правил частной собственности со стороны оралманов! Оралманы в большинстве своем занимаются скотоводством и часто производят выпас скота на чужих территориях.*

Недовольство кандасов распространяется не только на этнических казахов, но и на другие этнические группы, что опять же вызывает огромную массу мелких и мельчайших конфликтных ситуаций, подогревающих меж- и внутриэтническую напряженность. При этом кандасы апеллируют к примордиалистским моделям и пониманию этнической идентичности. На основе собственных примордиальных, патерналистских представлений о структуре и функциях национального государства ими выстраиваются этнические идентификационные иерархии, в которых на вершине пирамиды находятся казахи как истинные хозяева земли, в первую очередь претендующие на преференции, вытекающие из данного статуса.

Кандас, 60 лет, пенсионерка, уроженка Таджикистана, жительница пос. Карабулак, Сайрамский район, Туркестанская область: *Нас пригласил сам Назарбаев в 1993 году! Мы своими силами добились всего, что у нас есть! Мы оставили все свое имущество, чтобы вернуться на Родину. Не получали пособия... у нас 6 детей, нет жилья до сих пор. Помогли бы казахам, облегчили бы жизнь!*

Кандас, 68 лет, пенсионер, уроженец Каракалпакстана, житель Иссыка: *Если дать работу кандасам и не брать чужие рабочие силы, когда недостаточно наших самих, то у наших детей были бы стабильные и хорошие доходы и работы. Это можно ведь сейчас сделать как в советское время.*

Очевидно, что стратегии русскоязычных и других этнических меньшинств и маркеры их определяющие, начинают зависеть от решимости и способности титульных групп составляющих те или иные нестабильные групповые конфигурации, попытаться установить иерархические границы и модели закрепляющие «титульную гегемонию».

Миф о титульной гегемонии транслируется в коммуникативное пространство соплеменников этнокультурными предпринимателями, за которыми стоят (пристраиваются) интересы политических и финансово-олигархических групп, прикрывающихся этнонациональной риторикой. Вопрос в том насколько возобладает такой параллельный дискурс в казахстанском обществе и сможет ли он составить реальную конкуренцию государственному дискурсу гражданского равенства и «единства в многообразии»?! Думается, что у многих представите-

лей этнических меньшинств такой примордиалистский, этнонационалистический дискурс вызывает серьезнейшие опасения и по всей видимости не находит особого отклика у значительной массы полиэтнического коренного населения.

Курдянка, 24 года, фармацевт, жительница Чилика: *В целом я отношусь к ним нормально, но просто минус в том, что оралманы они очень-очень агрессивно принимают всю реальность. То есть даже у нас в селе жители общаются на русском, в основном. И вот для оралманов, это прямо очень болезненно, они это не хотят принимать... Я очень обеспокоена за их будущее поколение! Потому что, если они будут их воспитывать в такой агрессии и ненависти, то я не думаю, что это к чему-то хорошему приведет.*

Мнение молодой курдянки свидетельствует, что дискурс неприятия всего русского и иного «неказахского», судя по всему, не находит отклика в сознании большинства, по крайней мере местного полиэтнического населения, которое не смотря ни на что, спокойно продолжает использовать русский язык в повседневных коммуникациях,

Мнения кандасов из села Карабулак, Сайрамского района, Туркестанской области среди которых много уроженцев Таджикистана отличаются категоричностью и апелляцией к примордиалистским иерархическим моделям. Отличительной особенностью Туркестанской области является то, что это трудоизбыточный регион с огромной плотностью населения, нехваткой работы, свободных земель, водных ресурсов и очень низкими зарплатами. Возможно, что совокупность этих социальных

факторов влияет и на радикализацию мнений и настроений туркестанских кандасов, которые более других изученных нами групп казахских репатриантов Юга страны жалуются на тяжелую жизнь казахов, имея в виду, в первую очередь – кандасов, высокомерие и психологические притеснения со стороны всего местного населения:

Кандас, 67 лет, уроженец Таджикистана, житель пос. Карабулак, Сайрамский район, Туркестанская область: ... почему мы должны помогать другим нациям? У других условия жизни хорошие. В любом месте, в Сайрамском районе, Жетысае, Карабулаке, Манкенте у русских, узбеков, таджиков, уйгуров, дунган условия жизни очень хорошие! Мучаются и страдают только казахи в своей стране! Это большая проблема!

Кандасы из Иссыка, расположенного поблизости от Алматы среди которых все являются уроженцами Китая и Каракалпакстана напротив, более сдержанны в своих оценках, меньше уповают на государство и менее склонны винить в своем положении местные власти, местное население и представителей других этнических групп. Возможно, что при сравнении мнений кандасов из разных регионов на радикализацию мнений влияет не страна происхождения казахских репатриантов, а большая/меньшая доступность хорошо оплачиваемой работы, земельных и водных ресурсов. Более благоприятный климат предгорий Заилийского Алатау, меньшая плотность населения и близость огромного мегаполиса Алматы с его возможностью найти более высокооплачиваемую работу в конечном счете сказываются и на общем психологическом настрое кандасов Иссыка:

Кандас, 40 лет, строитель, уроженец Каракалпакстана, житель Иссыка: *Слава Богу, все в порядке, работаем, сложа руки не сидим! Все трудности преодолеваем вместе с народом. В кармане ничего лишнего нет. Если жаловаться, то много минусов...*

Мы с уважением относимся к другим нациям, и они тоже к нам. Водитель на работе русский, а я ему ответил на казахском, и он меня понимает.

Кандас, 37 лет, филолог, уроженец г. Кульджа, Китайская Народная Республика, житель Иссыка: *Улучшится или ухудшится наша ситуация, зависит от человека. Я не думаю, что наше положение ухудшится, если мы будем много и честно работать, и будем всегда в поисках знания, наоборот, наше положение улучшится... Я думаю, что у нас хорошие отношения как с местными казахами, так и с людьми других национальностей. Если он уважает мою родину, мой язык, мою землю, и меня, я готов общаться с кем угодно! И они хотят общаться.*

Социолингвистические стратегии местных сообществ как ключевая проблема интеграции

Государственный язык, который, по мнению как прежнего главы государства, так и нынешнего президента РК должен стать основным интегрирующим фактором объединяющим граждан страны, на практике, зачастую является разделяющим этносоциальные группы страны. Причем линия языкового и ценностного разделения проходит не обязательно по границам этническим, поскольку значительная часть этнических казахов

недостаточно полно владеет казахским языком и предпочитает в повседневных коммуникациях использовать русский язык. Русскоязычные языковые предпочтения выказывают и малые этнические группы, несмотря на то, что значительная часть из них, в особенности тюркоязычные меньшинства (узбеки, уйгуры, турки, кыргызы, азербайджанцы) в повседневной бытовой практике в общении с казахоязычными используют казахский язык, в отличие от этнических русских и других этнических групп ориентированных на русский язык и русско-советскую культуру (корейцы, немцы, евреи, татары (несмотря на их тюркоязычное происхождение), украинцы, поляки и др.). Но языковая проблематика, выстраивание новых межкультурных границ, основанных на языковых различиях и «нежелании» этнических меньшинств «проявлять на практике уважение к казахскому языку» все более увеличивает межкультурную дистанцию между казахоязычными и русскоязычными группами населения.

Кореянка, 70 лет, пенсионер, жительница Байзакского района Жамбылской области: *Да, а если ребенку сестра или брат говорит «орыстармен барма!», («с русскими не ходи!» – перевод с каз. яз.) то, конечно, он пойдет как ему скажет родственник близкий.*

Русская, 52 года, учительница начальных классов, жительница Байзакского района Жамбылской области: *Но здесь даже не прямо на русских и казахов делятся, а на русскоговорящих, русские классы и казахоговорящих, казахские школы. Но у нас нет чисто русских классов, там и узбеки, и татары, и турки, и казахи.*

Украинка, 57 лет, учительница начальных классов, жительница Байзакского района Жамбылской области: 40 лет дружим после школы, они, представляете, сейчас уходят с группы по национальному признаку! Мы все переругались! Хотя такого за 40 лет после школы не было. Сейчас все протестуют друг против друга. Проучившись 10 лет в школе, мы не знали кто какой национальности, потому что мы все были братья и сестры, дружили с детства, мы ничего не делили, у нас было другое воспитание. Сейчас ведется правильная политика, но, по сути, в жизни все идет наоборот! ... реально сейчас делятся по национальному признаку. Особенно вот когда началась война завоевательская. Многие говорят: «Как мы этих русских ненавидим!». Но я не имею в виду русских, а именно, - русскоязычных. Русскими нас трудно сейчас назвать.

Кандасы являются, как правило, исключительно казахоязычными и соответственно, лишенными возможности полноценного взаимодействия с русскоязычными согражданами и местным гражданским обществом, государственными учреждениями и медиа-дискурсом, сформированными и функционирующими на основе коммуникативных моделей и практик русскоязычного языкового и информационного пространств. Поэтому совсем не сложно понять недоумение и постоянный внутренний психологический разлад кандасов, когда в Казахстане они, зачастую не могут получить желаемую работу и полноценные госуслуги из-за незнания русского языка, который повсеместно используется в повседневном общении, особенно в городских и сельских этнически смешанных казахстанских сообществах Востока, Севера и Центра Казахстана, городов Алматы и Астана.

Казах, 40 лет, предприниматель, житель Чилика: Обычные жители Шелека – это уйгуры и турки. Например, некоторые турки знают казахский язык, но из принципа говорят по-русски. Глядя на них, мы продолжаем говорить по-казахски, и они понимают. С русскими мы говорим по-русски, это их родной язык. И ты знаешь их язык, и должен уважать его и его национальность. Что касается братьев-уйгуров, то уйгуры говорят по-казахски. Если вы говорите по-казахски, и они говорят по-казахски. В основном уйгуры не сопротивляются. Они никогда не сопротивляются, если ты говоришь по-казахски. Некоторые из них не понимают по-казахски, говорят по-русски, или смешивают русский и казахский. И он не придет к вам и не начнет говорить на чистом уйгурском языке. Да, должно быть уважение к языку! В Шелекском районе русские на 95 процентов не уважают казахский язык! Для них нет суда! Что касается братьев-уйгуров, то они знают на 100 процентов, могут говорить на казахском языке, хотя бы и с акцентом. Между собой они говорят по-уйгурски, а среди казахов говорят по-казахски. Но, если ты единственный казах и рядом еще два уйгура, то они оба говорят между собой по-уйгурски, а ты говоришь по-казахски. У них нет проблем с языком.

Казах, 36 лет, учитель, житель пос. Масак Чиликского округа: Я считаю, что положение казахского языка является тяжелым. К примеру: в нашем Чиликском округе уйгуры разговаривают на русском языке, они не признают казахский язык. Используют казахский язык на разговорном уровне только при общении с казахами. По факту они воспитывают своих детей на русском языке, обучают в русскоязычных школах, а внутри своей культуры разговаривают на

уйгурском языке. Такого явления как уважение и почитание казахского языка не существует. Я лично убедился в этом и считаю, что мое мнение будет подтверждено в дальнейшем. Если бы они действительно уважали казахский язык, то они разговаривали бы на нем и не отдавали бы детей в русскоязычные школы. 80-90% уйгуров стараются воспитывать и обучать своих детей на русском и уйгурском языке. Русские в целом не обращают внимание на казахский язык из-за империалистического восприятия мира. Дунгане также разговаривают на своем или русском языке. Большая часть этносов разговаривают на русском языке и используют казахский язык только в случае необходимости.

Очень многие казахские этнические предприниматели и обычные казахи привычно считают, что этнические, межэтнические и языковые проблемы решатся сами по себе на основе простого увеличения численности казахского населения и создания значительного численного перевеса казахоязычных в структуре населения страны. В таком случае государственный язык за счет демографического перевеса сам собой займет свое главенствующее место в коммуникативном и идеологическом пространстве страны. Это простое решение сложнейшей языковой проблемы является популярным в среде казахских этнических предпринимателей, которые считают демографический и языковой перевес ключом к решению национального вопроса [11]. Достаточно редко и не в унисон с общепринятым мнением звучат профессиональные предложения экспертов и специалистов, предлагающих отказ от популизма в решении языкового и национального вопроса и настрой на долговременную, эволюци-

онную стратегию поднятия статуса и востребованности казахского языка за счет его внутреннего развития [12].

Главная претензия к местным казахам со стороны кандасов – это неповсеместное использование казахского языка во всех сферах жизнедеятельности, вопросы недостаточной религиозности коренного населения и несоблюдения ими казахских обычаев и традиций. Самих себя при этом кандасы позиционируют как «настоящих» казахов. По их мнению, изменения в Новом Казахстане должны касаться использования казахского языка не только в повседневной жизни, но и в официальном дискурсе.

Кандас, 67 лет, пенсионер, уроженец Таджикистана, житель пос. Карабулак, Сайрамский район, Туркестанская область: *Надо убрать из Конституции пункт о русском языке как о языке межнационального общения. Достаточно уже! Пусть депутаты парламента сами говорят на казахском языке. 30 лет терпели...!*

Кандас, 68 лет, пенсионер, уроженец Каракалпакстана, житель Иссыка: *Если кто-то работает в ЦОНе или в других государственных местах пусть говорят на казахском. Я не говорю, чтобы русские не работали, пусть работают, но пусть и казахский язык грамотно знают. Если придет русский, пожалуйста, отвечай и говори с ним на русском мы не против. Но когда я или другой казах придет, пусть отвечают на казахском языке.*

Местных жителей и не только представителей этнических меньшинств, но и казахов-билингвов, зачастую не устраивает позиция форсированного внедрения государственного языка. Они не хотят, чтобы им навязывали язы-

ковые стратегии повседневного общения и повсеместного обязательного использования государственного языка.

Уйгурка, 60 лет, бывшая учительница, активист Жаркентского отделения Ассамблеи народа Казахстана: *Я вот когда в школе работала, учителя выходцы из Монголии мне говорят: «Почему на казахском не говоришь с нами, почему по-русски говоришь, мы не понимаем тебя?». Я им говорю: «Здесь все говорят так, если не умеешь учись, где надо я тебе помогу освоить язык. Но я на каком языке хочу, на том и разговариваю!» Почему они мне должны указывать?!*

Казашка, 45 лет, юрист, жительница Узын-Агаша: *У оралманов есть такое, понаехали тут и жизни учат тут меня!... И с нами свысока еще разговаривают, обвиняют в незнании казахских обычаев, говорят, что они настоящие казахи, а мы русские! А сами те еще ...! Я-то знаю все это! Сама же оформлением занимаюсь всех этих документов.*

Уйгурка, 52 года, повар, жительница Чилика: *Слышала от других, что оралманы в Бижане возмущались тем, что здешние казахи не говорят на казахском, а разговаривают на русском языке.*

Уйгурка, 24 года, повар, жительница Чилика: *Слышала, что оралманы из Табаксовхоза говорили местным русскоговорящим: «Почему в своей земле вы не говорите на казахском? Мы, когда были за границей говорили только на родном языке и не понимаем, почему вы не используете свой родной язык?»*

Уйгурка, 62 года, пенсионерка, юрист, жительница Жаркента: *Наши говорят, что они (кандасы – авт. прим.) националисты.*

Мы привычно разделяем казахстанское общество на казахоязычный и русскоязычный языковые сегменты, считая их достаточно адекватно отражающими не только социолингвистические предпочтения, но и этнополитические и этносоциальные идентификации. Нельзя забывать, что в казахстанском обществе множество трилингвальных групп, в которых кроме казахского и русского языков присутствует либо родной этнический язык (узбекский, уйгурский, турецкий, чеченский, курдский и т.д.) либо английский. По большому счету казахстанские исследователи даже еще не подступали к реальному операциональному анализу указанных условных групповостей. Очевидно, что в казахстанском обществе таких «условных» языковых групп не две-три, а много больше. Они, безусловно связаны друг с другом различной степенью языковой близости (родства), сочетаниями повседневных, официальных и межгрупповых предпочтений, по различным стратегическим, тактическим и методологическим подходам и параметрам взаимодействия друг с другом. Соответственно в социолингвистическом пространстве группового взаимодействия происходит специфическая расстановка таких условных групп, опосредованно влияющих с различной степенью и по разным индикаторам на формирование общенациональной идентичности. Сам собой напрашивается вывод о необходимости исследований такой ценностной, языковой, социальной многополярности, пытаться выяснить сложную расстановку и взаимодействие различных переменных в социальном пространстве меняющихся идентичностей, применяя реляционный подход. Именно такой

подход позволяет фиксировать и затем проследить по определенным устойчивым маркерам процессы формирования межкультурных границ в сельских сообществах, расстановку и конфигурацию частных и групповых идентичностей в тот или иной момент развития формирующейся целостной/фрагментированной идентичности.

*Этнические стереотипы как табуированный
исследовательский дискурс*

Очередной задачей исследования стала попытка нащупать эту конфигурацию полярных и близких мнений в сельских и малых городских сообществах через категорию доверия – к власти, друг к другу, другим этническим группам [13]. Казахские сообщества неоднородны и этнические сообщества не менее неоднородны. Формирование ценностных матриц и моделей, утилизирующих в себе определенные устоявшиеся мнения, переживания, цели и устремления различных этносоциальных групп населения подвержено внутренним трансформациям на основании социально-психологического выбора понятийных и поведенческих моделей. Эти модели формируют в дальнейшем собственно стратегии жизнедеятельности – групповой легитимизации, демонстрации лояльности титульным группам и государству, выражающейся в признании подчиненного положения в пирамидальной иерархии идентичностей, преобладающей в сознании значительной части местного населения южных областей РК.

Формирование таких подвижных/устойчивых групп внутри социума подвержено, во-первых, исторической

традиции. В политических системах региональных социумов Казахской Степи, которая начиная с 19 века перестает быть моноэтнической, всегда существовала ведущая этносоциальная группа – своеобразный социально-политический гегемон. Во-вторых, статус такого гегемона, который негласно со второй половины 19 века принадлежал этническим русским и примыкающим к ним нескольким другим славянским этническим группам, к настоящему моменту по известным причинам кардинально трансформировался. Этот статус на себя уже 30 лет примеряют казахи – основной этнос, давший название государству и составляющий на данный момент 70% населения страны. Многие из них, особенно, получившие советское воспитание и образование так и не могут привыкнуть к титульному статусу казахов, который верховной властью формально так и не провозглашался, постоянно видоизменяясь¹.

Казахи в своей стране, будучи де-юре титульным этносом, де-факто не могут полноценно освоить роль гегемона, поскольку существует постоянная взаимосменяемость статусных, этнокультурных, гражданских моделей и дефиниций, призванных закреплять эту роль. Идет

¹ Для казахов, их статус, так и остается неопределенным, поскольку за время независимости он постоянно трансформировался, начиная от самоопределившейся казахской нации, а затем части казахстанского народа, до титульного этноса, затем ведущей этнической группы. Казахи провозглашаются абсолютно равными со всеми, но с другой стороны наделенными особой исторической ответственностью за свою (общую?) землю и т.д. Все эти двойственные определения, актуализирующиеся по мере внешней необходимости еще более запутывают понятийную базу казахстанской идеологии нациестроительства, оставляя казахов в состоянии неопределенности в отношении собственного статуса, что провоцирует непонимание, напряженность и радикализацию крайних позиций в обществе.

постоянное движение казахской идентичности в сторону наибольшей целесообразности, видимой как многовекторность, конформистская адаптация и стремление к компромиссу с внешним миром. Казахская идентичность сама не может привыкнуть к двойственности своего статуса – то ли гегемона, то ли абсолютно равного субъекта со всеми этническими группами страны. Иными словами, национальная идентичность казахов никак не может определиться с тем, на каких основаниях она должна строиться – этнических, гражданских или комбинированных?

Думается, что теория рационального выбора Д. Лейтина достаточно адекватна как методологический инструмент анализа групповых идентификационных механизмов этнических групп, включающих как видимые рациональные, так и иррациональные (неизученные) мотивы и предпочтения различных подвижных групп социума.

Во время нашего опроса «выяснилось», что формированию атмосферы доверия между различными этносоциальными группами казахстанского населения заметно препятствуют установившиеся этнические стереотипы, имеющие различный характер – давние, имеющие исторический характер, как к примеру у казахов с русскими, уйгурами, узбеками, кыргызами, дунганами; недавние – как у казахов с немцами, корейцами, турками, чеченцами; новейшие – с кандасами, таджиками, недавними мигрантами и экспатами.

Казахстанскими исследователями недостаточно изучены механизмы функционирования этнических стереотипов, их проявления через присущую отдельным

этническим группам социальность, в современных этносоциальных связях и взаимодействиях. Хотя, казалось бы, именно этнопсихологические исследования занимают наиболее значимый сегмент в исследованиях казахстанских психологов. Некоторое количество имеющихся работ казахстанских психологов М.А. Искаковой, У.С. Нургалиевой, О.Х. Аймаганбетовой, Л.С. Насыровой посвящены исключительно исследованиям структуры и ценностной составляющей этностереотипов казахов и русских и в своей методологической части опираются на труды российских исследователей данной тематики – Агеева В.С., Андреевой Г.М., Дробижевой Л.М., Кон И.С., Солдатовой Г.У., Стефаненко Т.Г. и др. Фактически не изученными остаются этностереотипы в отношении других казахстанских этнических групп, тем более во взаимосвязи с этнополитическими и этноконфликтологическими аспектами их взаимоотношений с титульными казахоязычными и русскоязычными группами. В научной литературе по этим направлениям политической и социально-психологической науки фактически не существует работ об исследованиях этнических стереотипов и социально-психологических детерминант, способных вызывать спонтанную этническую мобилизацию в ситуации конфликта, ее причинах и механизмах. Хотя, именно это направление исследований является самым актуальным и перспективным, поскольку в течении 20 последних лет все межэтнические конфликты в стране имеют однозначное и стабильное направление «казахи – другие этносы».

Ухудшающееся экономическое положение, на которое мы привычно ссылаемся как на триггер внезапной

вспышки протестности этнических групп населения далеко не всегда может выступать главной причиной этнической мобилизации ведущей к межэтническому конфликту [14].

Огромную роль в обеспечении стабильности и сотрудничества в межэтнических контактах играет доверительный климат, складывающийся в местных интернациональных сообществах. Миграционные процессы, появление новых страт и этносоциальных групп общества, тенденции казахизации коммуникативного пространства играют свою роль. Но ни в коем случае из анализа нельзя исключать «старые межгрупповые счеты» основанные, в том числе и на этностереотипах. Существующие в обществе этностереотипы, в комплексе с другими факторами и маркерами этнонациональной идентификации такими как историческая память, социокультурная травма и т.д., по-прежнему способны дезинтегрировать местные сообщества, будучи катализаторами, запускающими механизмы конфликта. Комплексные социально-психологические и этнополитические детерминанты казалось бы, иррациональным, почти необъяснимым образом, становятся триггерами социальных конфликтов, способных перерасти в межэтнические столкновения.

В частности мы обратили внимание на достаточно регулярные конфликты между казахской и уйгурской молодежью в местах компактного и смешанного проживания в Уйгурском р-не Алматинской области, имеющие достаточно длительную латентную историю. Очевидно, что в данном случае не прослеживаются доверительных отношений между молодыми людьми уйгурского и ка-

захского этносов и недоверие это имеет давнюю историю, семейные корни и мифы, основанные на этнокультурных стереотипах групповых отношений скотоводческого и земледельческого народов, спорах о земле, автохтонном праве собственности на граничащие территории региона Жетысу и др.

Уйгурка, 58 лет, безработная, жительница Чилика: Известно, что уйгуры близки к торговле. Наверное, поэтому со стороны казахов бытует е мнение, что уйгуры хитрые. Со стороны уйгуров по отношению к казахам, исходя из личного, могу сказать, что казахи не хотят решать свои проблемы. В соцсетях просят помощь, а сами не пытаются работать. У уйгуров такого поведения я не замечала.

Казах, 34 года, учитель, житель села Масак Чиликского округа: По моему есть определенные стереотипы. Уйгуров называют земледельцами и «сартами». Так же есть мнение, что они обмануть могут. А со стороны уйгуров по отношению к казахам не встречал каких-либо оскорблений. У казахов меньше ответственности и ленивый народ. Поэтому, есть определенное недоверие к ним со стороны уйгуров и русских.

Казах, 40 лет, предприниматель, житель Чилика: Есть конфликты, в основном с братьями-уйгурами. Это настоящий национализм! У нас было много драк, особенно в кафе... Это давний спор. Молодые люди ненавидят друг друга!

В казахстанском дискурсе фактически не существует исследований на тему этнического фаворитизма, этнической дискриминации, в отличие скажем от российских исследователей, особенно в приграничных с Казахстаном

областях России, которые проводят такие социологические исследования даже среди подростков в школах [15].

Ранее, в мониторинговых исследованиях нами отмечалось, что у некоторых достаточно малочисленных этнических групп Казахстана – таджиков, курдов, дунган чрезвычайно тонкая прослойка представителей этнической интеллигенции, имеющая тенденцию к элиминации [16, с. 21-22]. Истончающийся слой этнической интеллигенции также не способствует росту и развитию самосознания этнических групп, развенчиванию мифов, стереотипов и предрассудков в отношении других народов. Недавние мнения респондентов фокус-групповых исследований 2022 года подтверждают этот факт:

Уйгур, 66 лет, пенсионер, жигитбеши села Үлкен Қарасу округа Чунджи: *Я, когда смотрю телевизор мечтаю посмотреть концерт, мультфильм уйгурский. Но их нет и поэтому профессии многих малых народов закрываются и исчезают. Мы не оскорбляем казахов, не оскорбляем государство. Какие выпускают законы, мы всему подчиняемся. А вот именно по этому вопросу нас загоняют в угол.*

В казахской социальности, основанной на генеалогическом принципе, связь с исторической памятью, этническими родственниками играет огромную роль, провоцируя как предсказуемые, так и иррациональные поведенческие мотивы. Возможно ли измерить эти когнитивные аспекты этнической идентичности, их связь с иррациональными на первый взгляд проявлениями этнической солидарности, степень их проявления в конфликтных ситуациях? Российский специалист по Центральной Азии С. Абашин считает, что межэтнические конфликты в

Центральной Азии за последние 30 лет имеют свою особенность, так как начинаются как бытовые и уголовные, но затем происходит молниеносная этническая мобилизация, в которой присутствует момент стихийности, спонтанного, иногда иррационального характера [17].

Другим объяснением использования мобилизации этнической принадлежности можно найти в рациональном поведении ради экономической или политической выгоды в результате политических манипуляций. Но работает ли теория рационального выбора Д. Лейтина в нашем случае? Авторитетные западные ученые уверены в сохранении этнической идентичности и аффективности ее проявлений в ситуациях, когда отсутствует очевидная выгода ее сохранения [18].

Демонстрация лояльности, также важнейшая часть легитимации нацменьшинств как полноправных членов казахстанской нации – сограждан Казахстана. Мы попытались нащупать эту расстановку полярных мнений в сельских и малых городских сообществах через межгрупповые доверительные контакты и отношения – к власти, друг к другу, другим этническим группам. Выяснилось, что «группа», которая привычно берется за единицу структурно-функционального анализа межгрупповых взаимодействий этносоциальных групп в пространстве не отражает реальной расстановки идентификационных моделей и механизмов взаимных контактов. Это связано с большой внутригрупповой гетерогенностью казахских и неказахских сообществ в отношении таких маркеров как языковые предпочтения, ценностные групповые ориентации, этнические стереотипы и межкультурные гра-

ницы. Инструменталистская теория рационального выбора Д. Лейтина более выражено работает в отношении стратегий этнических меньшинств, поставленных в зависимое положение от реалий государственного дискурса, с другой стороны от стратегий титульного большинства – казахов. Казахские сообщества, как указывалось выше представляют собой крайне неоднородный феномен не охватываемый понятием «казахоязычные», также как совершенно неверным будет относить многочисленные группы этнических меньшинств, предпочитающих русский язык как основной язык общения – к «русскоязычным» группам.

В сообществах кандасов, которых мы относим к этническому казахскому большинству, также прослеживается поляризация ценностей, идентификационных мнений и устоявшихся субэтнических моделей. Меньшая часть кандасов приспосабливается к полиэтничности и той поликультурной и полиязычной среде, с которой им приходится взаимодействовать, особенно в результате поселенческой близости огромного мегаполиса – Алматы. Значительная часть кандасов Жамбылской и Туркестанской областей использует в повседневной жизни примордиалистские стратегии, требуя выполнения государственных обязательств в отношении кровных родственников, вернувшихся на родину.

Кандас, 61 год, пенсионерка, уроженка Таджикистана: *Я многодетная мать-героиня, у меня золотая медаль. В 2006 году мы приехали сюда... Наше правительство никак не помогает нам. Если правительство уважает нас, хочет чтобы Казахстан процветал, почему не помогают?!*

Мы и наши дети разве не заслужили кусочка земли на своей родине?! Нам никаких пособий не давали. Ладно, квартиру не дали, но можно же хотя бы земельный участок нам дать? Мы же приехали на Родину!?

В целом, в среде кандасов более выражено стремление бороться за свои права. По многочисленным свидетельствам респондентов кандасы не стесняются высказывать свое недовольство открыто и не только в адрес отдельных граждан, но и властей, зачастую очень умело, последовательно и навязчиво отстаивая и используя свои гражданские права посредством письменных жалоб и заявлений в соответствующие государственные органы.

Казашка, 45 лет, юрист, жительница Узын-Агаша ...Эти оралманы, чуть что пишут заявления в акимат, прокуратуру, милицию, качают права, обвиняют всех в притеснении и несоблюдении прав, всеми правдами и неправдами добиваются своего!

Их отношения с властью более требовательные и патерналистские. Местные казахи - старожилы не привычны к такому отношению ссылаясь во многом на советское воспитание, учившее довольствоваться малым, не высываться и не «качать права».

Казашка, пенсионерка, 73 года, жительница Узын-Агаша: Оралманы общаются между собой. Друг друга хорошо поддерживают, развивают свою культуру и традицию. Приезжие каракалпаки торгуют на базарах, они нас считают ленивыми. Мы жили в коммунизме и получили пенсию. Нам это достаточно. Довольствуемся тем, что есть.

Но проблема в том, что традиционный тип социальности, отражающий идентичность казахского кочевого об-

щества вековой давности и законсервированный советской идеологией и коллективистским воспитанием уступает в эффективности в открытой конкурентной борьбе с рыночными деэтнизированными моделями социальных связей. Такого рода гражданские взаимоотношения доказывают на деле свою эффективность, тем более, что в Казахстане отсутствует традиция представления и отстаивания интересов этнических групп. Казахи на протяжении сотен лет, за исключением микроскопического по меркам истории периода представительства казахской фракции в Государственной Думе Российской империи и представительства Алаш-орды в политическом спектре российско-советского политического поля, практически не имели традиции легально артикулировать свои политические требования. По-видимому в этом кроется причина того, что современные казахи не имеют традиций политической культуры способной представлять интересы населения на основе деэтнизированных моделей, не считая большевистского «интернационалистского» периода мало что давшего для развития национального самосознания и реальной политической культуры населения. В отличие от прекративших свое существование в начале 19 века чингизидских политических традиций моноэтничного казахского общества, современное казахстанское общество стоит перед задачей изобретения новой политической традиции основанной на ценностях полиэтнического демократического общества. Ведь казалось бы очевиден факт, что межэтнические проблемы общественной интеграции и взаимодействия не решатся сами собой, на основании простого увеличения численности казахоязычных и т.д.

Базовые институциональные основания, на которых строятся национальные государства на Западе ориентированы на иные принципы, где этничность остается культурным постулатом, который учитывается, но не является основополагающим. Тем не менее, в рамках демократических принципов и политических процессов во многих западных странах допускается деятельность партий, отстаивающих права отдельных этнических групп – больших и малых. В частности, в Восточной Европе, в Словакии, Румынии существуют партии венгерского меньшинства, в Болгарии – партия турецкого меньшинства, в Западной Европе – это североирландская Шинн Фейн, Шведская народная партия Финляндии. Как правило, эти партии достаточно малочисленные и не являются чисто этническими по своей структуре и целям. В своей деятельности они отстаивают собственные этно-региональные и этноконфессиональные задачи и входят в те или иные правительственные и парламентские коалиции [19]. В Казахстане согласно статье 5 Закона «О политических партиях» запрещено создание партий на расовой, этнической, религиозной основе [20]. Соответственно примордиалистский подход подспудно возрождаемый в политических практиках местных властей и сообществ и латентно переносимый в казахстанские институты не находит легального, легитимного выхода, в то же время не давая развиваться гражданским практикам и моделям политического самовыражения населения.

Этнические меньшинства Казахстана отдают явное предпочтение гражданским моделям идентификации. На таких деэтнизированных моделях легитимации

гражданских взаимоотношений настаивают, в частности, представители уйгурской диаспоры. Тем не менее, казахстанское государство пока предпочитает сохранять практику времен СССР, когда фиксировалась этническая принадлежность граждан в документах удостоверяющих личность. Учет и регистрация этнической принадлежности в гражданских документах закрепляет особый статус этнической идентичности в иерархии ценностей казахстанцев, нивелируя ценности гражданской идентичности. Что об этом думают обычные граждане?

Уйгур, 44 года, военный пенсионер, житель села Үлкен Қарасу Уйгурского р-на: *Если бы в паспорте у всех стояла надпись – «гражданин Казахстана», межнациональных конфликтов не было бы. И вы гражданин Казахстана и мы граждане Казахстана и на этом все! Вопросов, проблем типа уйгур или казах, не возникало бы. Например, в Узбекистане так. Мои дяди переехали в Узбекистан, живут там, и они записаны узбеками. Нет вопросов!*

Уйгур, 66 лет, жигитбеши села Үлкен Қарасу Уйгурского р-на: *Зачем это писать национальность? Какая необходимость в этом? Мы же граждане Казахстана, для Казахстана душу отдадим, сделаем все для Казахстана! Зачем разделять на национальности?*

Казах, 38 лет, рабочий, житель Жаркента: *Все мы из одних мест. Пять пальцев только вместе должны быть. Сколько уже можно говорить об этом! Родные мы, все друг друга знаем, нечего делить нам! Об этом в семье и детям скажем. Пишите – гражданин Казахстана!*

Возможно, что устранение «национальности» из паспортов могло бы со временем существенно повлиять на

чувство привязанности к государству и консолидацию общества, культивируя в первую очередь гражданскую идентификацию. Тем не менее, сложно сказать, насколько быстро и эффективно разрешатся в таком случае реальные проблемы и фантомы сознания, на немедленное решение которых надеются респонденты.

Выводы

На основании проведенного анализа мы пришли к выводу, что в сельских локациях Юга Казахстана – регионе, в котором последние 20 лет происходили наиболее резонансные и регулярные межэтнические конфликты, сложилась неоднозначная латентная ситуация, отражающая непростые процессы становления общенациональной идентичности. Процесс формирования идентификационных проектов как результата взаимодействия титульной и нетитульной идентичности характеризуется многополярностью, отсутствием прямой связи между языковой и этнической идентичностью у воображаемых «русскоязычных» и «казахоязычных» групп казахстанского общества. Новая идентичность складывается в результате латентного конфликта идентификаций – ситуационистской и примордиалистской.

В результате проведенных социологических исследований мы попытались уловить степень этнодифференциации этнических групп в контексте взаимодействия ситуационистской и примордиалистской идентичностей. Выяснилось, что в социальном пространстве сельских сообществ существует заметная неоднородность этниче-

ских и субэтнических групп определяющая межкультурные дистанции разделяющие население Юга страны.

Ситуационные стратегии идентификации наиболее присущи тюркоязычным этническим группам освоившим казахский язык и готовым применять его в повседневной практике. При этом в смешанных сообществах русский язык, по-прежнему, имеет прочные позиции. Это вызывает явное недовольство, в первую очередь кандасов, не только по причине слабого владения русским языком, но по более глубинным мотивам. Кандасы апеллируют, прежде всего, к русскоязычным казахам, мотивируя свои призывы и обращения необходимостью возвращения к казахским корням – этническому языку и этнической культуре.

В результате численного преобладания казахского населения в структуре которого появилась заметная прослойка кандасов были запущены стихийные процессы национализации (казахизации) общественно-политического и социокультурного пространств с выстраиванием новых межкультурных границ углубляющих межкультурную дистанцию между казахоязычными и русскоязычными сообществами. Достаточно тревожной выглядит ситуация в Жамбылской области. По свидетельствам респондентов даже среди бывших одноклассников в возрастной группе 50+ происходит размежевание по национальному признаку. Особую тревогу это вызывает еще и потому, что наиболее резонансные события межэтнического характера, включая Кордайские события 2020 года, за последние годы происходили именно в Жамбылской области.

В сознании части казахского населения, в особенности кандасов, заметно преобладание примордиалистских иерархических моделей идентификации, в которых на вершине условной иерархической пирамиды должны находиться казахи как титульный этнос со всеми вытекающими из этого положения правами и преференциями.

Такая иерархическая модель общенациональной идентичности не находит отклика не только у других этнических групп, но и у многих коренных жителей-казахов. Особенно заметны предпочтения гражданской идентичности в крупных населенных пунктах алматинской агломерации – Каскелене, Талгаре. Узын-Агаше. В этих небольших городах люди не ощущают межгрупповых разделений или дистанций по гражданским правам, но отмечают социальные дистанции по уровню доходов. По мере отдаления от крупных городов в направлении дальних аулов более южных областей Казахстана заметна тенденция ослабления гражданских предпочтений в пользу этнических, за исключением Шымкента и Жаркента. Приходится констатировать, что казахстанское гражданское общество не имеет традиций политической культуры, способной свободно и легитимно артикулировать, продвигать и представлять интересы населения на основе деэтнизированных моделей и политических технологий.

Несмотря на то, что все количественные социологические опросы, как правило, свидетельствуют о значительной поддержке гражданских ценностей и идеалов политической нации казахами, русскими и другими этносами, на самом деле мыслительные и поведенческие

модели нашего населения все равно происходят в рамках этнической парадигмы. Партийное строительство и партийная конкуренция, которые могли бы культивировать среди населения гражданскую парадигму и идеалы гражданской нации находятся в глубочайшем кризисе. Люди предпочитают находить ответы на жизненные вопросы в рамках этнической картины мира. Соответственно, абсолютно права респондентка-учительница из Байзакского района Жамбылской области, высказавшая сакраментальную фразу: *«Сейчас ведется правильная политика, но, по сути, в жизни все идет наоборот! ... реально сейчас делятся по национальному признаку»*.

Что касается мест компактного проживания уйгурского, дунганского и узбекского населения, в проведенных интервью и фокус-группах отчетливо проявились ситуационистские тенденции их идентификации. Проявляется это в молчаливом признании ведущей роли казахов, их подавляющей представленности в руководстве местных исполнительных и выборных органов. Хотя в отдельных ответах представителей этнических меньшинств прозвучало мнение о необходимости соблюдения определенных этнических пропорций в кадровой политике.

Представители русского этноса в данном исследовании показали, что они стоят особняком от других этносов, а именно, уже в ставшем традиционным явно недостаточном владении государственным языком. В целом русские настроены более критично, чем другие к более значительному этническому представительству казахов в выборных и исполнительных органах и на государственной службе. Тем не менее, этот факт не свидетельствует

автоматически о большой межкультурной дистанции между местными русскими, казахами и другими этносами, которые совместно продолжают общаться на русском языке, особенно в крупных полиэтничных населенных пунктах. Кандасы в этом диалоге/полилоге практически не участвуют по причине незнания или слабого знания русского языка. Тем не менее, младшее поколение кандасов постепенно интегрируется в билингвальную языковую среду, осваивая по мере необходимости русский язык, по-прежнему остающийся «лингва франка» крупных городских пространств.

В конечном счете, мы видим, что формирование межкультурных границ и усиление тенденций разделения и увеличения межэтнических дистанций во многом мотивируется и стимулируется влиянием примордиалистских, этнонациональных и этнократических ценностей. Проблема языкового разделения общества в данном случае просто находится на поверхности проблематики ценностных, глубинных межкультурных и межцивилизационных противоречий. Тем не менее, социолингвистическая идентичность также требует своего дальнейшего изучения в контексте би-, три- и полилингвальности условных групп населения и их связи с ценностными, идеологическими установками. Очень важно не упрощать сложную мозаику расстановки таких групп в социальном пространстве их взаимодействия.

Апелляция к примордиалистским понятиям у кандасов очень сильна, но готовность воспринять эти ценности в местных социумах Юга страны находится под большим вопросом и требует своего дальнейшего исследования,

также как и пределы возможностей ситуационистских стратегий этнических меньшинств. Наиболее важным предметом исследований в контексте дальнейшего изучения вопросов интеграции/размежевания в местных сообществах становятся проблемы формирования условных групп влияния, их ценностей, роли этнических стереотипов, мифологии и исторической памяти в создании межэтнических границ и дистанций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1 Кто и почему пытается сделать дунган виноватыми в кордайской трагедии? Central Asia Monitor, 23-09-2020, 18:28 – <https://camonitor.kz/35946-kto-i-pochemu-pytaetsya-sdelat-dungan-vinovnymi-v-kordayskoy-tragedii.html>

2 Брубейкер, Р. Этничность без групп — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с.

3 См.: Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр./Сост., общ. ред. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.

4 См.: Weinreich, P. (1979) 'Cross-ethnic identification and self-rejection in a black adolescent', in G. Verma and C. Bagley (Eds.) Race, Education and Identity. London: Macmillan; Weinreich, P. (2000) 'Ethnic identity and "acculturation": Ethnic stereotyping and identification, self-esteem and identity diffusion in a multicultural context', in E. Olshtain and G. Horenczyk (Eds.) Language, Identity and Immigration. Jerusalem: Magnes Press.

5 Kirch, M., Kirch, A., Rimm, I. and Tuisk, T. (1997) 'Integration processes in Estonia, 1993-1996', in A. Kirch (Ed.) The Integration of Non-Estonians into Estonian Society: History, Problems and Trends. Tallinn: Estonian Academy Publishers.

6 Peter Weinreich, Viera Bacova and Nathalie Rougier (2003). Basic primordialism in ethnic and national identity // Analysing Identity: Cross-Cultural, Societal and Clinical Contexts. Edition by Peter Weinreich & Wendy Saunderson. Routledge, New York pp. 115-170.

7 См.: David D. Laitin. Identity in Formation: The Russian-speaking Populations in the Near Abroad. Cornell University Press, 1998.; Rogers Brubaker Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states. Ethnic and Racial Studies Vol. 34 No. 11, November 2011, pp. 1785-1814.; Ammon Cheskin & Angela Kachuyevski The Russian-Speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity, Europe-Asia Studies, 71:1, 1-23. и др.

8 Botakoz Shakeyeva, Mukhtarbek Shaikemelev, Nurken Aitymbetov. Tribalism in Kazakhstan: Tradition Reborn or Social Instrument. Central Asia and the Caucasus, №4, 2020. – P. 33-41.

9 Edward Schatz. Modern Clan Politics. The Power of “Blood” in Kazakhstan and Beyond. University of Washington Press, 2004.

10 Корни межэтнических конфликтов в Казахстане и способы их устранения // Central Asian Bureau for Analytical Reporting – https://cabar.asia/ru/korni-mezhetnicheskikh-konfliktov-v-kazahstane-i-sposoby-ih-ustraneniya#_ftnref9

11 Слямбеков Қымбат. Қазақстанның тілдік жағдайы (сипаттама). Мемлекеттік тілді дамыту институты. 31/05/2017. 16:43. – https://mtdi.kz/e/til_sayasaty/id/435/q/2

12 Сәуле Исабаева. Қазақ тілінің нағыз сұранысқа ие болуына не кедергі болып отыр? Central Asia Monitor. 21-09-2019, 13:16. - <https://camonitor.kz/33674-aza-tln-nayz-sranysa-ie-boluyna-ne-kederg-bolyp-otyr.html>

13 Шайкемелев М.С. Методология этносоциальных исследований: анализ зарубежного и казахстанского опыта исследований этничности. Аль-Фараби. № 3 (79), 2022 . – С. 122-138.

14 Horowitz, Donald. Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California press, 1985.

15 См.: Тимашева Л.В., Бажан В.Г. Этнические стереотипы и установки как психологические детерминанты национально-этнических конфликтов. Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 11, Естеств. науки. 2016. № 3 (17). – С. 38 - 45.

16 Курганская В.Д., Дунаев В.Ю. Повышение качества образования молодежи полиэтнического социума как ресурс интеллектуального капитала // Интеллектуальный капитал в

XXI веке: Сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» – Иркутск: «Оттиск», 2019. – 272 с. – С.19-24

17 «Это проблема не межэтнических отношений, а проблема институтов государства». 12 февраля 2020, 09:12 - <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-central-asia-ethnic-conflicts-sergey-abashin-interview/30429801.html>

18 Glazer, N. and Moynihan, D. (1975) 'Introduction', in N. Glazer, and D. Moynihan (Eds.) *Ethnicity: Theory and Experience*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

19 Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике. Отв. ред. В.Я. Швейцер. М., Институт Европы РАН, 2006. 197 с.

20 О проверке соответствия Конституции Республики Казахстан Закона «О политических партиях» - https://adilet.zan.kz/rus/docs/S0200000006_

АВТОРЫ СБОРНИКА

Агарин Тимофей – директор Центра изучения этнических конфликтов Королевского Университета Белфаста (Северная Ирландия), доктор PhD, г. Белфаст (Великобритания)

Абрахматова Гульнара Абрайкуловна – доцент Алматинского университета энергетики и связи, кандидат философских наук, г. Алматы

Айтымбетов Нүркен Ысқақұлы – ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор PhD, секретарь Научно-экспертной группы АНК г. Алматы,

Алексеев Александр Николаевич – главный научный сотрудник НИЦ «Алтайтану», Восточно-Казахстанского Университета им. С. Аманжолова, доктор исторических наук, профессор, г. Усть-Каменогорск

Аубакирова Жанна Сакеновна – директор НИЦ «Алтайтану», ассоциированный профессор Восточно-Казахстанского Университета им. С. Аманжолова, кандидат исторических наук, г. Усть-Каменогорск

Беркинбай Ибрахим Ордабекұлы – научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, магистр политологии

Болганбаева Шолпан Дуйсенбековна – старший преподаватель Шымкентского инновационного университета, магистр политологии, г. Шымкент

Дунаев Владимир Юрьевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор, г. Алматы

Есенгараев Есет Жемисбекович – ведущий научный сотрудник Института экономических и правовых исследований Карагандинского университета Казпотребсоюза, кандидат исторических наук, г. Караганда

Имярова Зульфия Сулеймановна – ассоциированный профессор Университета НАРХОЗ, доктор PhD, г. Алматы

Исмагамбетов Талгат Танатарович – ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, кандидат политических наук, доцент, г. Алматы

Кадыржанов Рустем Казахбаевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор, член НЭГ АНК г. Алматы

Курганская Валентина Дмитриевна – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор, член НЭГ АНК г. Алматы

Мамедова Парида Иманжановна – заведующая кафедрой «Ассамблея народа Казахстана» Таразского регионального университета им. М.Х. Дулати, кандидат философских наук, г. Тараз

Назаров Равшан Ринатович – старший научный сотрудник Института государства и права АН РУз, доцент Ташкент-

ского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, кандидат философских наук, г. Ташкент (Узбекистан)

Сейдуманов Серик Турарович – генеральный директор Института философии, политологии и религиоведения МНВО РК, доктор социологических наук, профессор, академик НАН РК, г. Алматы

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, ассоциированный профессор, председатель Научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Сейдуманов С.Т.</i> Межэтнический аспект вызовов социальной стабильности в Казахстане.....	10
<i>Агарин Т.</i> Политологический анализ этносоциальных процессов: перспектива западной науки.....	23
<i>Айтымбетов Н.Ы., Беркинбай И.О.</i> Казақстанда этносаралық қарым-қатынас саласының дамуының негізгі мәселелері (ҚР ҒЖБМ ҒК ФСДИ зерттеулері негізінде).....	43
<i>Алексеев А.Н., Аубакирова Ж.С.</i> Репродуктивные стратегии казахстанских женщин в контексте социально-экономических и этнополитических факторов.....	56
<i>Болганбаева Ш.Д.</i> Социокультурные аспекты актуальных проблем межэтнического взаимодействия и социально-экономической адаптации кандасов в Туркестанской области.....	67
<i>Дунаев В.Ю.</i> «Окно Овертона» в дискурсе национализма.....	81
<i>Есенғараев Е.Ж.</i> Идентичность как дискурсивный феномен.....	98
<i>Имярова З.С.</i> Советская идеологема «дружбы народов» и ее трансформация в современном Казахстане.....	113

Исмагамбетов Т.Т.

Этнокультурное воспитание в системе образования:
специфика проявления..... 123

Кадыржанов Р.К.

Концепция коренного народа в советском
и постсоветском национальном строительстве..... 143

Курганская В.Д., Абрахматова Г.А.

Этнические меньшинства юга Казахстана
(по итогам социологических исследований)..... 156

Мамедова П.И.

Роль экспертных оценок общественно-политической
ситуации социального самочувствия как инструмент
предупреждения конфликтов в многосоставных
сообществах (на примере Жамбылской области)..... 180

Назаров Р.Р.

Этнополитические процессы и межэтнические
отношения: государственно-правовые аспекты
(на примере Узбекистана)..... 192

Шайкемелев М.С.-А.

Этнокультурные и гражданские маркеры
процессов формирования межкультурных границ
в сельских сообществах Юга Казахстана..... 207

Авторы сборника..... 257

Научное издание

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

Сборник научных трудов
Часть 3

Дизайн и верстка: *Ж. Рахметова*

Подписано в печать 21.10.2022.
Тираж 500 экз. Формат 170x240 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,37.

Отпечатано в типографии ТОО «378»
г. Алматы, пр. Райымбека, 212/1